

Сьюзен Коллинз

И вспыхнет пламя

Голодные игры - 2

Часть I

ИСКРА

Глава 1

Мои руки крепко сжимают флягу, хотя чай давно уже отдал свое тепло морозному воздуху. Все мышцы напряжены от холода. Если нагрянет стая диких собак, не уверена, что я смогу забраться на дерево. Надо бы встать и размять затекшее тело. Но я продолжаю сидеть, неподвижная, точно скала под ногами, наблюдая, как в лес проникают лучи рассвета. Солнце не остановишь, увы. Оно волей-неволей тащит меня за собой в этот день, которого я страшилась несколько месяцев.

К обеду они уже соберутся в моем новом доме, в Деревне победителей. Репортеры, телевизионщики, даже Эффи Бряк, мой прежний сопровождающий, - и та доберется в Дистрикт номер двенадцать из Капитолия (интересно, она до сих пор носит дурацкий розовый парик или на этот раз, в честь тура победителей, вздумает щеголять каким-нибудь новым оттенком, неизвестным в природе?). Будет и много других. Железнодорожный персонал, которому предстоит удовлетворять все мои нужды в течение долгого путешествия. Команда помощников, которые будут готовить меня к выходам на публику. Цинна, мой друг и стилист. Это он создал роскошный наряд, впервые приковавший ко мне всеобщее внимание во время Голодных игр.

Будь моя воля - забыла бы эти Игры навеки. Никогда бы не заговаривала о них. Притворилась бы, что это был страшный сон, и не более. Но тур победителей ни о чем не позволит забыть. Капитолий нарочно проводит его примерно посередине между сезонами, чтобы освежить у людей чувство ужаса. Нам, жителям дистриктов, не просто напоминают о том, как страшна железная хватка столицы, - нас вынуждают публично этому радоваться. В этом году я «звезда» представления. Меня провезут от дистрикта к дистрикту, и в каждом придется стоять перед ликующими зрителями, ощущая их затаенную ненависть, и смотреть со сцены в глаза людей, чьи родные убиты моей рукой...

Солнце неумолимо встает, и я заставляю себя подняться. Суставы болезненно ноют. Левая нога затекла так сильно, что «оживает» лишь через несколько минут усиленной ходьбы. Я три часа провела в лесу, но даже не попыталась всерьез поохотиться. Сумка для добычи пуста. Ни маму, ни мою младшую сестренку Прим это уже не затронет, они теперь могут позволить себе покупать в городской мясной лавке что пожелают, хотя, конечно, вкус лучше всего именно у свежей дичи. А вот Гейл Хоторп и его семья целиком зависят от этой охоты. Нельзя их подвести. И я пускаюсь в дорогу. Еще полтора часа проверять ловушки. В школьные времена мы успевали после полудня и пройтись по капканам, и поохотиться, и вернуться с добычей в город, чтобы выручить за нее деньги. Теперь, когда Гейл работает в угольных шахтах, а у меня не осталось других занятий, вся работа на мне.

Гейл уже наверняка спустился на вызывающем тошноту подъемнике в бездну и вгрызается в угольный пласт. Я знаю, что творится там, внизу. В школе нас каждый год водили туда на экскурсии. В раннем детстве шахта порождала у меня попросту неприятные ощущения. Тоннели навевали клаустрофобию, затхлый воздух и темнота даже не позволяли свободно вздохнуть. Но после того как взрывом убило папу и нескольких его товарищей, я с трудом заставляла себя войти в подъемник. Ежегодная экскурсия превратилась в пытку. Два раза

мне уже заранее становилось так плохо, что мать принимала мой страх за начало гриппа и разрешала остаться дома.

Я начинаю думать о Гейле. Только в лесах, среди свежего воздуха и прозрачных источников, он чувствовал себя по-настоящему живым. Не знаю, как ему удается терпеть... Впрочем, неправда, знаю. Он выдержит все, лишь бы прокормить свою мать, сестру и двоих младших братьев. В то время как я буквально сижу на мешках с деньгами, которых более чем достаточно на две семьи. Но нет, этот парень не примет в подарок даже монету. Гейл и мясо-то берет неохотно. Между тем, если бы я погибла на Играх, он, без сомнения, содержал бы и мою маму, и Прим. Постоянно ему твержу: для меня охота - желанное развлечение, чтобы не сойти с ума от безделья. И все равно я стараюсь не заставлять его дома, когда приношу добычу. Это нетрудно, ведь Гейл трудится по двенадцать часов в сутки.

Мы видимся только по воскресеньям, в лесу. Для меня и теперь это лучший день на неделе, однако что-то переменялось. Нет больше тех свободных бесед о чем пожелаешь. Игры отняли у меня даже это. Я еще слабо надеюсь, но в глубине души понимаю: все бесполезно. В прошлое нет возврата.

Сегодня у нас богатый улов: восемь кроликов, пара белок и грузный бобер, запутавшийся в проволочных силках, которые изобрел сам Гейл. Он просто гений ловушек. Всегда точно знает, как изогнуть молодое деревце, чтобы ветки не дали хищникам раньше нас добраться до жертвы; как закрепить увесистое бревно в равновесии при помощи тонких прутиков или как сплести корзину, откуда не выплыть попавшейся рыбе. После стольких лет работы с его западнями я уверена, что никогда не смогу повторить это хрупкое равновесие, не сумею почуять заранее, по какой тропе пробежит дикий зверь. Дело даже не в опыте. Это врожденный дар. Зато я стреляю без промаха и в кромешной тьме.

Но вот впереди возникает забор, окружающий Дистрикт номер двенадцать. Солнце еще высоко. Прислушиваюсь, не гудят ли от электричества звенья цепи. Тихо - как и почти все-гда, хотя нас убеждают, будто бы ток бежит круглые сутки. Через прокопанный под забором лаз я попадаю на Луговину, откуда рукой подать до родного дома. Нашего старого дома. Мы сохранили его, потому что мама и Прим до сих пор здесь прописаны - и вернуться сюда в случае моей внезапной смерти. А пока что мы трое благополучно воцарились в новом жилище, в Деревне победителей. И только я возвращаюсь в эту маленькую приземистую постройку, в стенах которой выросла. Она для меня и есть настоящий дом.

Сейчас, например, там будетудобно переодеться. Сменить старую кожаную отцовскую куртку на тонкое шерстяное пальто, немного узкое в плечах, а разношенные охотничьи сапоги - на дорогие фабричные туфли, более подходящие человеку в моем положении, как считает мама. Лук и стрелы надежно спрятаны в лесу, внутри прогнившей колоды. Время не ждет, но я все-таки позволяю себе немножечко посидеть на кухне. Какой запущенной она кажется без огня в печи, без скатерти на столе... Меня часто гложет тоска по прежней жизни. Да, мы едва сводили концы с концами, зато я точно знала собственное место на замысловатом полотне под названием жизнь. Теперь, когда вспоминаешь, те времена кажутся столь надежными по сравнению с нынешним днем, когда есть и богатство, и слава, и лютая ненависть Капитолия.

От мыслей меня отвлекает жалобный вой возле черного хода, - явился Лютик, старый облезлый котяра моей сестренки. Новый дом ему так же не по душе, как и мне. Лютик удирает сюда всякий раз, стоит Прим отправиться в школу. Мы с ним никогда особенно не ладили - и вот между нами возникла странная связь. Впустив кота, я угощаю его ломтем бобрового жира и даже немного почесываю за ухом.

- Тебе говорили, какой ты уродец, а, животное?

Он тычется мордой в руку, прося еще ласки, однако нам пора в путь.

- Идем.

Я хватаю Лютика в одну руку, добычу - в другую, и тащу все за дверь. Кот изворачивается и в один скачок скрывается за кустарником.

Туфли жмут мне большие пальцы. Под ногами хрустит уголь Шлака. Несколько раз срезав путь через переулок или чей-нибудь задний двор, я в считанные минуты добираюсь до дома Гейла. Увидев меня в окно, его мама Хейзел отрывается от плиты, вытирает ладони о фартук и идет открывать дверь.

Мне нравится Хейзел. Эту женщину есть за что уважать. Взрыв, убивший моего папу, унес и ее мужа, оставив беременную вдову с тремя мальчишками на руках. Не прошло и недели с тех пор, как она разродилась, а Хейзел уже искала работу. Шахты - не выход, если в доме не с кем оставить младенца, однако ей удалось устроиться прачкой в городе, к одному из торговцев. Так в четырнадцать лет Гейл, старший из сыновей, сделался главным добытчиком в семье. Он уже тогда мастерски ставил ловушки, подписался на тессеры и разрешал лишний раз внести свое имя в Лотерею ради скудного годового пайка из зерна и масла. Но и этого не хватало бы на семью

из пяти человек, если бы Хейзел не обдирала пальцы до костей о стиральную доску. Зимой ее красные, потрескавшиеся руки начинали кровоточить от малейшей царапины. Когда-то Хейзел и Гейл вместе решили, что ни двенадцатилетнему Рори, ни десятилетнему Вику, ни четырехлетней Позе никогда не придется вписывать свои имена для Жатвы.

При виде добычи Хейзел улыбается. Поднимает бобра за хвост.

- Тяжелый!... Вечером потушу с овощами.

В отличие от Гейла, она принимает помощь без капли смущения.

- И мех недурной, - отзываюсь я.

Мне приятно болтать с ней о достоинствах добычи. Хейзел наливает пахучего чая из трав, и я благодарностью грею о кружку окоченевшие пальцы.

- Знаешь, я тут подумала... Может, после тура победителей стоит время от времени брать с собой Рори? В лес, после уроков? Ему надо учиться стрелять.

Хейзел кивает.

- Хорошо. Гейл и сам собирался, но он свободен только по воскресеньям и предпочитает проводить их с тобой.

Наверное, я все-таки покраснела. Глупо, конечно. Пожалуй, никто на свете не понимает меня лучше Хейзел. Ей известно о наших с Гейлом отношениях. Думаю, очень многие ждали, что мы поженимся, хотя у меня и мысли об этом не возникало. Но то было до Голодных игр. До того как Пит Мелларк, земляк- трибут, во всеуслышание заявил, что безумно влюблен в меня. Наш роман стал ключом к выживанию на арене. Только вдруг оказалось: для Пита все было гораздо серьезнее. А для меня? Не знаю. Зато представляю, как мучился Гейл. Стоит подумать о туре победителей, когда нам с Питом вновь придется разыгрывать из себя влюбленных, и сердце сжимается.

Я допиваю чай, хотя он обжигает губы, и отодвигаюсь от стола.

- Пора идти. Надо еще навести красоту для камер.

Хейзел обнимает меня.

- Приятного ужина.

- Спасибо, - отзываюсь я.

Следующая цель - Котел, где обычно мне удавалось сбить с рук трофеи. Много лет назад он был угольным складом, потом оказался заброшен, стал точкой подпольной торговли и наконец превратился в настоящий черный рынок. Раз уж Котел притягивает к себе людей с подпорченной репутацией, стало быть, мне тут самое место. Лесная охота в окрестностях Дистрикта номер двенадцать нарушает, по меньшей мере, дюжину постановлений и по закону карается смертью.

Никто об этом не заговаривает, однако я - должница многих завсегдатаев Котла. Гейл рассказал, как Сальная Сэй устроила сбор пожертвований для меня и Пита во время Голодных игр. Поначалу деньги давали только в Котле, но многие люди, прослышав об этом, тоже внесли свой вклад. Не знаю точной суммы; знаю только, что эти деньги качнули чашу весов от смерти к жизни: на арене цена любого подарка достигает заоблачных высот.

До сих пор непривычно входить в Котел не с полной добычи охотничьей сумкой, а с увесистым кошельком на боку. Я стараюсь зайти почти в каждую лавку и что-нибудь приобрести: кофе, булочки, яйца, пряжу, масло... В последний момент покупаю три бутылки самогона у однорукой Риппер, жертвы несчастного случая в шахтах, у которой хватило ума прокормить себя.

Алкоголь - не для нас, а для Хеймитча. Во время Голодных игр он был нашим с Питом ментором. Угрюмый, жестокий, почти всегда пьяный, он все-таки сделал свою работу - и даже больше, поскольку впервые в истории было позволено победить двоим, а не одному оставшемуся в живых трибуту. Так что будь Хеймитч хоть кем угодно - перед ним я тоже в долгу. Пару-тройку недель назад, когда у него иссякли запасы, а в продаже не было ни бутылки, у Хеймитча началась ломка. Он трясся, орал на каких-то чудовищ, которых никто вокруг не видел, и до смерти перепугал мою Прим. Честно сказать, не очень понравилось наблюдать его в таком состоянии.

С тех пор я обзавелась привычкой пополнять запасы спиртного - просто так, на случай очередной недостачи.

Увидев меня с бутылками, глава миротворцев Крей хмурит брови. Он уже в летах, лицо у него багровое, несколько серебристых прядей волос зачесаны набок.

- Девочка, для тебя это слишком крепкое пойло.

Ему ли не знать!

- Маме потребовалось для каких-то лекарств, - пожимаю плечами я.

- Ага, этой штукой убьешь любую заразу, - бросает он и покупает бутылку за новенькую монету.

Вот и заведение Сальной Сэй. Я заставляю себя подсесть к столу и заказать миску супа, судя по виду - смеси из тыквы с бобами, и принимаюсь хлебать. Тут появляется миротворец по имени Дарий и тоже берет себе миску. Он хоть и страж порядка, но мне по душе: не тычет в нос своей властью, может при случае и пошутить. Должно быть, ему за двадцать, однако выглядит он ненамного старше меня. Даже чем-то похож на мальчишку - наверное, из-за улыбки и рыжих волос, торчащих во все стороны.

- Тебе не пора на поезд? - интересуется Дарий.

- В обед заберут, - отвечаю я.

Тогда он громко шепчет:

- Тогда, может, наведешь красоту? - и я не могу сдержать улыбки, несмотря на мрачное настроение. -

Ленточку заплетешь или что-нибудь в этом роде?

Он хочет погладить мою косу, но я отстраняюсь.

- Не беспокойся. Стилисты свое дело знают.

- И хорошо,- кивает Дарий.- Покажем немного патриотической гордости за дистрикт, хотя бы для разнообразия, а, мисс Эвердин?

А потом, с насмешливым порицанием покачав головой в сторону Сальной Сэй, выходит на улицу, чтобы присоединиться к своим товарищам.

- Суп оставь! - кричит ему вслед хозяйка, однако сквозь смех ее досада звучит не очень-то убедительно.

- Гейл придет на проводы? - спрашивает она у меня.

- Нет, его не было в списке. Мы уже виделись в воскресенье.

- Думаю, он что-нибудь придумает. Как-никак твой кузен, и все такое... - с хитрецей прибавляет Сальная Сэй.

Еще одна ложь, сочиненная капитолийцами. Когда во время Голодных игр мы с Питом пробились в последнюю восьмерку, журналисты явились разнохивать наши личные тайны; в ответ на вопрос, кто мой близкий друг, местные жители сразу назвали Гейла. Репортерам он, разумеется, пришелся не ко двору.

Учитывая мой якобы страстный роман на арене, парень со столь яркой мужественной внешностью никак не вписывался в понятие «близкий друг». К тому же он вовсе не собирался улыбаться и мило вести себя перед камерами. И вот его превратили в кузена. Вообще-то между нами и вправду есть определенное сходство.

Прямые темные волосы, смуглая кожа, серые глаза... Я ни о чем не догадывалась до тех самых пор, когда уже на вокзале мама не заявила: «Если б ты только знала, как тебя ждут твои кузены!» Повернувшись, я с изумлением увидела Гейла, Хейзел и других ее деток. Что оставалось делать? Только подыгрывать.

Сальной Сэй известно, что мы не родственники; а ведь кое-кто из наших давних знакомых предпочел об этом забыть.

- Жду не дождусь, когда все будет позади, - шепчу я.

- Понимаю, - кивает Сальная Сэй. - Но чтобы дождаться конца, нужно пройти начало и середину. Лучше уж не опаздывай.

По дороге я замечаю, как с неба сыплются первые редкие снежинки. Между площадью в центре города и Деревней победителей - каких-то полмили [1], а кажется, будто перенеслась куда-то далеко-далеко.

Здесь находится отделенная от внешнего мира община: двенадцать домов вокруг прелестной зеленой лужайки с цветущими кустиками, каждый дом - в десять раз больше того, где прошло мое детство. Девять из них пустуют. В занятых живут Хеймитч, Пит и я.

Наши с Питом дома хотя бы излучают тепло настоящей жизни. Освещенные окна, дым из трубы, букеты ярко раскрашенных колосьев, прикрепленные прямо над входом в честь приближающегося праздника урожая. А вот от логова Хеймитча, вопреки стараниям садовников, так и разит запустением и одиночеством, Я собираюсь с духом, толкаю дверь и вхожу.

Нос тут же морщится от отвращения. Хеймитч не допускает к себе уборщиц, а сам он - хозяин неважный, С годами запахи горячительных напитков и рвоты, вареной капусты и пережаренного мяса, несвежей одежды и мышиных фекалий смешались в один стойкий дух, вышибающий слезы. Шагая через залежи рваных пакетов, осколков и обглоданных костей, я направляюсь прямо на кухню - где же еще искать Хеймитча? Он за столом: руки разбросаны по столешнице, лицо тонет в луже спиртного, от яростного храпа чуть голова не отваливается.

Я толкаю его в плечо и громко приказываю:

- Вставай! - Церемониться бесполезно, это мы уже проходили.

Храп на мгновение вопросительно умолкает и тут же возобновляется с новой силой, Я толкаю сильнее.

- Хеймитч, вставай! Сегодня тур победителей.

С усилием открываю окно и несколько раз глубоко вдыхаю чистый воздух. Разворошив ногами слой мусора,

обнаруживаю оловянный кофейник. Набираю в него воды из-под крана. В запасе осталась горстка углей - хватит, чтобы разжечь конфорку. Насыпав молотых зерен, так чтобы получился довольно крепкий напиток, ставлю кофейник на огонь.

Хеймитч все еще совершенно безразличен к окружающему миру. Поскольку ничего больше не сработало, я наливаю таз холодной воды и выливаю ему ее на голову, отскакивая подальше. Хеймитч издает животный гортанный звук. Он вскакивает так, что стул отлетает на десять футов

[2]

назад, и вскидывает нож. Я и забыла, что он всегда спит с одним, зажатым в руке. Мне следовало вытащить нож из его пальцев, но моя голова была забита другим.

Извергая целый ряд ругательств, Хеймитч режет воздух за пару секунд до того, как прийти в себя. Он вытирает лицо рукавом рубашки и поворачивается к подоконнику, на который я взгромоздилась на тот случай, если придется быстро удирать.

- Что ты делаешь? - бормочет он.

- Ты велел мне разбудить тебя до того, как придут камеры, - отвечаю я.

- Что? - произносит он.

- Это была твоя идея, - настаиваю я.

Кажется, он припоминает.

- Почему я весь мокрый?

- Потому что у меня не было сил трясти тебя сильнее и я воспользовалась более радикальными методами, - говорю я. - Слушай, если ты хотел, чтобы с тобой нянчились, тебе следовало попросить Пита.

- Попросить меня о чем?

Даже звук его голоса скручивает мой желудок в узел, наполняя меня такими эмоциями, как вина, печаль и страх. И тоска. Я даже способна признать, что отчасти там есть и она. Но у нее слишком много соперников, чтобы она могла победить.

Я наблюдаю, как Пит пересекает расстояние до стола, солнечный свет, льющийся из окна, вспыхивает в его светлых волосах так же, как первый снег на улице. Он выглядит сильным и здоровым, настолько отличающимся от страдающего от голода мальчика, которого я знала на арене. Его хромота теперь фактически незаметна. Он кладет свежеспеченный хлеб на стол и протягивает свою руку к Хеймитчу.

- О том, чтобы разбудить меня, не подвергая мое здоровье угрозе заболеть пневмонией, - говорит Хеймитч, передавая ему нож. Он снимает свою грязную рубашку, оставаясь в не менее грязной футболке, и вытирается сухой частью.

Пит улыбается и окунает нож Хеймитча в белый ликер из бутылки на полу. Он вытирает чистое лезвие о свою рубашку и нарезает хлеб. Пит снабжает нас всех новоиспеченными товарами. Я охочусь. Он печет. Хеймитч пьет. У каждого из нас свой способ оставаться занятыми, держать наши мысли о тех временах, когда мы были на Играх, запертыми глубоко внутри. Только после того, как он вручает Хеймитчу корку, он впервые смотрит на меня.

- Хочешь кусок?

- Нет, я поела в Котле, - говорю я. - Но спасибо.

Мой голос не похож на настоящий, настолько он формален. Такой же, как всегда в последнее время, когда я говорила с Питом. С тех самых пор, как камеры закончили снимать наше счастливое возвращение домой, и мы вернулись к нашим реальным жизням.

- Пожалуйста, - отвечает он натянуто.

Хеймитч бросает свою рубашку в беспорядочную кучу.

- Брр! Вам двоим стоит потренироваться быть потеплее друг с другом до начала шоу.

Он прав, конечно. Публика будет ожидать парочку неразлучных влюбленных, которая победила на Голодных Играх. Не двух человек, которые едва ли могут смотреть друг другу в глаза. Но все, что я произношу, это:

- Прими ванну, Хеймитч.

Я прыгаю из окна на лужайку и иду по траве к своему дому.

Снег начал укладываться на землю, и я оставляю за собой следы. Перед дверью я останавливаюсь, чтобы отряхнуть влажные туфли, прежде чем войти. Мама работала день и ночь, чтобы подготовить все для камер, так

что я не могла позволить себе наследить на ее до блеска натертых полах. Я только перешагиваю порог, когда она взмахивает рукой, чтобы остановить меня.

- Не волнуйся, я сниму их здесь, - говорю я, оставляя туфли у входа.

Мама издает странно хриплый смех и снимает с моего плеча сумку для дичи, набитую запасами, купленными в Котле.

- Это всего лишь снег. Хорошо погуляла?

- Погуляла?

Она же знает, что я просидела в лесу половину ночи. И тут я вижу мужчину, стоящего позади нее в дверном проеме кухни. Один взгляд на его сделанный на заказ костюм и улучшенную хирургическим путем внешность сообщает мне о том, что он из Капитолия. Что-то здесь не так.

- Это больше было похоже на катание на коньках. Там действительно становится очень скользко.

- Коекто здесь хочет увидеть тебя, - говорит мама. Ее лицо очень бледно и я могу слышать в ее голосе беспокойство, которое она старается скрыть.

- Мне казалось, они не должны были прийти до полудня. - Я делаю вид, что не замечаю ее состояния. - Цинна прибыл раньше, чтобы помочь мне подготовиться?

- Нет, Китнисс. Это... - начинает мама.

- Пожалуйста, пройдемте сюда, мисс Эвердин, - говорит мужчина. Он жестом указывает на прихожую.

Довольно странно быть сопровождаемым по своему дому, но я понимаю, что лучше по этому поводу ничего не говорить.

Пока иду, я кидаю через плечо маме уверенную улыбку.

- Вероятно, еще инструкции для Тура.

Они посылали мне информацию обо всех видах маршрутов и о том, какой протокол будет соблюдаться в каждом из дистриктов. Но поскольку мы направляемся к двери кабинета, двери, которую я никогда до этого момента не видела закрытой, мысли начинают метаться в моей голове с бешеной скоростью. Кто здесь? Чего они хотят? Почему мама настолько бледная?

- Заходите прямо туда, - говорит мужчина из Капитолия, который шел со мной из прихожей.

Я поворачиваю отполированную медную ручку и делаю шаг внутрь. Маленький седовласый человек, читающий книгу, кажется неопределенно знакомым. Он поднимает палец, словно хочет сказать: «Один момент». А потом он поворачивается, и мое сердце замирает.

Я смотрю в змеиные глаза Президента Сноу.

Глава 2

Я считаю, что на президента Сноу нужно смотреть, когда он стоит перед мраморными столбами, на которых висят огромные флаги. Както странно видеть его окруженным самыми обычными вещами в комнате. То же самое, что открыть крышку кастрюли и обнаружить там клыкастую гадюку вместо тушеного мяса.

Зачем он здесь? Мои мысли мгновенно отправляются назад - к дням открытия Тура Победителей. Я вспоминаю трибутовпобедителей и их наставников со стилистами. Иногда даже высокопоставленные чиновники приезжали в дистрикт победителя. Но я никогда не видела президента Сноу. Он бывает на праздновании в Капитолии. Периодически.

Раз он проделал весь этот длинный путь, это может означать лишь одно. У меня большие проблемы. А если у меня, то и у моей семьи. Дрожь пробирает мое тело, когда я думаю о том, как близко моя мама и сестра находятся к этому человеку, презирающему меня. Потому, что я перехитрила его садистские Голодные Игры, заставив Капитолий выглядеть глупо и, следовательно, подорвав его власть.

Все, что я делала, это пыталась оставить в живых себя и Питу. Все, что можно было принять за неповиновение, было просто случайностью. Но когда Капитолий официально заявляет, что только один трибут может выжить, а у вас хватает смелости бросить ему вызов, полагаю, это как раз и есть неповиновение. Мой единственный шанс заключался в притворстве, что меня довела до безумия невероятно сильная любовь к Питу. Так нам обоим позволили выжить. Стать коронованными победителями. Ехать домой, не переставая махать в камеры, прощаясь, пока нас не оставили в покое. До этого момента.

Возможно, изза новизны дома или изза шока от того, что я вижу президента, а может изза четкого понимания,

что он может убить меня в любую секунду, я чувствую себя чужой. Как будто это его дом, а я незваная гостья. Так что я не приветствую его и не предлагаю стул. Я вообще ничего не говорю. Я просто рассматриваю его так, будто он действительно змея, очень ядовитая на вид. Я неподвижно стою, ища глазами пути к отступлению. Еле уловимый запах роз и крови пугает меня, словно загнанного зверька.

- Я считаю, что мы сделаем наше общение проще, если пообещаем не лгать друг другу, - говорит он. - Что скажете?

Мой язык словно примерз к небу, и я не могу произнести ни единого слова, однако, я удивляю саму себя, когда отвечаю уверенным голосом:

- Да, полагаю, так мы сэкономим время.

Президент Сноу улыбается, и я впервые обращаю внимание на его рот. Я ожидаю увидеть змеиные губы, не произносящие ни слова. Но они чрезмерно полны, а кожа будто натянута. Я задаюсь вопросом, был ли его рот изменен, чтобы сделать его внешность более привлекательной. Если да, то это была пустая трата денег и времени, потому что это не помогло.

- Мои советники уверяли меня, что с вами будет сложно договориться, но вы же не будете доставлять мне лишних хлопот? - спрашивает он.

- Нет, - отвечаю я.

- Так я им и сказал. Я сказал, что любая девчонка, которая прошла через столько испытаний, чтобы выжить, не собирается выбрасывать свои достижения на ветер. К тому же у нее есть семья, об этом надо хорошо подумать. Ее мать и сестра. И все эти... кузены.

По тому, как он произносит слово «кузены», я могу с уверенностью сказать, что он знает, что с Гейлом у нас совершенно разные генеалогические деревья.

Ну вот, все карты раскрыты. Возможно, так даже лучше. Я не люблю неоднозначные угрозы. Предпочитаю знать все наперед.

- Давайте присядем. - Президент Сноу садится за большой стол из отполированного дерева, за которым Прим делает домашнюю работу, а мама подсчитывает бюджет. Так же, как и на весь наш дом, он не имеет прав на это место. Хотя, конечно, на самом деле имеет. Я сажусь перед столом на один из резных стульев с прямой спинкой. Он сделан для кого-то более высокого, чем я, потому что до пола я достаю только кончиками пальцев ног, да и то с трудом.

- У меня проблема, мисс Эвердин, - говорит президент Сноу. - Проблема, возникшая как раз в тот момент, когда вы вытащили те ядовитые ягоды на арене.

Это был тот момент, когда я предположила, что если распорядителям Игр придется выбирать между тем, чтобы мы с Питом совершили самоубийство и, соответственно, не осталось бы ни одного победителя, и тем, чтобы оставить двух выживших, они выберут второй вариант.

- Если бы у Главы распорядителей Игр Сенеки Крэйна была хоть капля мозгов, он бы растер вас в порошок прямо на арене. Но у него тогда были несчастные романтические чувства. Как и у вас. Можете предположить, где он сейчас?

Я киваю, потому что то, как он это говорит, не оставляет ни единого сомнения - Сенека Крэйн был казнен. Запах роз и крови стал более ощутим теперь, когда нас разделяет лишь стол. Роза прикреплена к кармашку пиджака президента Сноу, но, полагаю, запах генетически усовершенствован, потому что он похож на сильный аромат цветочных духов. Что же касается крови... Я не знаю.

- После этого нам не мешало уже ничего, но мы позволили вам закончить разыгрывать ваш небольшой сценарий. И вы были довольно хороши в роли безумно влюбленной школьницы. Люди в Капитолии поверили вам на все сто. К сожалению, не все в дистриктах попались на этот крючок, - говорит он.

Видимо, на моем лице вспыхивает по крайней мере тень замешательства, потому что он замечает это.

- Этого вы, конечно, не знали. У вас нет доступа к информации о том, что происходит в других дистриктах. В некоторых из них люди рассмотрели вашу уловку с ягодами как акт неподчинения, а вовсе не акт любви. И если простая девчонка из Двенадцатого Дистрикта может бросить вызов Капитолию и выйти оттуда целой и невредимой, что может помешать им сделать то же самое? - продолжает он. - Что может помешать, скажем, восстанию?

Около минуты требуется мне, чтобы осознать его слова, после чего весь кошмар ситуации обрушивается на меня своим огромным весом.

- Были восстания? - спрашиваю я, одновременно холодея от ужаса и ощущая восторг от возможностей.

- Пока нет. Но будут, если ничего не предпринять. А восстания, как известно, приводят к революции. -

Президент Сноу потирает место над левой бровью. То самое место, где у меня бывают головные боли. - Вы хоть представляете, что это значит? Сколько людей погибнет? Что ожидает тех, кто останется? С Капитолием лучше не иметь разногласий, поверьте мне, я не преувеличиваю, когда говорю, что если он покажет свою власть, буквально за пару дней все дистрикты будут уничтожены.

Я озадачена прямоотой и даже искренностью этой речи. Будто больше всего их беспокоит благосостояние жителей Панема, ничто не может быть таким далеким от правды. Не знаю, как у меня хватает смелости, но я говорю:

- Видимо, вся ваша система была очень неустойчива, раз горстка ягод могла привести к такому.

Возникает долгая пауза, в течение которой он рассматривает меня. Затем он просто говорит:

- Неустойчива, но не изза того, изза чего вы полагаете.

Стук в дверь, и человек из Капитолия заглядывает внутрь.

- Ее мать хотела узнать, не желаете ли вы чаю?

- О, я с удовольствием. С удовольствием выпил бы чаю, - говорит президент.

Дверь открывается шире и входит мама, держа поднос с фарфоровым чайным сервизом, который она привезла в Шлак, когда вышла замуж.

- Поставьте, пожалуйста, здесь.

Он кладет свою книгу в угол стола и указывает в центр.

Мама устанавливает поднос на середину стола. На нем фарфоровый заварочный чайник и чашки, сливки и сахар, а также тарелка с печеньем. Оно красиво оформлено яркими цветами, это может быть только работой Пита.

- Какое гостеприимство. Знаете, это даже забавно, как часто люди забывают, что президенты тоже едят, - очаровательно произносит президент Сноу. Хорошо, кажется, это позволило маме немного расслабиться.

- Могу я сделать для вас еще чтонибудь? Я могла бы приготовить чтото более существенное, если вы голодны, - предлагает она.

- О, нет, все просто идеально. Спасибо, - говорит он, давая понять, что разговор окончен. Мама кивает, бросает на меня взгляд и уходит. Президент Сноу наливает чай нам обоим, наполняя его сахаром и сливками, затем долго помешивает. Я понимаю, что он высказался и теперь ждет моего ответа.

- Я не хотела начинать никакие восстания, - говорю ему я.

- Я вам верю. Но это не имеет значения. Ваш стилист оказался пророком в выборе вашего гардероба. Китнисс Эвердин, огненная Китнисс. Вы высекли искру, которую оставили без присмотра. И теперь она может привести к аду, в который превратится Панем, - произносит он.

- Почему вы не убьете меня прямо сейчас? - выпаливаю я.

- Публично? - спрашивает он. - Это бы только добавило топлива в огонь.

- Устройте тогда несчастный случай, - говорю я.

- И кто купился бы на это? Уж точно не вы, если бы были наблюдателем.

- Тогда просто скажите мне, что вы хотите, чтобы я сделала, и я сделаю это, - произношу я.

- Если бы все было так просто. - Он поднимает одно из печений и рассматривает цветок на нем. - Он прекрасен. Ваша мать сделала их?

- Пит.

И впервые я понимаю, что не в состоянии выдержать его пристальный взгляд. Я беру свой чай, но тут же ставлю его обратно, когда слышу, как чашка в моих руках колотится о блюдо. Чтобы сгладить это, я быстро беру печенье.

- Пит... Как поживает любовь всей вашей жизни? - задает вопрос он.

- Хорошо, - отвечаю я.

- И когда же он осознал всю степень вашего безразличного отношения к нему? - спрашивает он, опуская печенье в чашку с чаем.

- Я вовсе не безразлична к нему, - говорю я.

- Но у вас явно не те отношения с этим молодым человеком, в которые верит вся страна.

- И кто так считает? - спрашиваю я.

- Я, - говорит президент. - И меня бы не было здесь, если бы я был единственным человеком, который так думает. Как поживает красавецкузен?

- Я не знаю... Я не... - Меня душит отвращение изза обсуждения моих чувств к двум людям, о которых я забочусь больше всех на свете, с президентом Сноу.

- Продолжайте, мисс Эвердин. Егото я как раз могу легко убить, если мы не придем к удачному разрешению нашей проблемы. Вы не помогаете ему, исчезая с ним в лесах каждое воскресенье.

Если он знает об этом... Что еще он знает? И откуда он знает это? Многие могли сказать ему, что мы с Гейлом проводим наши воскресенья, охотясь. Разве это не становится очевидно, когда мы приходим, нагруженные дичью, на протяжении многих лет. Настоящий вопрос в том, что он думает о том, что мы выходили за пределы Дистрикта номер двенадцать в лес. Конечно, они не могли отслеживать нас там. Или могли? Неужели у нас были сопроводители? Это кажется невозможным. Во всяком случае, если это был человек. Камеры? Это никогда не приходило мне в голову до этого времени. Леса всегда были нашим безопасным местом, местом, где Капитолий не мог нас достать, где мы свободно могли сказать о том, что мы чувствуем, кто мы есть на самом деле. Во всяком случае, до Игр. Если за нами наблюдали с тех пор, то что они видели? Двое охотящихся людей, которые говорят об измене Капитолию... Возможно. Но не двое влюбленных, о которых, кажется, говорит президент Сноу. В этом они обвинить нас не могут. Если только... Если только...

Если только однажды. Это было быстро и очень неожиданно, но это действительно было.

После того, как мы с Питом вернулись с Игр, прошло две недели, прежде чем я смогла остаться с Гейлом наедине. Сначала были официальные празднования. Банкет для победителей, на который были приглашены только самые высокопоставленные чины. Затем праздник для всего дистрикта с бесплатной едой и артистами, присланными из Капитолия. Посылочный день - первый из двенадцати дней, в который посылки с пищей доставляются каждому ребенку в дистрикте. Это понравилось мне больше всего. Видеть всех этих голодных детей из Шлака, бегающих вокруг, размахивающих банками с яблочным пюре, мясом и даже леденцами, зовущих домашних, чтобы нести слишком тяжелые для них сумки с зерном и маслом. Знать, что раз в месяц в течение года они будут получать другие посылки. Это был один из тех немногих моментов, когда я фактически радовалась своей победе на Играх.

Во время этих церемоний, включающих в себя репортеров, записывающих каждое мое движение, я контролировала каждый свой шаг и постоянно благодарила и целовала Пита при каждой возможности, стараясь для аудитории. Личной жизни в это время у меня не было вообще. После нескольких недель все это поутихло. Операторские группы и репортеры собрались и отправились домой. Между Питом и мной возникли очень прохладные отношения, которые продолжаются до сих пор. Моя семья переехала в наш дом в Деревне Победителей. Повседневная жизнь жителей Дистрикта номер двенадцать восстановилась: рабочие отправились в шахты, а дети - в школу. Я ждала, пока на горизонте действительно станет чисто, и вот в одно воскресенье, никому ничего не говоря, я встала ни свет ни заря и отправилась в лес.

Погода была все еще довольно теплой, поэтому я не взяла крутку. Я упаковала сумку, засунув в нее такие необычные для себя продукты, как холодный цыпленок, сыр, свежий хлеб и апельсины. Заскочив в старый дом, я надела охотничьи ботинки. Мне не составило никаких проблем проскользнуть в лес и взять мои лук и стрелы. Я иду на наше место, мое и Гейла, на котором мы делили завтрак в день Жатвы, которая отправила меня на Игры.

Я ждала не меньше двух часов. Я даже начала думать, что он разочаровался во мне за те прошедшие недели. Или что я теперь его не волную. Может быть, он даже ненавидит меня. Мысль о том, что я потеряла его навсегда, моего лучшего друга, единственного человека, которому я доверяла свои тайны, была настолько болезненной, что я не могла ее выдержать. Только не сейчас, после всего пережитого. Я почувствовала, как начало резать глаза, а горло сдавило, как всегда, когда я очень расстроена.

Когда я подняла глаза, он был там, стоял на расстоянии в десять футов [3] и смотрел на меня. Не задумавшись ни на секунду, я подскочила и бросилась к нему в объятия, издав невероятный звук, сочетающий в себе смех, удушье и плач. Он держал меня настолько крепко, что я не могла видеть его лицо. Прошло довольно много времени, прежде чем он позволил мне отстраниться. У него просто не было выбора, потому что я начала очень громко икать, и мне нужно было попить.

В тот день мы занимались всем тем, чем занимались обычно. Сначала позавтракали. Затем охотились, ловили и собирали. Говорили о людях в городе. Только не о себе: о его новой жизни, связанной с работой в шахтах, о моем присутствии на арене. Когда мы подошли к дыре в заборе, которая была самой близкой к Котлу, я действительно верила, что все может быть постарому. Что мы сможем остаться теми, кем были всегда. Я отдала всю добычу Гейлу на продажу, ведь теперь я не нуждалась в деньгах. Сказала ему, что не пойду в Котел, даже несмотря на то, что мне очень хотелось туда попасть, но я не сообщила ни маме, ни сестре, что уйду охотиться, и они, наверняка, задаются вопросом, где же я. В тот момент, когда я предлагала ему свою помощь в ежедневном слежении за установленными им ловушками, он взял мое лицо в ладони и поцеловал меня.

Я была совершенно к этому не готова. Можно было бы подумать, что после всех часов, которые я провела с Гейлом, наблюдая за ним, слушая его разговоры и смех, смотря, как он хмурится, я должна знать о нем все, включая его губы. Но я и понятия не имела, какими теплыми они будут, прижимаясь к моим. Или как эти руки, которые могли соорудить самые запутанные из всех возможных ловушек, могли так легко поймать меня в одну из них. Кажется, я издавала какие-то странные звуки, вырывающиеся из моего горла, и я смутно помню свои пальцы, запутавшиеся в его волосах, и руку, лежащую на его груди. Отступив, он произнес:

- Я должен был сделать это. Хотя бы раз.

И он ушел.

Несмотря на то, что солнце уже садилось, а моя семья наверняка волновалась обо мне, я сидела на дереве рядом с забором. Я пыталась понять, что почувствовала во время поцелуя, понравился мне он или же я была возмущена, но все, что я на самом деле могла вспомнить - это прикосновение губ Гейла и аромат апельсинов, которым все еще пахла его кожа. Было бессмысленно сравнивать это с множеством поцелуев, которыми я обменивалась с Питом. Я так и не поняла, был ли хоть один из них настоящим. В конце концов, я направились домой.

На той неделе я управлялась с ловушками и приносила мясо Хейзелл. Но я не видела Гейла до самого воскресенья. Я придумала целую речь о том, как мне не хочется иметь парня и что я никогда не выйду замуж, но она мне не понадобилась. Гейл вел себя так, будто никакого поцелуя не было.

Возможно, он ждал, что я скажу что-нибудь. Или сама поцелую его. Вместо этого я тоже притворилась, что ничего не было. Но это было. Гейл разрушил какой-то невидимый барьер между нами и вместе с этим и все мои надежды на возобновление нашей старой и простой дружбы. Несмотря на все свое притворство, я так и не смогла смотреть на его губы так же, как раньше.

Все эти воспоминания, вызванные угрозой президента Сноу убить Гейла, проносятся в моей голове за мгновение, пока он внимательно смотрит на меня своим глазами. Какой душой я была, считая, что Капитолий забыл о моем существовании, когда я возвратилась домой! Возможно, я не знала о потенциальных восстаниях. Но я знала, что они были рассержены на меня. Вместо того чтобы быть чрезвычайно осторожной, что делала я? С точки зрения президента все выглядело так: я совершенно игнорировала Пита и выставляла на показ мое предпочтение компании Гейла перед всем дистриктом. Поступая так, я, можно сказать, дразнила Капитолий. И вот теперь из-за своей небрежности я подвергла опасности Гейла и его семью, и свою семью, и Пита.

- Пожалуйста, не трогайте Гейла, - шепчу я. - Он всего лишь мой друг. Он был моим другом в течение многих лет. Кроме того, теперь все считают, что мы кузены.

- Я просто интересуюсь, каким образом это касается ваших с Питом отношений и как это может повлиять на настроения в дистриктах.

- В Туре все будет иначе! Я буду влюблена в него так же, как и была влюблена.

- Так же, как вы влюблены в него сейчас, - исправляет меня президент Сноу.

- Так же, как и сейчас, - соглашаюсь я.

- Только вам стоит сделать это еще лучше, потому что восстания должны быть предотвращены, - говорит он. - Этот Тур - ваш единственный шанс что-либо изменить.

- Я знаю! Я буду... Я буду убеждать всех в дистриктах, что я не бросаю вызов Капитолию, что я обезумела от любви, - говорю я.

Президент Сноу встает и вытирает свои пухлые губы салфеткой.

- Добейся большего.

- Что вы имеете в виду? Каким образом я могу добиться большего? - спрашиваю я.

- Убеди меня, - говорит он, кладет салфетку и забирает книгу. Я не смотрю на него, пока он идет к двери, поэтому вздрагиваю, когда он шепчет мне в ухо:

- Между прочим, я знаю о поцелуе.

И затем я слышу щелчок закрывшейся за ним двери.

Глава 3

Запах крови... Он был в его дыхании.

Что он делает? Думаю я. Пьет ее?

Я представляю его потягивающим кровь из чайной чашки. Он макает туда печенье, достает его и с него стекают красные капли.

За окном оживает автомобиль, мягко и тихо мурлыча, словно кошка, он постепенно удаляется. Он ускользает так же, как и появился, - незаметно.

Комната, кажется, медленно и криво вращается, и я задаюсь вопросом, потеряю ли я сознание. Я наклоняюсь вперед, крепко сжимая стол одной рукой. В другой я попрежнему держу красивое печенье Пита. Кажется, на нем была тигровая лилия, но теперь это просто горстка крошек в моем кулаке. Я даже не заметила, когда раздавила его, но, полагаю, я должна была за что-то держаться, когда мой мир вышел изпод моего контроля.

Визит президента Сноу. Дистрикты на грани восстания. Прямая смертельная угроза Гейлу и остальным моим близким. Все, кого я люблю, обречены. И кто знает, кому еще придется заплатить за мои действия? Если я не изменю все за время Тура. Утихомирю беспокойство и смогу убедить президента. И как? Доказывая стране, что я, вне сомнения, без ума от Пита Мелларка.

«У меня не получится, - думаю я. - Я не настолько хороша».

А вот Пит хорош, он милый. Он может заставить людей поверить во все, что угодно. Мне стоит молчать и позволять ему вести разговор так долго, насколько это возможно. Но не Пит должен доказать свою преданность, а я.

Я слышу легкие быстрые шаги мамы в гостиной. Думаю, она не знает. Ни о чем. Я поднимаю руки к подносу и быстро очищаю крошки от печенья со своих ладоней. Делаю неуверенный глоток чая.

- Все хорошо, Китнисс? - спрашивает она.

- Все в порядке. Нам не показывают это по телевизору, но президент всегда посещает победителей перед туром, чтобы пожелать удачи, - отвечаю я.

На лице моей матери написано облегчение.

- О, а я думала, что у тебя как-то неприятности.

- Нет, никаких, - говорю я. - Неприятности у меня будут, когда моя подготовительная команда увидит, насколько я позволила снова зарости бровям.

Мама смеется, а я думаю, что с тех пор, как я взяла на себя заботу о нашей семье в одиннадцать лет, ничего не изменилось, и я всегда буду защищать ее.

- Набрать тебе ванну? - спрашивает она.

- Конечно! - говорю я, наблюдая, как рада она моему ответу.

С тех пор, как я вернулась домой, я изо всех сил старалась исправить свои отношения с матерью. Просила ее делать такие вещи, которые я не позволяла ей на протяжении многих лет, вместо того, чтобы отказываться от любой ее помощи, как я дела раньше изза злости на нее. Отдала в ее распоряжение все деньги, доставшиеся мне от победы. Вернувшись, я была рада ее объятиям, а вовсе не терпела их, как раньше. За время, проведенное на арене, я поняла, что мне следует прекратить наказывать ее за то, что она не помогала нам, впад в тяжелую депрессию, после смерти отца. Такие вещи иногда случаются с людьми, а у них нет возможности бороться с ними.

Как и в моем случае. Прямо сейчас.

Кроме того, была одна очень хорошая вещь, которую она сделала для меня, когда я вернулась в дистрикт. После того, как наши семьи и друзья поприветствовали меня и Пита, репортерам было позволено задать нам несколько вопросов. Ктото спросил мою мать, что она думает о моем новом парне. Она ответила, что Пит - идеальный молодой человек, но мне еще рано встречаться с любым. Было много смеха и комментариев вроде «Коекто влип» от прессы, и Пит отпустил мою руку и отошел от меня подальше. Это продолжилось недолго: на нас слишком давили, чтобы мы могли позволить себе так себя вести, но это дало нам оправдание и сделало нас несколько более защищенными, чем в Капитолии. И, возможно, это может помочь объяснить, почему я так редко была в компании Пита с тех пор, как уехали камеры.

Я поднимаюсь наверх, где ждет меня горячая ванна. Мама добавила маленький мешочек сухих цветов, и в воздухе пахнет духами. Никто из нас не привык к роскоши, включающей в себя кран с неограниченной поставкой горячей воды, бегущей рядом с пальцами ног. В нашем доме в Шлаке вода была только холодной, а чтобы принять ванну, ее приходилось кипятить на огне. Я раздеваюсь и опускаюсь в мягкую воду - мама добавила какого-то масла - и стараюсь вернуть контроль над вещами.

Первый вопрос - кому рассказать обо всем? Не маме и не Прим. Совершенно точно. Им только станет плохо от беспокойства. Не Гейлу. Даже если бы я смогла с ним поговорить. В любом случае, что бы он сделал с информацией? Если бы он был один, я бы смогла попытаться убедить его сбежать. Он легко бы смог выжить в

лесу. Но он не один и никогда не оставит свою семью. А я... Когда я вернусь, мне придется рассказать ему, почему наши воскресенья теперь в прошлом, но сейчас я не могу даже думать об этом. Только о своем следующем шаге. Кроме того, Гейл и так уже настолько зол на Капитолий, что мне иногда кажется, что он готов устроить свое собственное восстание. Последнее, что ему сейчас нужно, это стимул. Нет, никому из тех, кого я оставляю в Дистрикте 12, я это рассказать не могу.

Есть всего три человека, которым я могу это доверить, начиная с Цинны, моего стилиста. Но изза моего положения Цинна уже и так может находиться в опасности, и я вовсе не хочу втянуть его в еще большие неприятности изза тесной связи со мной. Есть еще Пит - мой партнер в этом обмане, но как я начну разговор? «Эй, Пит, помнишь, как я сказала тебе, что вся моя любовь к тебе была лишь фальшивкой? О, отлично! Мне действительно очень надо, чтобы ты забыл об этом и вел себя, как будто безумно влюблен в меня, иначе президент убьет Гейла». Я не могу так поступить. Кроме того, Пит исполнит свою роль великолепно, независимо от того, знает он, что на кону или нет. Остается Хеймитч. Пьяный, эксцентричный, вечно всем недовольный Хеймитч, на которого я только что вылила тазик ледяной воды. Когда он был моим ментором, его обязанностью было поддерживать меня. Остается одна надежда на то, что это все еще его работа.

Я опускаюсь ниже, позволяя воде поглотить все звуки вокруг меня. Мне хотелось бы, чтобы ванна расширилась, и я могла поплавать, как когдато в жаркие воскресенья в лесу с моим отцом. Те дни были особенно приятными. Мы уходили рано утром, чтобы пройти дальше, чем обычно, глубоко в лес, к маленькому озеру, которое он обнаружил, когда охотился. Я даже не помню, как училась плавать, настолько я была мала, когда он давал мне уроки. Я только помню, как ныряла, кувыркалась и брызгалась. Илистое дно озера было ниже, чем я могла достать ногами. Запах цветов и зелени. Я плавала на спине, глядя на небо, а шум лесов был приглушен водой. Он засовывал водяную птицу, которая гнездилась около берега, в мешок, а я искала яйца среди травы, и оба мы набирали клубеньков китнисс, травы, растущей на мели, именем которой он назвал меня. Вечером, когда мы возвращались домой, мама делала вид, что не узнает меня, настолько я была чистой. И она готовила удивительный обед: жареная утка и клубни китнисс с соусом.

Я никогда не брала Гейла к озеру. Хотя могла. Дорога туда была долгой, но водяные птицы - такая легкая добыча, и это восполняло время, которое можно было бы потратить на охоту. Просто это было место, которым я никогда ни с кем не хотела делиться, это место принадлежало только мне и моему отцу. С тех пор, как закончились Игры, у меня было много свободного времени, и я сходила туда пару раз. Плавание попрежнему было прекрасным, но в основном пребывание там подавляло меня. За прошедшие пять лет озеро изменилось почти до неузнаваемости.

Даже под водой я могу слышать звуки волнения. Гудение автомобилей, приветственные возгласы, стук закрывающейся двери. Это может означать лишь одно - мое окружение прибыло. Мне хватило времени только быстро вытереться и залезть в одежду, прежде чем моя команда ворвалась в ванную. Никакой частной жизни. Когда дело касается моего тела, у нас нет секретов - у этих троих и меня.

- Китнисс, твои брови! - тут же восклицает Вения. И даже несмотря на то, что надо мной сгустились тучи, я чувствую, как меня душит смех. Ее волосы цвета морской волны уложены так, что они торчат в разные стороны по всему периметру головы. Ее золотые татуировки, расположенные над бровями, сейчас подняты настолько высоко, что я понимаю: я буквально потрясла ее.

Октавия подходит и успокаивающе гладит Вению по спине, она выглядит даже полнее, чем обычно, рядом с худенькой Венией.

- Успокойся, это ты исправишь в мгновение ока. Но вот что мне делать с этими ногтями? - Она берет мою руку и зажимает между своими бледнозелеными ладонями. Нет, ее кожа теперь не цвета гороха. Она скорее оттенка вечнозеленого растения. Без сомнения, это очередная попытка угнаться за странной изменчивой модой Капитолия. - И правда, Китнисс, тебе стоило оставить мне хоть что-то, с чем я могла бы работать! - вопит Октавия.

Это правда. За прошлые месяцы я обгрызла ногти практически до мяса. Я думала о том, что следовало бы избавиться от этой привычки, но так и не нашла серьезной причины, чтобы сделать это.

- Прости, - бормочу я.

Я действительно не особо размышляла над тем, как мой вид может затронуть мою приготовительную команду.

Флавий приподнимает несколько прядей моих влажных, запутанных волос. Он неодобрительно качает головой, что заставляет его оранжевые кудряшки пружинить в разные стороны.

- Их никто не трогал с того момента, как мы с тобой последний раз виделись? - спрашивает он совершенно

серьезно. - Помнишь, мы просили тебя оставить свои волосы в покое?

- Да! - говорю я, радуясь, что могу показать, что не принимаю их просто как должное. - Я имею в виду, я не стриглась. Я действительно помнила об этом.

На самом деле, конечно, я не помнила. Дело в том, что такая потребность просто не возникала. С тех пор, как я приехала, все, что я делала с волосами, это заплетала их в обычную косу, свисающую за спиной.

Кажется, это их успокоило. Они все целуют меня. Затем усаживают на стул в моей спальне и как всегда начинают безостановочно болтать, даже не потрудившись обратить внимание, слушаю я их или нет. В то время как Вения вновь выщипывает мои брови, Октавия делает мне накладные ногти, а Флавий втирает какуюто липкую смесь в мои волосы, я слушаю обо всем, что происходит в Капитолии. Какой фурор произвели Игры, как скучно было с тех пор, как они закончились, как все не могут дождаться, когда я и Пит снова приедем туда по окончанию Тура Победителей. А после этого останется не так много времени, прежде чем Капитолий начнет подготовку к Двадцатипятилетию Подавления.

- Разве это не захватывающе?

- Разве ты не счастливица?

- На следующий же год после того, как ты победила, ты станешь ментором на Двадцатипятилетию Подавления.

Их слова перекрываются туманом волнения.

- Да, конечно, - говорю я безразлично. Что еще я могу сделать? В обычномто году быть ментором трибута - это кошмар. Я не могу ходить в школу теперь, не задаваясь каждый раз вопросом, кого же из этих детей мне предстоит тренировать. Но еще хуже то, что это будут Семьдесят Пятые Голодные Игры, что означает, что это Двадцатипятилетие Подавления. Они проводятся раз в двадцать пять лет, отмечая годовщину разгрома дистриктов с невероятными празднованиями, и для особой забавы - с некоторыми изменениями в правилах для трибутов. Конечно, я за свою жизнь ни одного еще не видела. Но в школе я слышала, что на втором Двадцатипятилетию Подавления Капитолий потребовал, чтобы трибутов на арене было в два раза больше, чем обычно. Учителя особо не вдавались в детали, что странно, потому что это как раз был тот год, когда трибут из Дистрикта 12 - Хеймитч Эбернети - получил корону.

- Хеймитчу следует быть готовым к большому вниманию к его персоне! - взвизгивает Октавия.

Хеймитч никогда не рассказывал мне о собственном опыте, полученном на арене. А я никогда не спрашивала. И если я когда-то и видела те Игры в повторных показах, я была слишком мала, чтобы помнить это. Но Капитолий напомним ему в этом году. В некотором смысле это даже хорошо, что мы с Питом будем менторами во время Двадцатипятилетия Подавления, потому что, могу поспорить, если вы поставите на Хеймитча, вы проиграете.

После того, как члены моей подготовительной команды выдают мне всю информацию, связанную с Двадцатипятилетием Подавления, они начинают рассказывать о своих необъяснимым образом бессмысленных жизнях. Кто и что сказал о комто, о ком я никогда в жизни не слышала, какую обувь они недавно купили. А Октавия выдала мне длинную историю о том, какой ошибкой было заставить всех надеть на ее вечеринку по случаю дня рождения перья.

Вскоре мои брови выщипаны, волосы мягкие, гладкие и шелковистые, а ногти готовы для покраски. Очевидно, им дали указания подготовить только мои руки и лицо, потому что в такую погоду, все остальное будет скрыто. Фабий очень хочет использовать его собственную фишку - фиолетовую помаду - на мне, но смиряется с розовым цветом, когда таким же делают мое лицо и ногти. Как я могу понять, такая палитра означает, что Цинна выбрал вариант милой девочки, а не сексуальной девушки.

Замечательно. Я не смогу никого ни в чем убедить, если буду выглядеть вызывающе. Хеймитч очень четко мне это разъяснил, когда готовил меня к интервью на Играх.

Входит мама, немного стесняясь, и сообщает, что Цинна попросил ее показать прическу, в которую она уложила мои волосы в день Жатвы. Команда полна энтузиазма. Затем они очень внимательно наблюдают за маминной работой, полностью поглощенные процессом плетения затейливой прически. В зеркале я могу видеть, как они ловят каждое ее движение, их рвение, когда приходит их очередь опробовать способ. Все трое очень почтительны с моей мамой, и мне становится не по себе оттого, что я чувствую себя настолько выше их. Кто знает, кем бы я была и о чем бы я болтала, если бы меня воспитывали в Капитолии? Возможно, самыми большими проблемами в моей жизни тоже были бы переживания изза костюмов на моем дне рождения.

После того, как с волосами закончено, я нахожу Цинну внизу в гостиной, и просто взгляд на него обнадеживает меня. Он выглядит так же, как всегда: простая одежда, короткие каштановые волосы, легкая

золотистая подводка вокруг глаз. Мы обнимаемся, и я с трудом удерживаюсь, чтобы тут же не вывалить всю информацию о моем разговоре с президентом Сноу. Нет, я же решила сначала сказать Хеймитчу. Ему лучше знать, кого можно в это втянуть. И все же с Цинной так легко разговаривать. В последнее время мы много общались по телефону, который есть у нас дома. Это что-то вроде шутки, потому что почти ни у кого из тех, кого мы знаем, нет аппарата. Есть у Пита, но, очевидно, ему я не звоню. Хеймитч сорвал свой со стены несколько лет назад. У моей подруги Мадж - дочери мэра - телефон есть, но если мы хотим поговорить, мы предпочитаем делать это с глазу на глаз. Так что сначала этой вещью никто не пользовался. Но потом мне начал звонить Цинна, чтобы поработать с моим талантом.

Предполагается, что он есть у каждого победителя. Талант - это та деятельность, в которой вы хорошо разбираетесь, которой будете заниматься, так как вам не придется работать ни в школе, ни в той сфере промышленности, которой известен ваш Дистрикт. Это может быть что угодно, действительно, что угодно, о чем они могут взять у вас интервью. У Пита и правда есть талант - рисование. В течение многих лет он глазировал пироги в пекарне своего отца. Но теперь, когда он богат, он может позволить себе настоящую краску и холсты. У меня таланта нет, если, конечно, не считать незаконную охоту, которую они и не считают. Или, возможно, пения, но я бы ни за что не стала петь для Капитолия. Мама пыталась меня заинтересовать хоть чем-то из списка альтернатив, присланного ей Эффи Бряк. Кулинария, икэбана, [4] игра на флейте. Ничего не подошло, хотя у Прим все это получалось с легкостью. В конце концов, Цинна вызвался помочь мне развить в себе страсть к созданию одежды, которую действительно нужно было развивать, учитывая, что она полностью отсутствовала. Но я согласилась, потому что это означало, что я буду общаться с Цинной, и он пообещал взять на себя всю работу.

Теперь он раскладывает вещи в моей комнате: одежда, ткани, альбомы с рисунками эскизов. Я беру один из альбомов и рассматриваю платье, которое я, по общему мнению, создала.

- Знаешь, думаю, я подаю большие надежды, - говорю я.

- Оденься. Ты отстой, - отвечает он, кидая в меня пакет с одеждой.

У меня нет никакого интереса к созданию одежды, но я действительно люблю те вещи, которые Цинна делает для меня. Такие, как эти. Мягкие черные штаны сделаны из плотного теплого материала. Удобная белая рубашка. Свитер, связанный из зеленой, синей и серой пряжи, состоящей из мягкой шерсти котенка. Кожаные ботинки на шнуровке, которые не жмут мои пальцы.

- Я сама создавала себе одежду? - спрашиваю я.

- Нет, тебе бы хотелось создавать себе одежду и походить на меня, твоего кумира в мире моды, - говорит Цинна. Он вручает мне небольшую стопку карточек. - Прочитай это, пока они будут снимать на камеры одежду, и постарайся звучать взволнованно.

Именно тогда прибывает Эффи Бряк в парике цвета тыквы, чтобы напомнить всем: «Действуем по расписанию». Она расцеловывает меня в обе щеки, махая операторской группе, затем велит мне встать на место. Только благодаря Эффи в Капитолии мы делали все вовремя, поэтому я стараюсь ее слушаться. Я, словно марионетка, начинаю двигаться по комнате, брать в руки одежду и говорить ничего не значащие вещи, вроде: «Вам нравится?» Звуковая команда записывает мой веселый голос, читающий написанное на карточках, они вставят это в видео позже, когда я уйду из комнаты, а они смогут сделать фильм о моем (Цинны) дизайнерском мире.

По такому случаю Прим возвращается из школы раньше обычного. Теперь она стоит на кухне, а другая команда берет у нее интервью. Она выглядит прекрасно в своем небесно-голубом платье, которое подчеркивает ее глаза, в светлые волосы вплетена соответствующая ленточка. Она наклоняется немного вперед, опираясь на носки ее блестящих белых туфелек, словно она собирается побежать, словно...

Бам! Это как будто кто-то ударил меня в грудь. На самом деле, конечно, никто этого не делал, но боль настолько реальна, что я начинаю отступать. Я зажмуриваюсь и не вижу Прим... Я вижу Руту - двенадцатилетнюю девочку из Дистрикта 11, которая была моей союзницей на арене. Она могла перелетать, словно птичка, с дерева на дерево, хватаясь за тончайшие ветки. Рута, которую я не спасла. Которой я позволила умереть. Я представляю ее, лежащую на земле все с тем же копьем в животе.

Кого еще я не смогу спасти от мести Капитолия? Кто еще погибнет, если мне не удастся убедить президента Сноу?

Я осознаю, что Цинна пытается надеть на меня пальто и поднимаю руки. Я ощущаю мех, который окутывает меня с головы до пят. Это мех животного, которого я никогда не видела.

- Горностаи, - говорит он мне, видя, как я поглаживаю белый рукав. Кожаные перчатки. Ярkokрасный шарф.

Что-то пушистое опускается мне на уши. - Ты вернешь теплые наушники в моду.

Ненавижу теплые наушники, думаю я. Они ухудшают возможность слышать. А с тех пор, как я после взрыва некоторое время была глухой на одно ухо, я ненавижу их еще сильнее. После того, как я победила, Капитолий вылечил мое ухо, но я попрежнему ловлю себя на том, что проверяю, так ли это.

Мама торопится ко мне с чем-то зажатым в руке.

- На удачу, - говорит она.

Эта та брошь, которую дала мне Мадж перед моей поездкой на Игры. Сойкапересмешница, касающаяся кончиками крыльев золотого кольца. Я хотела отдать ее Руте, но та не взяла ее. Она сказала, что брошь была причиной, по которой она решила мне довериться. Цинна прикрепляет ее на узел шарфа.

Стоящая рядом Эффи Бряк хлопает в ладоши:

- Все внимание! Мы собираемся сделать первый кадр на улице, на котором победители будут приветствовать друг друга в начале их чудесной поездки. Так, Китнисс, улыбайся шире, ты ведь очень взволнована, не так ли?

Я не преувеличиваю, говоря, что она буквально выпихивает меня наружу.

Мгновение я не могу ничего рассмотреть из-за снега, который теперь пошел понастоящему. Потом мне удается разобрать Пита, выходящего из своей двери. В голове я слышу указание президента Сноу: «Убедите меня». И я знаю, что я обязана это сделать.

Мое лицо озаряет широкая улыбка, и я начинаю движение в сторону Пита. И словно я не могу ждать больше ни секунды, я начинаю бежать. Он ловит меня и кружит, а затем поскальзывается - он все еще не до конца привык к своей искусственной ноге - и мы падаем в снег, я оказываюсь сверху, и впервые за месяцы целую его. Поцелуй полон меха, снега и помады, но все, что чувствую я - уверенность, которую Пит приносит во все. И я знаю, что я не одна. Он не будет причинять мне перед камерами такую же ужасную боль, которую причинила ему я. Не будет осуждать меня за несмелый поцелуй. Он попрежнему смотрит на меня так, как тогда - на арене. Так или иначе, эта мысль вызывает у меня желание заплакать. Вместо этого я помогаю ему подняться, беру под руку и весело тяну его в наш путь.

Остальная часть дня уходит на то, чтобы добраться до станции, со всеми попрощаться и загрузиться в поезд. В состав путешественников входит вся наша старая команда: Пит и я, Эффи и Хеймитч, Цинна и Порция, стилист Пита. Мы вкусно обедаем изумительным блюдом, название которого я не запоминаю. И вот уже я, натянув пижаму и просторный халат, сижу в своем шикарном купе и жду, пока остальные заснут. Я знаю, что Хеймитч не ляжет еще довольно долго. Он не любит спать, пока темно.

Когда в поезде становится совсем тихо, я надеваю свои тапочки и крадусь в сторону его двери. Мне приходится несколько раз постучать, прежде чем он открывает дверь, хмурясь, словно уверен, что я принесла дурные вести.

- Что надо? - спрашивает он, фактически сбивая меня с ног облаком винных паров.

- Мне нужно с тобой поговорить, - шепчу я.

- Сейчас? - говорит он. Я киваю. - Лучше бы это было чем-то хорошим. - Он ждет, но я чувствую, что каждое слово, произнесенное здесь, записывается Капитолием. - Ну?

Поезд начинает тормозить, и я даже около секунды думаю, что президент Сноу не одобряет мое доверие Хеймитчу и что он решил пойти до конца, убив меня прямо сейчас. Но мы останавливаемся всего лишь для дозаправки.

- В поезде слишком душно, - говорю я.

Это безобидная фраза, но я вижу, как глаза Хеймитча сужаются в понимании.

- Я знаю, что тебе нужно. - Он проходит мимо меня и, покачиваясь, направляется к двери. Когда он побеждает, и дверь открывается, шквал снега ударяет в нас. Хеймитч падает прямо на землю.

Наша спутница из Капитолия подбегает, чтобы помочь, но Хеймитч добродушно отмахивается и, шатаясь, начинает уходить:

- Просто захотелось глотнуть свежего воздуха. Всего на минуту.

- Простите, он пьян, - говорю я извиняющимся голосом. - Я займусь им.

Я спрыгиваю с поезда и иду следом за Хеймитчем, мои тапочки мгновенно промокают от снега. Он ждет меня в конце поезда, там, где нас не смогут подслушать. Затем он поворачивается ко мне:

- Что?

Я рассказываю ему все: о президентском визите, о Гейле, о том, как все мы умрем, если я потерплю неудачу. Его лицо становится старше и трезвее в свете красных фар.

- Значит, ты не можешь потерпеть неудачу.

- Если бы ты помог пройти мне через эту поездку...

- Нет, Китнисс, это не только поездка.

- Что ты имеешь в виду?

- После того, как закончится Тур, через несколько месяцев нам снова придется ехать на Игры, вы с Питом теперь будете наставниками трибутов Дистрикта12, каждый год. И каждый год они будут перебирать по косточкам ваш роман, выяснять детали вашей личной жизни, и ты никогда не сможешь это изменить, не сможешь просто счастливо жить с тем парнем.

Полное осознание того, о чем он говорит, поражает меня. У меня никогда не будет возможности жить с Гейлом, даже если я захочу. Мне никогда не позволят жить одной. Я всегда буду должна любить Пита. Капитолий настаивает на этом. У меня, возможно, будет несколько лет, потому что мне все-таки всего шестнадцать, в течение которых я смогу пожить с мамой и Прим. А потом... потом...

- Ты понимаешь, что я имею в виду? - давит Хеймитч на меня.

Я киваю. Я понимаю, что он имеет в виду: для меня есть лишь одно возможное будущее, если я хочу видеть тех, кого я люблю, живыми. Я должна выйти замуж за Пита.

Глава 4

В поезд мы возвращались в полной тишине. В тамбуре перед моим купе Хеймитч ободряюще похлопывает меня по плечу и говорит:

- Ты могла сделать все еще хуже, ты же знаешь.

Он направляется к своему купе вместе с его винным запахом.

В своей комнате я скидываю промокшие тапочки, халат и пижаму. В шкафу есть еще, но я просто заползаю в постель прямо в нижнем белье. Я смотрю в темноту, думая о своем разговоре с Хеймитчем. Все, что он сказал об ожиданиях Капитолия, о моем будущем с Питом, было правдой. Даже его последний комментарий. Конечно, я могла сделать все еще хуже, чем в ситуации с Питом. Но дело не в этом, ведь так? Одно из немногих, что мы в Дистрикте12 вольны делать сами, это жениться на том, на ком мы хотим, если вообще хотим. И теперь я лишена даже этой возможности. Интересно, настаивает ли президент Сноу, чтобы у нас были дети? Если они будут, им тоже предстоит участвовать в Жатве каждый год. И будет ли что-то значить, что это дети ни одного, а целых двух Победителей Игр? Дети Победителей и раньше попадали на ринг. Это всегда вызывает множество волнений и споров, но решения обычно были не в пользу семьи Победителя. Гейл убежден, что Капитолий делает это специально, чтобы внести в Игры больше драматизма. Учитывая, сколько проблем я создала, могу быть абсолютно уверена, каждому моему ребенку уже отведено место на Играх.

Я думаю о Хеймитче, неженатом, без семьи, отгораживающемся от реального мира при помощи выпивки. Он мог бы выбрать любую женщину в Дистрикте. А он выбрал одиночество. Не одиночество... Это звучит слишком мрачно. Скорее, одиночное заключение. Случилось ли это потому, что, будучи на арене, он понял, что не готов так рисковать? Я очень хорошо это поняла, когда в день Жатвы назвали имя Прим, и я увидела, как она идет на сцену, словно на эшафот: к смерти. Но как сестра, я смогла занять ее место, что было бы невозможно, будь я ее матерью.

Я отчаянно пытаюсь найти в своих мыслях выход. Я не могу позволить президенту Сноу приговорить меня к этому. Даже если это означало бы самоубийство. Но сначала, тем не менее, я попыталась бы сбежать. Что бы они сделали, если бы я просто исчезла? Пропала бы в лесу и никогда не выходила бы оттуда? Смогла бы я взять с собой всех, кого я люблю, начать новую жизнь глубоко в лесу? Это было бы очень сложно... Но не невозможно.

Я качаю головой, чтобы очистить ее. Не самое подходящее время строить такие планы спасения. Я должна сосредоточиться на Туре Победителей. Судьбы слишком многих людей зависят от моего хорошего впечатления.

Рассвет приходит раньше сна, приводя с собой Эффи, стучащую в мою дверь. Я надеваю первую попавшуюся одежду из верхнего ящика и буквально тащу себя к вагонуресторану. Я не понимаю, зачем вставать так рано, если мы весь день будем ехать, но оказывается, что вчерашнее приведение меня в порядок было лишь для того, чтобы доехать до вокзала. Сегодня команда будет работать надо мной понастоящему.

- Зачем? На улице слишком холодно, чтобы показывать что-либо, - ворчу я.

- Не в Одиннадцатом Дистрикте, - говорит Эффи.

Дистрикт11. Наша первая остановка. Мне бы хотелось начать с любого другого Дистрикта, а не с дома Руты. Но Тур Победителей так не работает. Обычно он начинается с Дистрикта12, идет по уменьшающейся до Первого и заканчивается посещением Капитолия. Дистриктпобедитель остается напоследок. В Двенадцатом празднуют меньше всего: обычно это просто ужин для Победителя и его выступление на площади, где никто не выглядит веселым и старается уйти оттуда, как можно скорее, так что, даже хорошо, что у нас все быстро заканчивается. В этом году, впервые с того момента, как победил Хеймитч, заключительная остановка будет в Двенадцатом, и Капитолий устроит нам настоящее торжество.

Я стараюсь наслаждаться пищей, как и советовала мне Хейзелл. Кухонный персонал, определенно, из всех сил старается мне понравиться. Среди других деликатесов стоит мое любимое блюдо - тушеное филе барашка с черносливом. Таким образом, ем я много, еда безупречна, но я не могу сказать, что наслаждаюсь ей. К тому же я не довольна тем, что не видно никого, кроме меня и Эффи.

- И где все остальные? - спрашиваю я.

- О, понятия не имею, где Хеймитч, - говорит Эффи. Ну, я и не ожидала встретить тут Хеймитча, потому что он, вероятно, только добрался до кровати. - Цинна работает с целым вагоном твоей одежды. У него, кажется, более сотни нарядов для тебя. Твои вечерние платья невероятно изящны. А команда Пита, думаю, еще спит.

- А разве ему не надо готовиться? - задаю я очередной вопрос.

- Не так, как тебе, - отвечает Эффи.

Что это значит? Это значит, что я проведу все утро, ощущая, как со всего моего тела отрывают волосы, пока Пит будет спокойно спать! Я не слишком много думала на эту тему, но на арене у некоторых парней на теле волосы были, в отличие от всех девушек. Я вспоминаю Пита теперь, когда я купала его в ручье. Светлые волосы ярко блестят на солнце, после того, как я смыла с них грязь и кровь. Но его лицо было совершенно гладким. Ни у кого из парней не появлялась щетина, хотя большинство из них были уже достаточно взрослыми. Интересно, что они делают с этим?

Если я чувствую себя разбитой, то моя команда выглядит еще хуже, выпивая кофе и обмениваясь маленькими цветными таблетками. Насколько я знаю, они никогда не встают раньше полудня, если, конечно, в стране нет чрезвычайного положения, вроде моих волосатых ног. Я была так рада, когда волосы снова начали отрастать. Будто бы это был признак того, что все вещи могут вернуться на свои места. Я последний раз поглаживаю мягкие завитки на своих ногах и отдаю их в руки команды. Никто из них не болтает, как обычно, так что, я могу буквально слышать каждый звук, исходящий от выдираемого с корнем волоска. Пока я сижу в ванной, наполненной какимто неприятно пахнущим средством, команда занимается моим лицом и волосами, намазывая их различными кремами. Затем я принимаю еще две ванны с какимито смесями. Меня щиплют, скребут, массируют и мажут кремами, пока кожа все еще влажная.

Флавий берет мой подбородок и вздыхает.

- Это ужасно, Цинна велел ничего не менять в тебе.

- Да, мы могли бы сделать из тебя действительно чтото особенное, - говорит Октавия.

- Когда она будет постарше, - произносит Вения почти мрачно, - он будет нам разрешать.

Разрешать что? Надувать мои губы, как у президента Сноу? Делать татуировки на груди? Красить мою кожу в сиреневый цвет или покрывать ее драгоценными камнями? Вырезать украшения на моем лице? Делать мне изогнутые когти или усы кошки? Я видела эти и другие вещи на людях в Капитолии. Они действительно не имеют ни малейшего понятия, насколько отличаются от остальной нашей части?

Мысль о том, что мне придется следовать прихотям моды, добавляется к остальным проблемам, сражающимся за мое внимание: издевательства над моим телом, нехватка сна, мой принудительный брак и ужас от возможности не оправдать ожиданий президента Сноу. К тому времени, когда я выбираюсь на обед, который Эффи, Цинна, Порция, Хеймитч и Пит начали без меня, я чувствую себя настолько уставшей, что не могу даже говорить. Они обсуждают пищу и то, как хорошо им спится в поездах. Все переполнены волнениями, связанными с Туром. Ну, хорошо, все, кроме Хеймитча. Он страдает от похмелья и ковыряет булочку. На самом деле я не голодна, возможно, потому, что я очень хорошо позавтракала утром, а может, потому что я настолько несчастна. Я помешиваю бульон в тарелке, съедая ложку или две. Я не могу даже смотреть на Пита - моего будущего мужа - хотя знаю, что ничего из случившегося не его ошибка.

Они обращают на меня внимания, пытаюсь втянуть в беседу, но я просто отмахиваюсь от них. Поезд тормозит. Наш сопровождающий сообщает, что это не остановка для дозаправки, какаята часть поезда барахлит и требует замены. На это уйдет по крайней мере час. Это тут же превращает Эффи в невероятно деятельную особу. Она достает свое расписание и начинает подсчитывать, как эта задержка повлияет на каждый его пункт. В конце

концов, я не выдерживаю.

- Это никого не волнует, Эффи! - огрызаюсь я. Все за столом устали на меня, даже Хеймитч, который, как можно было бы подумать, должен встать на мою сторону в этом вопросе с тех пор, как Эффи давит ему на мозг. Я тут же начинаю обороняться: - Никого! - говорю я и ухожу из вагонресторана.

Поезд внезапно становится очень душным, и я ощущаю тошноту. Я нахожу выход, открываю дверь, что вызывает у меня некоторую тревогу, игнорирую ее, спрыгиваю на землю, ожидая оказаться в снегу. Но моей кожи касается теплый и ароматный воздух. На деревьях все еще зеленые листья. Как далеко на юг мы проехали за день? Я иду по дорожке, шурша от яркого света, и уже жалею о своих словах Эффи. Едва ли она виновата в моем теперешнем трудном положении. Я должна вернуться и извиниться. Моя вспышка была очень грубой, а я знаю, как это важно для нее. Но мои ноги так и идут по дорожке, я достигаю конца поезда, а затем вообще оставляю его позади. Я могу идти двадцать минут в одном направлении, и у меня будет еще масса времени, чтобы вернуться. Вместо этого я, пройдя пару сотен ярдов, опускаюсь на землю и сижу там, смотря вдаль. Если бы у меня были лук и стрелы, смогла бы я просто уйти?

Через некоторое время я слышу шаги позади себя. Наверняка это Хеймитч, пришел, чтобы устроить мне взбучку. Возможно, я и заслужила это, но я попрежнему не хочу этого слышать.

- У меня нет настроения слушать лекции, - предупреждаю я, выкапывая сорняки своим ботинком.

- Я попробую сократить. - Пит садится рядом со мной.

- Я думала, что это Хеймитч, - объясняю я.

- Нет, он все еще ковыряет ту булочку. - Я наблюдаю, как Пит передвигает свою искусственную ногу. -

Плохой день, да?

- Ничего, - говорю я.

Он делает глубокий вдох:

- Послушай, Китнисс, я хочу поговорить с тобой о том, как я вел себя тогда в поезде. Я имею в виду в последнем поезде, в том, который привез нас домой. Я знал, что между тобой и Гейлом что-то есть. Я ревновал к нему даже до того, как я официально познакомился с тобой. И я не должен был заставлять тебя пройти через все, что я делал во время Игр. Прости меня.

Его извинения застают меня врасплох. Дело в том, что Пит объявил мне бойкот, когда я призналась ему, что на арене моя любовь к нему была всего лишь игрой. Я разыгрывала все эти романтические ситуации, чего бы это мне не стоило. Но были времена, когда я на самом деле не знала, что чувствую к нему. И я все еще не знаю.

- Я тоже прошу прощения, - говорю я. Я не уверена, за что именно.

- Тебе не за что извиняться. Ты просто помогала нам выжить. Я не хочу, чтобы у нас и дальше так было: в реальности мы избегаем друг друга, а при появлении камер сразу падаем в снег. В общем, я подумал, что если бы я перестал быть таким, ну, ты знаешь... обиженным, мы могли бы попробовать стать просто друзьями, - произносит он.

Все мои друзья, вероятно, в ближайшее время собираются стать мертвыми, но отказавшись от предложения Пита, я не спасу его.

- Хорошо, - говорю я. Его предложение действительно заставляет меня почувствовать себя лучше. Не такой двуличной во всяком случае. Было бы здорово, если бы он пришел ко мне с этим предложением раньше, до того, как я узнала о планах президента Сноу и о том, что быть просто друзьями для нас теперь не вариант. Но, так или иначе, я рада, что мы снова разговариваем.

- Так что не так? - спрашивает Пит.

Я не могу рассказать ему. Я продолжаю выкапывать сорняки.

- Так, давай начнем с простого? Это довольно странно - знать, что ты готова рискнуть своей жизнью ради меня... но понятия не иметь, какой у тебя любимый цвет, - говорит он.

Мои губы расползаются в улыбке:

- Зеленый, а у тебя?

- Оранжевый, - отвечает он.

- Оранжевый? Как волосы Эффи? - говорю я.

- Более спокойный, - объясняет он. - Скорее как... Закат.

Закат. Я мгновенно представляю это: ободок садящегося солнца, небо, окутанное мягкими оттенками оранжевого. Красиво. Я вспоминаю печенье с тигровой лилией, и теперь, когда Пит снова разговаривает со мной, я изо всех сил сдерживаюсь, чтобы не выдать ему всю историю, связанную с президентом Сноу. Но я знаю, что Хеймитч не одобрил бы эту идею. Мне нужно придерживаться светской беседы.

- Знаешь, все просто в восторге от твоих картин. Мне даже неудобно, что я их не видела.

- Не страшно! У меня в поезде их целый вагон. - Он поднимается и протягивает мне руку. - Идем.

Это здорово - чувствовать, как его пальцы переплетаются с моими, не для камеры, а дружески. В дверях я вспоминаю:

- Я должна извиниться перед Эффи.

Когда мы добираемся до вагонресторана, остальные все еще едят, я приношу Эффи свои извинения, говорю, что я вышла за рамки дозволенного, вероятно, она считает их достаточными для компенсации нарушения этикета. Она принимает мои извинения довольно любезно. Эффи говорит, что понимает, сколько всего на меня навалилось. И ее замечания о том, как важно, чтобы все происходило по графику, длятся всего пять минут. Я действительно легко отделалась.

Когда Эффи заканчивает, Пит ведет меня сквозь несколько вагонов смотреть его картины. Не знаю, чего я ожидала. Больших версий цветочных печений, возможно. Но это нечто совершенно другое. Пит нарисовал Игры.

Некоторые картины вы бы истолковали неверно, если вы не были с ним на арене. Вода, капающая сквозь трещины в нашей пещере. Осушенный ручей. Пара рук, его собственных, вырывающих клубни. Остальные понял бы любой зритель. Золотой горн, названный Рогом Изобилия, Мирта с целым арсеналом ножей внутри ее куртки. Один из переродков, кажется, светловолосый с серыми глазами, должно быть, Диадема, так как она, рыча, подбирается к нам. И я... я повсюду. Высоко на дереве. Стирающая рубашку в ручье. Лежащая без сознания в луже крови. Один рисунок я не могу понять - возможно, так он представлял меня, когда страдал от лихорадки, - я, стоящая посреди серебристого тумана, который совершенно точно подходит к цвету моих глаз.

- Ну, что думаешь? - спрашивает он.

- Я их ненавижу! - говорю я. Я буквально чувствую запах крови, грязи, неестественного дыхания переродка. - Все, что я делаю последнее время, - это пытаюсь забыть события, произошедшие на арене. А ты вернул все назад, к жизни! Как ты можешь помнить это так точно?

- Я вижу это каждую ночь, - отвечает он.

Я знаю, что он имеет в виду. Кошмары, с которыми я была знакома и до Игр, теперь изводят меня всякий раз, когда я засыпаю. Но старые сны, в которых моего отца разрывает на части в шахтах, теперь бывают редко. Вместо этого я заново переживаю все, что случилось на арене. Моя ничего не стоящая попытка спасти Руту. Пит, при смерти, истекающий кровью. Распухшее тело Диадемы, расплзающиеся у меня в руках. Ужасная смерть Катона и переродки. Эти сны приходят чаще всего.

- Я тоже. Это помогает? Рисовать их?

- Не знаю. Думаю, я меньше боюсь засыпать по ночам, или я убеждаю себя в этом, - говорит он. - Но в любом случае они никуда не уходят.

- Возможно, они и не уйдут. У Хеймитча не ушли. - Хеймитч этого никогда не говорил, но мне кажется, это как раз и есть причина, по которой он не любит спать в темноте.

- Да, но я предпочитаю просыпаться с кистью, а не с ножом в руке, - говорит он. - Значит, ты правда их ненавидишь?

- Да, но они действительно необычайны, - отвечаю я. Так и есть. Но я не хочу смотреть на них больше. - Хочешь увидеть мой талант? Цинна очень много над ним работал.

Пит смеется.

- Позже. - Поезд качнулся вперед, и вот я уже могу видеть, как двигается земля за окном. - Давай, мы уже почти в Дистрикте 11, пойдем смотреть на него.

Мы идем в последний вагон поезда. Там есть стулья и кушетки, чтобы можно было посидеть. Но самое замечательное, что в нем окна доходят до самого потолка, то есть вы как бы едете снаружи, на свежем воздухе, и можете видеть весь размах пейзажа. Огромные поля со стадами рогатого скота. Это так не похоже на наш со всех сторон окруженный лесами дом.

Мы начинаем немного замедляться, и я думаю, что мы можем выйти на еще одной остановке, когда перед нами возникает забор. Высокий, как минимум тридцать пять футов, [5] со зловещими катушками колючей проволоки на вершине. Это делает нашу защиту в Дистрикте 12 просто ребячеством. Мои глаза быстро осматривают основу, которая выложена огромными металлическими пластинами. Не было бы никакой возможности устроить тут подкоп, никакой возможности сбежать и охотиться. И вот я вижу смотровые вышки, размещенные на равном расстоянии друг от друга, на каждой из них по вооруженному охраннику, так неуместно смотрящихся среди полей с дикими цветами вокруг них.

- Все совсем по-другому, - произносит Пит.

Рута действительно объясняла мне, что правила в Дистрикте 11 соблюдаются очень строго. Но я не думала, что настолько.

Теперь за окном поля с зерновыми культурами, раскинувшиеся так далеко, насколько вообще может видеть глаз. Мужчины, женщины и дети в соломенных шляпах, защищающих их от солнца, распрямляются, поворачиваясь в нашу сторону. Постояв так минуту и поняв, что наш поезд проходит, они возвращаются к работе. Вдали я вижу сады, и мне интересно, там ли работала Рута, собирая фрукты с самых тонких ветвей на вершинах деревьев. Маленькие группки лачуг, по сравнению с которыми наши дома в Шлаке просто хоромы, возникают то тут, то там. Но они все пусты. Каждые руки необходимы для сбора урожая.

Это продолжается и продолжается. Я не могу поверить в размеры Дистрикта 11.

- Как думаешь, сколько людей живет здесь? - спрашивает Пит.

Я качаю головой. В школе этот Дистрикт называли большим. Это все. Никакие реальные цифры нам не говорят. Но дети, которых мы видим на камерах, ждущие Жатвы каждый год, они не могут быть лишь частью из тех, что живут здесь. Как они делают это? Организуют предварительное вытягивание? Выбирают трибутов заранее и убеждаются, что они будут в толпе? Как на самом деле это было с Руттой, когда она поднималась на сцену и ничего, кроме ветра, не издавало ни звука, никто не предлагал пойти вместо нее?

Я начинаю уставать от бесконечности и необъятности этого места. Когда приходит Эффи и велит нам идти одеваться, я не возражаю.

Я отправляюсь в свое купе и позволяю подготовительной команде укладывать волосы и красить меня. Входит Цинна с прекрасным оранжевым платьем с узором из осенних листьев. Я думаю о том, как сильно Питу понравится этот цвет.

Эффи собирает нас с Питом вместе и в последний раз рассказывает о программе на день. В некоторых дистриктах победители идут через весь город, пока жители приветствуют их. Но в Одиннадцатом (возможно, потому что в городе нет большей части народа, а может, потому что они не хотят отпускать слишком много людей, в то время, когда идет сбор урожая) наше общественное появление ограничено площадью. Она находится перед Домом Правосудия, огромным мраморным зданием. Когдато, вероятно, оно было красивым, но время взяло свое. Даже по телевидению можно заметить, что на рушащемся фасаде растет плющ, а крыша перекошена. Сама площадь окружена захудалыми витринами, большинство из которых заброшено. Где бы ни протекала жизнь Дистрикта 11, она была явно не здесь.

Наше общественное выступление будет организовано снаружи, на том, что Эффи называет верандой - покрытое плиткой пространство между главным входом и лестницей, рядом с которой колонны поддерживают крышу. Нас с Питом представят, мэр Одиннадцатого Дистрикта скажет в нашу честь речь, а мы ответим уже готовыми словами благодарности, предоставленными Капитолием. Если у Победителя были союзники среди трибутов из этого Дистрикта, ему позволяется добавить пару слов от себя. Мне нужно будет сказать что-нибудь о Руте и Цепе, но каждый раз, когда я пыталась дома написать что-нибудь, я заканчивала со смотрящим на меня пустым листком: мне очень сложно говорить о них без эмоций. К счастью, Пит кое-что придумал, и если немного подправить его материал, он подойдет для нас обоих. В конце церемонии нам подарят своего рода мемориальную доску, и затем мы сможем отправиться в Дом Правосудия, где будет подан специальный обед.

Поскольку поезд подъезжает к станции Дистрикта 11, Цинна вносит последние штрихи в мой образ: поправляет оранжевую ленту для волос и прикрепляет золотую брошь с сойкой-пересмешницей, которую я носила на арене, к платью. Нет никого из приветствующих на платформе, только команда из восьми Миротворцев, которые отводят нас в кузов бронированного грузовика. Эффи фыркает, когда позади нас раздается лязг дверного засова.

- Действительно, можно подумать, мы все преступники, - говорит она.

Не все мы, Эффи. Полагаю, только я.

Грузовик высаживает нас позади Дома Правосудия. Мы спешим зайти внутрь. Я чувствую аромат великолепно приготовленной еды, но он не заглушает запаха плесени и гнили. Нам не дают ни минуты, чтобы осмотреться. Пока мы мчимся к главному входу, я могу слышать гимн, начинающийся на площади снаружи. Кто-то прикрепляет на меня микрофон. Пит берет мою левую руку. Мэр представляет нас, и массивные двери со скрипом открываются.

- Улыбаемся шире! - говорит Эффи и толкает нас локтем. Наши ноги начинают двигаться вперед.

Вот оно. Вот он момент, когда я должна убедить всех в том, как сильно я люблю Пита, думаю я.

Торжественная церемония довольно четко распланирована, поэтому я не уверена, как мне следует сделать это.

Не самое подходящее время начинать целоваться, но, пожалуй, один раз я себе это позволить смогу.

Раздаются громкие аплодисменты, но не такие бешеные возгласы приветствия и свист, какие мы получали в Капитолии. Мы идем через затемненную веранду, пока крыша не заканчивается, и останавливаемся наверху большого мраморного пролета лестницы на ярком солнце. Когда мои глаза привыкают к свету, я вижу, что на зданиях площади повешены плакаты, что прикрывает их заброшенный вид. Площадь заполнена людьми, но снова лишь небольшой долей тех, кто здесь живет.

Как всегда, в нижней части сцены построена специальная платформа для семей погибших трибутов. На стороне Цепа только сутулая старушка и высокая, мускулистая девушка, полагаю, сестра. На Рутиной... Я не готова к знакомству с семьей Руты. Ее родители, на лицах которых все еще написано горе. Пять ее младших братьев и сестер, вблизи так похожих на нее. Маленького роста, со светящимися карими глазами. Они напоминают стайку маленьких птичек.

Аплодисменты стихают, и мэр произносит речь в нашу честь. Две маленькие девочки выходят с огромными букетами цветов. Пит выполняет свою часть, произнося подготовленный ответ, и затем я ощущаю, как мои губы выдают его продолжение. К счастью, мама и Прим натренировали меня так, что я могу сказать это даже во сне.

Пит написал свой личный комментарий на карточке, но он не вытаскивает ее. Вместо этого он говорит в своем простом, обезоруживающе стиле о том, как Цеп и Рута попали в восьмерку, о том, как они помогли мне выжить, а значит и ему, и о том, что это долг, который мы никогда не сможем оплатить. И затем он колеблется, прежде чем добавить коечто, не написанное на его карточке. Возможно, потому, что он посчитал, что Эффи заставит его убрать это.

- Это никоим образом не сможет возместить ваши потери, но в качестве символа нашей благодарности, мы бы хотели, чтобы каждая из семей трибутов Дистрикта 11 каждый год получала наш месячный выигрыш до конца наших жизней.

Толпа не может не реагировать вздохами и шепотом. Ничего подобного не было раньше. Я даже не знаю, является ли это законным. Вероятно, он тоже не знает, раз не спросил, позволено ли это. Что касается самих семей, они просто уставились на нас, повергнутые в шок. Их жизни изменились навсегда, когда Цэп и Рута погибли, но этот подарок изменит их вновь. Месячный выигрыш трибута может легко прокормить семью в течение года. Пока мы живы, голодать они не будут.

Я смотрю на Пита, а он посылает мне грустную улыбку. Я слышу голос Хеймитча: «Ты могла сделать все еще хуже». В этот момент я не могу вообразить, как я могла сделать лучше. Подарок... это прекрасно. Так что, когда я поднимаюсь на цыпочки, чтобы поцеловать его, это вовсе не кажется принуждением.

Мэр выходит вперед и дарит каждому из нас мемориальную доску, которая так огромна, что мне приходится положить свой букет, чтобы удержать ее. Церемония подходит к концу, когда я замечаю одну из сестер Руты, уставившуюся на меня. Ей около девяти, и она почти точная копия Руты, вплоть до того, как она стоит, слегка раздвинув руки. Несмотря на хорошие новости о выигрыше, она не радуется. На самом деле ее взгляд укоризнен. Это потому, что я не спасла Руту?

Нет, это потому, что я все еще не поблагодарила ее, думаю я.

Я чувствую волну позора, захлестывающую меня. Девочка права. Как я могу стоять здесь, ничего не делая и не говоря, оставляя все слова Питу? Если бы она победила, Рута, то никогда бы не позволила моей смерти пройти незамеченной. Я помню, как на арене я покрывала ее цветами, чтобы убедиться, что ее потеря не станет незначительной. Но тот жест не будет значить ничего, если я не продолжу сейчас.

- Подождите! - Я делаю неуверенный шаг вперед, прижимая к груди мемориальную доску. Предоставленное мне время уже закончилось, но я должна коечто сказать. Должна так много... И даже если бы я пообещала весь свой выигрыш этим семьям сегодня, это не извинило бы мое молчание. - Подождите, пожалуйста.

Я не знаю с чего начать, но как только у меня это получается, слова льются из моих губ так, словно они неосознанно формировались в моей голове в течение долгого времени.

- Я бы хотела поблагодарить трибутов из Дистрикта 11, - произношу я. Я смотрю на пару женщин, сидящих со стороны Цепа. - Я разговаривала с Цепом всего один раз, но этого раза хватило, чтобы он спас мне жизнь. Я не знала его, но я всегда уважала его. За силу. За отказ участвовать в Играх на чьихто условиях, кроме своих. Профи хотели, чтобы он был в их команде с самого начала, но он отказался. Я уважала его за это.

Впервые сутулая старушка (бабушка Цепа?) поднимает голову и на ее губах играет некоторое подобие улыбки.

Толпа теперь стоит тихо, настолько тихо, что мне интересно, как это возможно. Они должны все задерживать дыхание.

Я поворачиваюсь к семье Руты.

- Но я чувствую, что действительно знала Руту, и она всегда будет со мной. Все красивое напоминает мне о ней. Я вижу ее в желтых цветах на лугу рядом со своим домом. Я вижу ее в сойкахпересмешницах, которые поют на деревьях. Но больше всего я вижу ее в своей сестре Прим. - Мой голос подводит меня, но я почти закончила. - Спасибо вам за ваших детей. - Я поднимаю подбородок, чтобы обратиться к толпе. - И спасибо вам за хлеб.

Я стою там, чувствуя себя разбитой и маленькой, ощущая тысячи глаз, направленных на меня. Долгая пауза. А потом где-то в толпе кто-то насвистывает мелодию Руты, предназначенную для соекпересмешниц. Ту, которая означала конец рабочего дня в садах. Ту, которая означала безопасность на арене. К концу мелодии я нашла свистуна - высохшего старика в застиранной красной рубашке и комбинезоне. Его глаза встретили мои.

То, что происходит дальше, не может быть просто случайностью. Это слишком хорошо выполнено, чтобы быть спонтанным, потому что это совершается в полном единстве. Все подносят к губам три средних пальца левой руки и протягивают ее в мою сторону. Это знак нашего Двенадцатого Дистрикта, последнее прощание, которое я посвятила Руте на арене.

Если бы я не говорила с президентом Сноу, этот жест мог довести меня до слез. Но его недавние указания успокоить дистрикты звучат в моих ушах, и это наполняет меня страхом. Что он подумает об этом приветствии публикой девчонки, которая бросила вызов Капитолию?

Полное осознание того, что я сделала, поражает меня. Это не было задумано. Я просто хотела сказать спасибо. Но я вызвала нечто опасное. Акт несогласия от людей Дистрикта 11. Именно вещи такого рода я должна была искоренить!

Я пытаюсь придумать что-нибудь, что можно сказать, чтобы сгладить, то, что сейчас произошло, свести это на нет, но вот я уже могу слышать тихий шелчок, свидетельствующий о том, что мой микрофон отключен, и мэр берет инициативу в свои руки. Пит и я принимаем заключительный взрыв аплодисментов. Он ведет меня обратно к дверям, не догадываясь о том, что что-то прошло не так, как надо.

Я чувствую себя странно и на мгновение останавливаюсь. Маленькие вспышки солнечного цвета мелькают у меня перед глазами.

- Ты в порядке? - спрашивает Пит.

- Всего лишь головокружение. Солнце было слишком ярким, - говорю я, смотря на его букет. - Я забыла свои цветы, - бормочу я.

- Я возьму их, - говорит он.

- Я сама, - отвечаю я.

К этому времени мы были бы уже в безопасности в Доме Правосудия, если бы я не остановилась и не оставила бы свои цветы. Вместо этого с затемненной части веранды мы видим все.

Пара Миротворцев тянет старика, который свистел, вверх по ступенькам. Они заставляют его встать на колени перед толпой и отправляют пулю прямо ему в голову.

Глава 5

Мужчина только успел рухнуть на землю, когда стена из белых униформ Миротворцев заслонила нам обзор. У некоторых солдат в руках автоматическое оружие, которым они подталкивают нас обратно к двери.

- Мы и так идем! - говорит Пит, отпихивая Миротворца, который давит на меня. - Мы сделаем это, хорошо? Давай, Китнисс! - Его рука обхватывает меня и ведет обратно в Дом Правосудия. Миротворцы следуют за нами, не отставая ни на шаг. Как только мы оказываемся внутри, я слышу дверной хлопок и шаги Миротворцев теперь уже в сторону толпы.

Хеймитч, Эффи, Порция и Цинна ждут нас, стоя под большим экраном, вмонтированным в стену, на их лицах написано беспокойство.

- Что случилось? - торопливо спрашивает Эффи. - Нам перестали показывать, что происходит, сразу после красивой речи Китнисс, а потом Хеймитч сказал, что слышал выстрел, но это смешно. Хотя... кто знает, везде есть ненормальные.

- Ничего не случилось, Эффи. Просто выхлопные газы из старого грузовика, - спокойно говорит Пит.

Еще два выстрела. Кто это был? Бабушка Цепя. Одна из маленьких сестер Руты?

- Вы оба. За мной, - говорит Хеймитч. Мы с Питом следуем за ним, оставляя других. Миротворцы, окружающие Дом Правосудия, теперь, когда мы благополучно оказались внутри, мало интересуются нашим движением. Мы поднимаемся по великолепной красоты мраморной лестнице. Наверху есть длинный зал с потертым ковром на полу. Двустворчатые двери стоят открытые, приглашая нас в первую комнату, с которой мы сталкиваемся. Потолок здесь, должно быть, двадцать футов [6] высотой. Композиции из фруктов и цветов, вырезанные и слепленные маленькие пухленькие детки с крылышками смотрят на нас со всех сторон. Вазы с цветами испускают надоедливый аромат, заставляющий мои глаза слезиться. Наша вечерняя одежда висит на шкафах напротив стены. Эта комната была приготовлена для нашего использования, но мы пробыли там достаточно долго, чтобы наших подарков по уменьшилось. Хеймитч сдергивает с нас микрофоны, засовывает их под подушки дивана и машет нам, чтобы мы шли за ним.

Насколько я знаю, Хеймитч был тут только однажды, когда ездил в свой Тур Победителей пару десятилетий назад. Но у него, должно быть, феноменальная память или хорошая интуиция, потому что он ведет нас через запутанный лабиринт из лестниц и все более и более узких залов. Время от времени ему приходится останавливаться и с трудом открывать двери. По дикому скрипу, который издают их петли, можно понять, что прошло очень много времени, с тех пор как ими пользовались последний раз. В конце концов, мы поднимаемся по лестнице к люку. Когда Хеймитч отодвигает его, мы оказываемся на чердаке Дома Правосудия. Это огромное пространство, заполненное сломанной мебелью, грудями книг и бухгалтерских отчетов, а также ржавым оружием. Слой пыли, покрывающий все это, настолько толст, что становится совершенно очевидно, что здесь не было никого на протяжении многих лет. Хеймитч пинает люк, захлопывая его, и поворачивается к нам.

- Что случилось? - спрашивает он.

Пит пересказывает ему все, что произошло на площади. Свист, приветствие, наша задержка на веранде, убийство старика.

- Что происходит, Хеймитч?

- Лучше тебе ему рассказать, - говорит мне Хеймитч.

Я не согласна. Я думаю, что это будет в сто раз хуже. Но я говорю Питу все так спокойно, как только могу. О президенте Сноу, о волнениях в дистриктах. Я даже не опускаю поцелуй с Гейлом. Я рассказываю, как мы... Как вся страна находится в опасности изза моего трюка с ягодами.

- Предполагалось, что я улажу все во время этого Тура. Смогу убедить всех сомневающихся в том, что я так поступила исключительно изза любви к тебе. Успокою всех. Но, очевидно, единственное, что я сделала сегодня, это убила трех человек и, наверняка, подвергла наказанию всех, кто был на площади.

Я чувствую себя настолько плохо, что я вынуждена сесть на кушетку, несмотря на то, что она грязная и с вылезшей набивкой.

- А я сделал положение вещей еще хуже, отдав деньги, - говорит Пит. Внезапно он хватает лампу, лежащую рядом в корзине, и кидает ее через весь чердак, где она, в конце концов, разбивается об пол. - Это должно прекратиться! Прямо сейчас! Эта... эта... игра, в которой вы двое участвуете! Где вы рассказываете друг другу секреты и держите меня в неведении, словно я слишком незначителен... или глуп, или слаб, чтобы понять их!

- Это не так, Пит... - начинаю я.

- Это именно так! - вопит он. - У меня тоже есть люди, о которых я забочусь, Китнисс! Семья и друзья, оставшиеся в Дистрикте 12, которые погибнут так же, как и твои, если у нас не получится! Неужели после всего, через что мы прошли на арене, я не заслужил правды от тебя?

- Ты всегда действуешь совершенно верно, Пит, - говорит Хеймитч. - Так умно предстаешь перед камерами. Я не хотел разрушить это.

- Значит, ты оценил меня слишком высоко, потому что сегодня я действительно все испортил. Что, повашему, будет теперь с семьями Цепы и Руты. Вы думаете, они получают свою часть нашего выигрыша? Вы думаете, я дал им светлое будущее? Потому что я думаю, что оно у них вообще будет только в том случае, если они переживут сегодняшний день! - Пит кидает что-то еще, кажется, статуэтку. Я никогда не видела его таким.

- Он прав, Хеймитч, - говорю я. - Это было нашей ошибкой - не говорить ему. Как и тогда в Капитолии.

- Даже на арене вы двое были в сговоре, так ведь? - спрашивает Пит. Его голос теперь звучит гораздо тише. - Частью которого я не был.

- Нет... Не официально. Я просто понимала, что хотел Хеймитч, чтобы я сделала, когда он что-нибудь посылал... или не посылал, - отвечаю я.

- Ну да, у меня такой возможности никогда не было, потому что мне он вообще ничего не посылал, пока не пришла ты, - говорит Пит.

Я не задумывалась об этом. Как это выглядело с точки зрения Пита, когда я появилась на арене, получившая лекарство от ожога и хлеб, в то время как он лежал при смерти и не получал ничего. Как Хеймитч поддерживал меня живой, а его пустил в расход.

- Послушай, парень... - начинает Хеймитч.

- Не волнуйся, Хеймитч. Я знаю, что тебе пришлось выбрать одного из нас. И я хотел бы, чтобы ты выбрал ее. Но это совершенно другое. Люди здесь погибли. И так будет продолжаться, если мы не сделаем все верно. Ни для кого не секрет, что перед камерами я веду себя лучше, чем Китнисс. Никому не надо учить меня, что говорить. Но я должен знать, на что иду, - говорит Пит.

- С этого момента ты будешь знать все, - обещает Хеймитч.

- Уж лучше бы, - говорит Пит.

Он даже не потрудился посмотреть на меня перед уходом.

Вокруг летает пыль и ищет новые места, на которые можно приземлиться: мои волосы, мои глаза, моя золотая брошь.

- Ты действительно выбрал меня, Хеймитч? - спрашиваю я.

- Да, - отвечает он.

- Почему? Ведь он тебе нравится больше, - говорю я.

- Это правда. Но, если помнишь, пока они не изменили правила, я мог надеяться получить оттуда живым лишь одного из вас, - произносит он. - Я думал об этом с тех пор, как он решил защитить тебя... ну, в общем, мы могли бы попробовать привезти тебя домой.

- Ох. - Это все, что я могу сказать.

- Ты тоже будешь выбирать между ними. Если, конечно, мы переживем все это, - говорит Хеймитч. - Ты научишься.

Сегодня я уже научилась одной вещи. Это место не большая версия Дистрикта 12. Наш забор не охраняем и редко заряжен. Наши Миротворцы - люди неприятные, но не безжалостные. Наши трудности вызывают скорее усталость, чем ярость. Здесь, в Одиннадцатом, люди страдают сильнее и сильнее впадают в отчаяние. Президент Сноу прав. Искры достаточно, чтобы зажечь их.

Все случается слишком быстро, чтобы я могла это осознать. Предупреждения, выстрелы, признание, что я, возможно, привела в движение то, что будет иметь ужасные последствия. Все это настолько невероятно. И всего лишь надо было помешать происходящему, но учитывая обстоятельства... Ну как же я принесла столько неприятностей?

- Идем, нам нужно на обед, - говорит Хеймитч.

Я стою в душе так долго, сколько мне позволяют, прежде чем мне придется выйти и начать собираться. Приготовительная команда, кажется, не обращает внимания на произошедшие сегодня события. Они все волнуются об обеде. В Дистриктах они достаточно важны, чтобы присутствовать на них, тогда как в Капитолии они почти никогда не получают приглашений. В то время как они пытаются предсказать, какие блюда будут поданы, я продолжаю вспоминать, как простреливают голову старика. Я даже не обращаю внимания, что они делают со мной, пока не собираюсь уходить и не смотрю на себя в зеркало. Бледнорозовое платье без бретелек струится до туфель. Волосы убраны с моего лица и падают на спину в виде локонов.

Цинна подходит ко мне сзади и укутывает мои плечи серебристой накидкой. Он смотрит мне в глаза в зеркале.

- Нравится?

- Очень красиво. Как и всегда, - говорю я.

- Давай посмотрим, как это сочетается с улыбкой? - произносит он мягко. Это напоминание о том, что через минуту вокруг снова будут камеры. Мне удастся приподнять уголки своих губ. - Так сойдет.

Когда все мы собираемся, чтобы спуститься на обед, я вижу, что Эффи не в духе. Конечно, Хеймитч не сказал ей, что случилось на площади. Я бы не удивилась, если бы Цинна и Порция знали обо всем, но, кажется, есть негласное соглашение не сообщать Эффи в дурные новости. И все же пройдет не слишком много времени, прежде чем она узнает о проблеме.

Эффи просматривает расписание вечера, затем отбрасывает список.

- А потом, слава Богу, мы все сможем сесть в поезд и убраться отсюда, - говорит она.

- Чтото не так, Эффи? - спрашивает Цинна.

- Мне не нравится, как с нами обращаются. Закидывают нас в грузовики и запирают. А гдето час назад я решила осмотреть Дом Правосудия. Я коечто понимаю в художественном оформлении, вы же знаете, - говорит она.

- О, да, я слышала об этом, - произносит Порция, прежде чем пауза становится слишком долгой.

- Так вот, я просто осматривалась вокруг, потому что районные развалины будут на пике моды в этом году, когда ко мне подошли два

Миротворца и велели идти обратно в нашу часть. Один из них фактически толкал меня оружием! - рассказывает Эффи.

Я не могу ни думать о том, что это непосредственный результат нашего, моего, Хеймитча и Пита, исчезновения сегодня днем. Это немного успокаивает меня: похоже, Хеймитч был прав. Пыльный чердак, на котором мы разговаривали, никем не контролировался. Хотя, могу поспорить, теперь это изменилось.

Эффи выглядит настолько взволнованной, что я, неожиданно даже для себя, обнимаю ее.

- Это ужасно, Эффи. Может, нам вообще не следует идти на обед? По крайней мере, пока они не извинятся. - Я прекрасно понимаю, что она никогда не согласится на это, но хотя бы прекратит жаловаться и ей станет немного легче.

- Нет, я справлюсь. Это часть моей работы - выдерживать все взлеты и падения. И мы не можем позволить вам двоим пропустить обед в вашу честь, - говорит она. - Но спасибо за предложение, Китнисс.

Эффи ставит нас в определенном порядке для нашего выхода. Сначала приготовительная команда, потом она, стилисты, Хеймитч. Пит и я, конечно, пойдем последние.

Гдето внизу начинают играть музыканты. Поскольку первая часть нашей процессии начинает спускаться, мы с Питом беремся за руки.

- Хеймитч говорит, что я не должен был кричать на тебя. Ты всего лишь следовала его командам, - говорит Пит. - И я совру, если скажу, что не скрывал ничего от тебя в прошлом.

Я помню свой шок в тот момент, когда Пит признался в своей любви ко мне перед всем Панемом. Хеймитч знал об этом, но ничего не сказал мне.

- Кажется, я покалечила несколько вещей после того интервью.

- Только вазу, - говорит он.

- А твои руки? Но нет никакого смысла вспоминать все это сейчас, так ведь? Не после того, как мы пообещали быть честными друг с другом.

- Никакого смысла, - соглашается Пит. - Мы стоим наверху лестницы, давая Хеймитчу фору в пятнадцать шагов, как и велела Эффи. - Ты правда целовала Гейла только раз?

Я поражена, но отвечаю:

- Да.

Неужели после всего, что случилось сегодня, это единственный вопрос, волнующий его?

- Пятнадцать. Давай сделаем это.

Свет ударяет в нас, и я натягиваю на лицо самую великолепную улыбку, какую только могу. Мы спускаемся по ступенькам и попадаем в череду официальных обедов, церемоний и поездов в поезде. Каждый день одно и то же. Проснулся. Оделся. Прошел через приветствующую тебя толпу. Послушал речь в свою честь. Выдал слова благодарности в ответ, но теперь только те, которые предоставил Капитолий, никаких личных комментариев. Иногда небольшие экскурсии: море в одном из Дистриктов, высокие леса в другом, уродливые фабрики, поля пшеницы, зловонные заводы. Одеваешься в вечернее платье. Посещаешь обед. Поезд.

Во время церемоний мы торжественны и почтительны, но всегда рядом, держимся за руки. На обедах мы обезумевшие от любви друг к другу. Мы целуемся, мы танцуем, мы стараемся попасться на попытках осторожно прокрасться подальше, чтобы побыть наедине. А в поезде мы печальны, пытаемся оценить, какой эффект мы произвели.

Даже без наших личных речей, которые могут вызвать неповиновение (само собой, то, что мы сделали в Дистрикте 11, было вырезано до того, как это показали), мы можем чувствовать нечто, витающее в воздухе, словно что-то вот-вот вскипит и выплеснется. Не везде. Некоторые толпы похожи на стадо уставшего рогатого скота, так обычно, насколько я знаю, выглядит Дистрикт 12 во время Тура Победителей. Но в некоторых - особенно в Восьмом, Четвертом и Третьем - в лицах людей при виде нас появляется неподдельный восторг, а под восторгом - ярость. Когда они скандируют мое имя, это больше похоже на крик, чем на приветствие. Когда Миротворцы приближаются, чтобы успокоить буйствующую толпу, это только усиливает их вопли, вместо того, чтобы остановить. Я понимаю, что нет ничего, что бы я могла сделать, чтобы изменить это. Никакая демонстрация любви, насколько бы правдоподобна она ни была, не остановит это. Если мой трюк с ягодами был актом временного безумия, то этих людей оно тоже охватило.

Цинна начинает сужать мою одежду на талии, приготовительная команда беспокоится о кругах под моими

глазами.

Эффи пыталась давать мне таблетки, чтобы я могла поспать, но они не помогли. Не слишком хорошо. Я заснула только для того, чтобы проснуться от кошмаров, которые увеличились в своем числе и силе. Пит, тратящий большую часть ночи на то, чтобы бродить по поезду, услышал, как я кричу, потому что я изо всех сил старалась сбежать из окутывающего меня тумана от лекарств, которые просто продлили мои кошмарные сны. Ему удалось разбудить и успокоить меня. Тогда он лег ко мне в кровать, чтобы обнимать меня, пока я не засну снова. После этого я отказалась от таблеток. Но каждую ночь я позволяю ему ложиться со мной. Мы боремся с темнотой так же, как мы делали это на арене, обнимая друг друга, защищая друг друга от опасностей, которые могут прийти в любой момент. Ничего больше не происходит, но наше соглашение очень быстро становится предметом для сплетен в поезде.

Когда Эффи начинает читать мне по этому поводу нотации, я думаю: хорошо. Быть может, это дойдет до президента Сноу. Я обещаю ей быть более осторожной, но не выполняю обещания.

Так постепенно мы подбираемся ко Второму и Первому Дистриктам, что само по себе ужасно. Катон и Мирта, трибуты из Дистрикта2, могли бы вернуться домой, если бы не мы с Питом. Я своими руками убила Диадему и парня из Дистрикта1. Пока я пытаюсь избежать взглядов в сторону его семьи, я выясняю, что его зовут Марвел. [7] Как я могла не знать этого? Полагаю, до Игр я не обращала на него внимания, а после - не хотела знать.

К тому времени, когда мы добираемся до Капитолия, мы в отчаянье. Наши постоянные выступления вызывают в толпе обожание. Нет никакой опасности восстания здесь, среди привилегированных, среди тех, чьи имена никогда не помещаются в шары для Жатвы, чьи дети никогда не погибают за мнимые преступления, случившиеся годы назад. В Капитолии никого не нужно убеждать в нашей любви, но мы все еще надеемся, что, возможно, сможем убедить тех, кого не удалось в дистриктах. Независимо оттого, что мы делаем, кажется, что этого слишком мало, что слишком поздно.

Когда мы возвращаемся на наш этаж в Тренировочном центре, у меня возникает идея публичного предложения руки и сердца. Пит соглашается, но потом надолго исчезает в своей комнате. Хеймитч велит мне оставить его в покое.

- Я думала, он хотел этого, так или иначе, - говорю я.

- Но не так, - отвечает Хеймитч. - Он хотел бы, чтобы это было понастоящему.

Я возвращаюсь в свою комнату и ложусь под одеяла, пытаюсь не думать о Гейле... и вообще ни о чем.

В тот вечер перед Тренировочным центром мы отвечаем на целый ряд вопросов. Цезарь Фликермен все в том же костюме, мерцающем, словно звездное небо, с его попрежнему синими волосами, губами и веками, безупречно проводит нас через все интервью. Когда он спрашивает о будущем, Пит опускается на одно колено, кладя руку на сердце, и просит меня выйти за него. Я, конечно, соглашаюсь. Цезарь в восторге, публика в истерике, вокруг кадры, показывающие всему Панему толпу, опьяненную счастьем.

Сам президент Сноу неожиданно спускается к нам, чтобы поздравить. Он жмет руку Пита и одобрительно хлопает его по плечу. Он обнимает меня, снова окутывая запахом крови и роз, и целует своими пухлыми губами мою щеку. Когда он отступает, его пальцы сжимают мою руку, он улыбается мне, и я осмеливаюсь приподнять брови. Они спрашивают о том, о чем не могут мои губы. Я сделала это? Этого достаточно? Решило ли проблему наше с Питом обещание пожениться?

В ответ он едва заметно качает головой.

Глава 6

В этом незначительном движении я вижу конец своих надежд, начало разрушения всего, что дорого мне в этом мире. Я могу лишь гадать, какую форму обретет наказание и насколько огромны будут его масштабы, но я знаю, что после его окончания, скорее всего, в этом мире у меня не останется ничего. Наверно, в этот момент я должна была бы быть в полном отчаянье. Вот это и странно. Основное чувство, которое я испытывала, было чувством облегчения. От того, что я могу прекратить эту игру. От того, что на вопрос, смогу ли я преуспеть в этом деле, наконецто ответили, пусть даже этот ответ - звучное «нет». Если отчаянные времена приводят к отчаянным поступкам, то я могу действовать так отчаянно, как только захочу.

Но все же, только не здесь и не сейчас. Очень важно вернуться в Дистрикт12, потому что любой мой план будет включать в себя маму и сестру, и Гейла с его семьей. И Пита, если только у меня получится заставить его

пойти с нами. Я добавляю к списку Хеймитча. Это те люди, которых я должна взять с собой, когда сбегу в лес. Как я буду убеждать их, куда мы пойдём во время мертвого сезона зимой, через что нам придется пройти, чтобы нас не поймали? Вопросы, на которых нет ответа. Но, по крайней мере, теперь я знаю, что должна сделать.

Так, вместо того, чтобы опуститься на землю и зареветь, я встаю еще прямее, чем за все эти недели. Моя улыбка, несколько безумная, не является вымученной. И когда президент Сноу заставляет публику замолчать и говорит: «Что вы думаете, если мы сыграем их свадьбу прямо здесь, в Капитолии?» - я без труда изображаю девочку, которая не может поверить в свое счастье.

Цезарь Фликермен интересуется, имеет ли президент в виду какую-то конкретную дату.

- О, думаю, прежде чем мы назначим дату, нам стоит обсудить это с матерью Китнисс, - говорит президент. Аудитория взрывается от смеха, и президент обнимает меня. - Может быть, если вся страна попросит ее об этом, мы увидим тебя замужней, прежде чем тебе стукнет тридцать.

- Вам, возможно, придется принять новый закон, - хихикаю я.

- Если это подействует, - заговорщически говорит президент, используя свое чувство юмора.

О, как же нам весело вместе.

Вечеринка, устроенная в банкетном зале особняка президента Сноу, несравненна. Сорокафутовый [8] потолок оформлен как вечернее небо, и звезды светят точно так же, как они делают это у нас дома. Я предполагала, что в Капитолии они выглядят точно так же, но кто знал? Город здесь всегда слишком ярко освещен, чтобы можно было увидеть звезды. Между полом и потолком, на чем-то, похожем на белые пушистые облака, плавают музыканты, но мне не видно, чем они крепятся. Традиционные обеденные столы заменены бесчисленными диванами и стульями, некоторые из них окружены каминами, другие стоят около ароматных цветников или прудов, заполненных экзотической рыбой. Все сделано так, чтобы гости могли поесть, выпить или сделать что-то еще, что им нравится, в предельном комфорте. В центре комнаты находится большая покрытая плиткой площадка, служащая танцполом, от которой бежит дорожка к сцене для выступающих, которые приходят и уходят, смешиваясь с остальными ярко одетыми гостями.

Но настоящей звездой вечера признана еда. Столы, полные деликатесов, стоят по всему периметру комнаты. Все, о чем вы только можете подумать, вещи, о которых вы даже не мечтали, поджидают вас. Целые жареные коровы, свиньи, козы, от вида которых начинают бежать слюнки. Огромные блюда с птицами, фаршированными изумительными фруктами и орехами. Морепродукты, которые так и просят опустить их в рядом стоящие соусы. Бесчисленное количество разных видов сыров, хлеба, овощей, сладостей, водопады вина и потоки обжигающего горло алкоголя.

Мой аппетит вернулся вместе с моим желанием бороться. После недель, когда я ощущала себя слишком взволнованной, чтобы есть, я наконец-то голодна.

- Хочу попробовать все, что есть в комнате, - сообщаю я Питу.

Я могу видеть, как он пытается прочитать мое выражение лица, понять произошедшие перемены. Так как он не знает, что президент Сноу считает, что я потерпела неудачу, он может только предположить, что я думаю, что у нас все получилось. Возможно, на моем лице даже написано подлинное счастье, потому что я вижу в его глазах замешательство. Но только на мгновение, потому что на нас все еще направлены камеры.

- Тогда тебе следует поторопиться, - говорит он.

- Ладно, не больше, чем по одному кусочку от каждого блюда, - отвечаю я. Я почти сразу же отказываюсь от своего решения, когда подхожу к первому из столов, на котором стоит около двадцати супов, как только я сталкиваюсь с варевом из тыквы, посыпанной орехами и черными семенами...

- Я могла бы всю ночь есть только это! - восклицаю я. Но все же я не делаю этого. Я опять сдаюсь, когда вижу зеленый бульон, который могу описать только как «вкус весны», и снова, когда пробую розовый суп из малины.

Мелькающие лица, имена, фотографии, съемки, легкие поцелуи в щеку. Очевидно, моя брошь в виде сойки-пересмешницы породила новую модную тенденцию, потому что несколько человек подошли ко мне только для того, чтобы показать свою причастность к ней. Моя птица скопирована на пряжках ремней, вышита на отворотах, даже вытатуирована в интимных местах. Все хотят носить символ победителя. Я могу только догадываться, что думает по этому поводу президент Сноу. Но что он может сделать? Игры произвели большой фурор здесь, где ягоды - всего лишь символ отчаянной девочки, пытающейся спасти своего любимого.

Ни я, ни Пит не прилагаем усилий, чтобы найти компанию, но она постоянно находит нас сама. Мы - то, что никто не хочет упустить на вечеринке. Я играю свою роль превосходно, но у меня нет ни малейшего интереса к этим людям из Капитолия. Они только отвлекают от еды.

Каждый стол приносит новые искушения, и даже при моем ограничении - один кусочек от каждого блюда, я

начинаю быстро наедаться. Я беру маленькую жареную птицу, кусаю ее, и на мой язык брызгает апельсиновый соус. Восхитительно. Но я заставляю Пита доесть остаток, так как хочу попробовать и другие вещи, но мысль о том, чтобы выбросить пищу мне отвратительна, потому что я вижу, как небрежно это делают многие из присутствующих. Приблизительно после десяти столов я чувствую, что набита до отказа, а мы ведь попробовали только очень маленькую часть представленных блюд.

Именно тогда моя приготовительная команда добирается до нас. Они почти одинаково пьяны как от алкоголя, который они употребляют, так и от упоения тем, что они попали на такое грандиозное событие.

- Почему вы не едите? - спрашивает Октавия.

- Я ела, и теперь, боюсь, в меня не влезет больше ни кусочка, - они все смеются так, как будто это самая глупая вещь, которую они когда-либо слышали.

- Никому не позволено останавливаться! - говорит Флавий. Они подводят нас к столу, на котором стоят крошечные бокалы, наполненные прозрачной жидкостью. - Выпейте это.

Пит берет один бокал, чтобы сделать глоток, но они вырывают его.

- Не здесь! - вопит Октавия.

- Вам следует сделать это там, - говорит Вения, указывая на двери, ведущие к туалету. - Иначе все окажется на полу!

Пит смотрит на стакан и складывает все воедино.

- Вы хотите сказать, что от этого меня вырвет?

Моя приготовительная команда истерично смеется.

- Конечно! Таким образом, ты сможешь продолжить есть, - говорит Октавия. - Я уже дважды там была. Все это делают. Иначе, как ты получишь удовольствие от банкета?

Я безмолвствую, глядя на маленькие бокальчики, и думаю о том, что они означают. Пит отворачивается от стола и отходит от него с такой скоростью, как будто тот может взорваться.

- Давай, Китнисс, пойдем, потанцуем.

Музыка проникает сквозь облака и уносит меня далеко от команды, стола и даже пола. Дома мы знаем только несколько танцев, которые подходят для игры на флейте и скрипке и требуют большого пространства. Но Эффи показала нам несколько популярных в Капитолии. Музыка медленная и сказочно красивая, так что, Пит притягивает меня к себе, и мы просто кружимся на одно месте, почти не двигаясь. Так можно станцевать даже на тарелке пирога. Некоторое время мы молчим. А затем Пит говорит напряженным голосом:

- Ты проходишь через это, считая, что сможешь справиться, думая, возможно, что все не так уж плохо. А потом ты... - он обрывает себя.

Все, о чем я могу думать, - о худеньких телах детишек на нашей кухне, которым моя мама дает то, что не могут дать их родители. Больше еды. Теперь, когда мы богаты, она дает им ее с собой домой. Но раньше чаще всего у нас не было ничего, что бы мы могли им предложить. А здесь, в Капитолии, они вызывают рвоту, чтобы набивать свои животы снова и снова. Не из-за болезни тела или головы, не из-за испорченной пищи. Это то, что все делают на вечеринке. Часть веселья.

Однажды, когда я заходила, чтобы отдать Хейзелл дичь, Вик был дома, он простыл и кашлял. Будучи членом семьи Гейла, этот ребенок питался лучше, чем девяносто процентов жителей Дистрикта 12. Но он потратил около пятнадцати минут, рассказывая мне, как в Посылочный день они открыли банку с кукурузным сиропом, и как каждый из них ложкой намазывал его на хлеб, и что, возможно, на этой неделе они будут делать это еще раз. Помню, как Хейзелл сказала, что он может налить себе немного в чашку, чтобы успокоить кашель, но он отказался, потому что посчитал, это неправильным, раз остальным нельзя. Если такое происходит в семьях, как у Гейла, то что же насчет остальных домов?

- Пит, они привозят нас сюда, чтобы посмотреть, как мы умираем. Для развлечения, - говорю я. - По сравнению с этим данная ситуация - ничто.

- Я знаю. Я знаю это. Просто иногда я чувствую, что больше не выдерживаю. - Он делает паузы, а затем шепчет: - Возможно, мы были неправы, Китнисс.

- В чем? - спрашиваю я.

- В попытках успокоить дистрикты, - говорит он.

Я быстро оглядываюсь, но никто, кажется, не слышал этого. Операторская группа стояла в стороне, рядом со столом с моллюсками, а пары, танцующие вокруг нас, были слишком пьяны или слишком увлечены собой, чтобы обращать на нас внимание.

- Прости, - произносит он. Да, ему стоит извиняться. Это не самое подходящее место, чтобы высказывать

подобные мысли.

- Сохрани эту мысль до дома, - говорю я ему.

В этот момент появляется Порция, приводя с собой большого мужчину, который кажется мне неопределенно знакомым. Она представляет его как Плутарха Хевенсби, нового Главу распорядителей Игр. Плутарх спрашивает Пита, может ли он украсть меня для танца. Пит поворачивает свое лицо к камерам и добродушно передает меня в его руки, попросив мужчину сильно не задерживаться.

Я не хочу танцевать с Плутархом Хевенсби. Я не хочу чувствовать его руки: одну на своей руке, другую - на бедре. Я не привыкла, чтобы ко мне прикасался кто-то, кроме членов семьи и Пита. И Хевенсби явно не входит в список тех, чьи руки я бы хотела почувствовать на своем теле. Он, кажется, понимает это и держит меня фактически на расстоянии вытянутой руки, пока мы кружимся на месте.

Мы болтаем о вечеринке, о развлечениях, о еде. Потом он шутит о пунше на моем тренировочном показе. Я не понимаю, о чем он, но потом до меня доходит, что он - тот самый человек, который упал в чашу с пуншем, когда я пустила в распорядителей стрелу. Ну, хорошо, это неправда. Я стреляла не в распорядителей, а в яблоко во рту жареного поросенка. Но я заставила их подпрыгнуть.

- Ах, вы тот, кто... - смеюсь я, вспоминая его полет в чашу с пуншем.

- Да, и вы будете счастливы узнать, что я так и не оправился, - говорит Плутарх.

Мне хочется сказать, что двадцать два мертвых трибута тоже никогда не оправятся от Игры, которую он помогал создавать. Но я всего лишь говорю:

- Хорошо. Так в этом году вы Глава распорядителей Игр? Это, должно быть, большая честь.

- Между нами говоря, было не слишком много желающих для этой работы, - отвечает он. - Такая большая ответственность за то, как пройдут Игры.

Да, последний пареньто умер, думаю я. Он должен знать о Сенекке Крэйне, но он не выглядит ни капли заинтересованным этим фактом.

- Вы уже планируете Игры Двадцатипятилетия Подавления? - спрашиваю я.

- О, да. Над ними, конечно, работают уже в течение нескольких лет. За день арены не построишь. Но, скажем так, вкус Игр понастоящему определяется только теперь. Хотите верить, хотите нет, но сегодня у нас совещание по стратегии, - говорит он.

Плутарх останавливается и вытаскивает золотые часы на цепочке из кармана пиджака. Он с щелчком открывает крышку, смотрит на время и хмурится.

- Мне скоро нужно будет уходить. - Он поворачивает часы в мою сторону, так, чтобы я могла видеть циферблат. - Оно начнется в полночь.

- Кажется, это довольно поздно для... - начинаю я, когда коечто отвлекает меня. Плутарх двигает часы большим пальцем, и на мгновение на них появляется изображение, вспыхивая, будто освещенное свечами. Это еще одна сойкапересмешница. Точно такая же, как на броши, прикрепленной к моему платью. Как только она исчезает, он закрывает часы.

- Они очень симпатичные, - говорю я.

- Они не просто симпатичные, они единственные в своем роде, - говорит он. - Если ктонибудь будет обо мне спрашивать, говорите, что я отправился домой, спать. Совещания полагается держать в секрете. Но я подумал, что ничего страшного, если я расскажу вам.

- Да, ваша тайна останется со мной.

Мы обмениваемся рукопожатием, он делает небольшой поклон, обычный жест здесь, в Капитолии.

- Хорошо, встретимся следующим летом на Играх, Китнисс. Поздравляю вас с помолвкой, и пусть удача всегда будет на вашей стороне.

- Мне она понадобится, - говорю я.

Плутарх исчезает, и я пробираюсь сквозь толпу, ища Пита, пока совершенно незнакомые люди поздравляют меня. С моей помолвкой, с моей победой в Играх, с моим выбором помады. Я благодарю их, но в действительности думаю о Плутархе, хвастающемся своими симпатичными, единственными в своем роде часами. Было нечто странное в этом. Почти тайное. Но что? Возможно, он думает, что кто-то еще может украсть его идею и поместить сойкапересмешницу на часы? Да, наверняка он заплатил за это целое состояние и теперь не может показать никому, потому что боится, что ктонибудь сделает их низкопробную версию. Только в Капитолии.

Я нахожу Пита, восхищающегося столом с искусно украшенными пирогами. Пекари специально вышли с кухни, чтобы поговорить с ним о глазировании, они буквально перебивают друг друга, спеша ответить на его

вопросы. По его просьбе они собирают для него набор пирожных, чтобы он мог взять их с собой в Дистрикт12, и там спокойно изучить их работу.

- Эффи сказала, что мы должны быть на поезде в час. Интересно, сколько времени? - произносит он, озираясь.

- Почти полночь, - говорю я, отщипывая шоколадный цветок от торта прямо пальцами, и съедаю его, совершенно не переживая изза своих манер.

- Самое время, чтобы сказать спасибо и попрощаться! - щебечет Эффи, беря меня под локоть. Это один из тех моментов, когда я только рада ее навязчивой пунктуальности. - Мы подхватим Цинну и Порцию, и они пойдут с нами, чтобы проститься с важными людьми. Потом мы отправимся к выходу.

- Разве мы не должны поблагодарить президента Сноу? - спрашивает Пит. - Это же его дом.

- О, он не большой любитель вечеринок. Слишком занят, - говорит Эффи. - Я уже приняла меры, чтобы все необходимые послания и подарки были переданы ему завтра. Вот ты где! - Эффи машет двум дежурным Капитолия, поддерживающим между собой пьяного Хеймитча.

Мы едем по улицам Капитолия в автомобиле с затемненными окнами. Сзади в другой машине сидит наша приготовительная команда. Толпы празднующих людей настолько велики, что приходится двигаться очень медленно. Но Эффи учла абсолютно все, и ровно в час мы оказываемся около поезда и выходим на станцию.

Хеймитча вносят в его комнату. Цинна заказывает чай, и все мы садимся вокруг стола, в то время как Эффи шелестит своими бумажками с расписаниями, напоминая нам, что мы попрежнему находимся в Туре.

- Не забываем, в Дистрикте12 нас ждет Праздник Урожая. Поэтому предлагаю всем выпить свой чай и сразу лечь в кровати.

Никто не возражает.

Когда я открываю глаза, уже середина дня. Моя голова покоится на руке Пита. Я не помню, как он пришел прошлой ночью. Я поворачиваюсь, стараясь не потревожить его, но он уже не спит.

- Никаких кошмаров, - говорит он.

- Что? - спрашиваю я.

- У тебя не было никаких кошмаров прошлой ночью, - поясняет он.

Он прав, впервые за последнее время я спала всю ночь.

- Тем не менее, сны мне снились, - говорю я, вспоминая. - Я бежала за сойкойпересмешницей сквозь лес.

Очень долго. А на самом деле это была Рута. Я имею в виду, когда та запела, у нее был ее голос.

- Куда она вела тебя? - спрашивает он, убирая волосы с моего лба.

- Я не знаю. Мы никуда не дошли, - отвечаю я. - Но я чувствовала себя счастливой.

- Да, ты спала так, словно ты была счастлива, - говорит он.

- Пит, почему я никогда не могу определить, когда кошмары у тебя? - спрашиваю я.

- Не знаю. Не думаю, что я мечусь или выкрикиваю чтонибудь. Я просто попадаю туда, парализованный ужасом, - объясняет он.

- Тебе следует будить меня, - говорю я, думая, как я прерываю его сон по дватри раза за ночь и о том, сколько времени уходит, чтобы успокоить меня.

- Это необязательно. Мои кошмары обычно о том, как я теряю тебя, - поясняет он. - Я успокаиваюсь, как только понимаю, что ты рядом.

Тьфу! Пит говорит это таким пренебрежительным тоном, а ведь это словно удар в живот. Он просто честно отвечает на мой вопрос. Он не давит на меня, не делает на самом деле никаких признаний в любви. Но я чувствую себя просто ужасно, как будто я использую его. А может, так и есть? Я не знаю. Знаю только, что впервые я считаю аморальным то, что он здесь, в моей постели. Как бы парадоксально это не звучало, ведь теперь мы официально помолвлены.

- Будет хуже, когда дома я снова буду спать один, - говорит он. Верно, мы почти дома.

План празднования в Дистрикте12 включает в себя обед в доме мэра Андерси сегодня вечером и выступление Победителей на площади во время Праздника Урожая завтра - в заключительный день Тура Победителей.

Обычно это означает обед дома или с друзьями, если вы можете себе это позволить. В этом году это дело общественное, и поскольку организатором выступает Капитолий, у всего дистрикта будут полные животы.

Основные наши приготовления будут проходить в доме мэра, потому что мы вернулись к тому, что вынуждены ходить в мехах на улице. На вокзале мы не останавливаемся надолго: коротко улыбаемся и машем. Садимся в наш автомобиль. Мы даже не увидим свои семьи до вечернего обеда.

Я рада, что все будет проходить в доме мэра, а не в Доме Правосудия, где был проведен мемориал для моего отца и где меня держали после Жатвы, когда я прощалась с родными. Дом Правосудия - слишком печальное

место.

К тому же, мне нравится дом мэра Андерси, особенно теперь, когда мы с его дочкой Мадж подруги. Это стало официальным, когда она пришла, чтобы попрощаться со мной перед Играми, и когда она дала мне брошь с сойкойпересмешницей на удачу. Когда я вернулась домой, мы стали проводить вместе много времени. Оказалось, что у Мадж тоже есть куча свободных часов, которые нечем заполнить. Это было довольно неуклюже поначалу, потому что мы не знали, что делать. Остальные девушки нашего возраста, как я слышала, говорили о мальчиках, других девушках и одежде. Ни я, ни Мадж не любим сплетничать, а разговоры об одежде доводили меня до слез. Но после нескольких неудачных попыток, я поняла, что она до смерти хотела побывать в лесу, так что, я взяла ее пару раз с собой и показала, как стрелять. Она пыталась научить меня играть на фортепиано, но мне гораздо больше нравилось слушать ее игру. Иногда мы обедали друг у друга дома. Мадж больше нравился мой дом. Ее родители кажутся хорошими, но я сомневаюсь, что она часто видит их. У ее отца есть целый Двенадцатый Дистрикт, чтобы работать, а у мамы сильные приступы головной боли, заставляющие ее весь день оставаться в постели.

- Может быть, вам стоит свозить ее в Капитолий? - спросила я во время одного из них. В тот день мы не играли на фортепиано, потому что, даже несмотря на два этажа, звук причинял ее маме нестерпимую боль. - Могу поспорить, они в состоянии ее вылечить.

- Да. Но ты не едешь в Капитолий, если он не приглашал тебя, - грустно сказала Мадж. Даже привилегии мэра имеют ограничения.

Когда мы достигаем дома мэра, мне едва хватает времени, чтобы быстро обнять Мадж, прежде чем Эффи начинает толкать меня к третьему этажу, чтобы готовиться. После того, как я накрашена и одета в серебряное платье, доходящее до пола, у меня остается еще целый час до обеда, который я использую, чтобы найти ее.

Спальня Мадж расположена на втором этаже рядом с несколькими комнатами для гостей и кабинетом ее отца. Я заглядываю в кабинет, чтобы поприветствовать мэра, но в нем пусто. Я слышу гудение телевизора и останавливаюсь, чтобы посмотреть кадры, на которых я и Пит во время вчерашней вечеринки. Танцующие, едящие, целующиеся. Сейчас это проигрывается в каждом дистрикте в Панеме. Публика должна быть просто в восторге от несчастных влюбленных из Дистрикта12. Лично я в восторге.

Я выхожу из комнаты, когда какойто звуковой сигнал привлекает мое внимание. Я возвращаюсь, чтобы увидеть, что экран телевизора теперь черный. Затем появляется надпись: «ПОСЛЕДНЯЯ ИНФОРМАЦИЯ О ДИСТРИКТЕ8». Инстинктивно я понимаю, что данная информация не для меня, что это нечто, предназначенное только для мэра. Мне нужно уйти. Как можно скорее. Но вместо этого я подхожу ближе к телевизору.

Появляется диктор, которого я никогда раньше не видела. Это женщина с седыми волосами и хриплым властным голосом. Она предупреждает, что условия ухудшаются и объявлен Третий Уровень тревоги. В Восьмой Дистрикт отправлены дополнительные силы. И все текстильное производство остановлено.

Они переходят от женщины к главной площади Дистрикта8. Я узнаю ее потому, что была на ней только на прошлой неделе. Там все еще висят плакаты с моим лицом, развевающиеся на крышах. Под ними собралась огромная толпа. Площадь заполнена кричащими людьми, их лица скрыты тряпками и самодельными масками. Они кидают кирпичи. Вокруг горят здания. Миротворцы стреляют в толпу, убивая наугад.

Я никогда не видела ничего подобного, но я абсолютно точно могу сказать одну вещь. Это именно то, что президент Сноу называл восстанием .

Глава 7

Кожаная сумка, заполненная едой и флягой с чаем. Пара перчаток с меховой подкладкой от Цинны. Три ветки, отломанные от голых деревьев, брошены на снегу, указывая направление, куда я собираюсь. Это то, что я оставляю для Гейла в нашем месте в первое воскресенье после Праздника Урожая.

Я пробираюсь сквозь холодный затуманенный лес, прокладывая путь, неизвестный Гейлу, но который он легко сможет найти. Он ведет к озеру. Я больше не верю, что наше место - это только наше место, но мне необходимо поговорить с Гейлом... и немного больше смелости. А что, если он не придет? Если он не сделает этого, у меня не будет другого выбора, кроме как идти в его дом посреди глухой ночи. Есть вещи, которые ему необходимо знать... вещи, в которых мне нужна его помощь, чтобы понять...

Как только значение того, что я видела по телевизору в доме мэра Андерси, дошло до меня, я выскочила за

дверь, в коридор. Как раз вовремя, потому что спустя несколько секунд я услышала шаги мэра. Я приветственно помахала ему.

- Ищешь Мадж? - дружелюбно спросил он меня.

- Да. Хочу показать ей свое платье, - ответила я.

- Ну ладно. Ты знаешь, где ее найти. - В этот момент раздался другой звуковой сигнал из его кабинета. Его лицо стало серьезным. - Прошу прощения, - произнес он и зашел в свой кабинет, плотно закрыв дверь.

Я простояла в холле, пока не успокоилась, напомнив себе, что мне нужно вести себя естественно. Тогда я пошла и нашла Мадж в ее комнате, сидящую перед трюмо и тщательно расчесывающую свои выющиеся светлые волосы. Она была в том же самом симпатичном белом платье, которое она надевала в день Жатвы. Она увидела мое отражение в зеркале и улыбнулась.

- Посмотри на себя! Как будто ты зашла прямо с улицы Капитолия.

Я подхожу ближе. Мои пальцы дотрагиваются до сойкипересмешницы.

- Теперь даже брошка подходит для этого. Сойкипересмешницы сейчас на пике моды в Капитолии, благодаря тебе. Ты действительно уверена, что не хочешь ее забрать? - спрашиваю я.

- Не глупи, это подарок, - говорит Мадж. Она заплетает свои волосы праздничной золотой лентой.

- А откуда она у тебя вообще? - интересуюсь я.

- От моей тети, - говорит она. - Но, думаю, она хранилась в нашей семье долгое время.

- Это интересный выбор - сойкапересмешница, - произношу я. - Я имею в виду, изза того, что случилось во время восстания. Ну, вся эта болтовня соек, изза которых у Капитолия было столько проблем.

Сойкиговоруны были переродками, генетически измененными птицами мужского пола, созданными Капитолием как оружие, чтобы шпионить за мятежниками из дистриктов. Они могли запоминать и воспроизводить человеческую речь, так что, их посылали в область мятежа, где они должны были захватить наши слова и передать затем их Капитолию. Мятежники уловили суть и обернули оружие Капитолия против него самого, отсылая птичек с ложными сведениями. Когда Капитолий выяснил это, соекговорунов решено было уничтожить. На воле они должны были вымереть через несколько лет, но сойкиговоруны спарились с самками пересмешников, и появился совершенно новый вид.

- Но ведь сойкипересмешницы никогда не были оружием, - говорит Мадж. - Они всего лишь певчие птицы, разве не так?

- Да, наверное, - отвечаю я. Но это не так. Пересмешник - всего лишь певчая птица. А вот сойкипересмешницы - существа, которых Капитолий никогда не собирался создавать. Они не рассчитывали, что сойкаговорунам хватит мозгов приспособиться к окружающему миру и, передав свой генетический код, процветать в новой форме. Они не ожидали от них воли к жизни.

Сейчас, пока я пробираюсь сквозь снег, я вижу, как сойкипересмешницы прыгают на ветках, подхватывая трели других птиц, повторяя их, а затем преобразовывая во что-то новое. Как всегда, они напоминают мне о Руте. Я думаю о сне, который был у меня той ночью в поезде, где я бежала за ней, а она была сойкапересмешницей. Мне жаль, что я не поспала чуть дольше и не узнала, куда она вела меня.

Это путь к озеру, несомненно. Если Гейл вообще решит пойти за мной, он будет вынужден потратить очень много сил, которые могли бы пойти на охоту. Его отсутствие на обеде мэра, несмотря на то, что вся его семья была там, особо бросалось в глаза. Хейзелл сказала, что он остался дома больной, но это было, очевидно, ложью. Я также не смогла найти его на Празднике Урожая. Вик сказал, что его нет, потому что он охотится. Это, вероятно, было правдой.

Спустя несколько часов я дохожу до дома, стоящего около озера. Возможно, «дом» - это громко сказано. Это всего лишь одна комната. Приблизительно двенадцать квадратных футов. [9] Мой отец считал, что давнымдавно тут было много зданий (здесь до сих пор можно увидеть некоторые части фундамента), и люди ездили сюда на отдых: играть и ловить рыбу в озере. Этот дом пережил другие, потому что он сделан из бетона. Пол, крыша, потолок. Только в одном из четырех окон осталось стекло: потрескавшееся и пожелтевшее от времени. Здесь нет никакого водопровода и электричества, но камин все еще работает, а в углу лежит охапка дров, которые мы с отцом собрали несколько лет назад. Я развожу небольшой огонь, рассчитывая, что туман скроет, выдающий меня дым. Пока огонь разгорается, [10] я расчищаю снег, налетевший из окон без стекол, пользуясь веником, который отец сделал для меня, когда мне было примерно восемь и я играла здесь в «дом». А затем я сажусь на бетон рядом с крошечным очажком и, греясь, жду Гейла.

Проходит на удивление мало времени, прежде чем он появляется. С луком на плече, мертвая дикая индейка, которую он, должно быть, встретил по пути, висит у него на поясе. Он стоит в дверном проеме, как будто

раздумывая, заходить или нет. Он держит нераскрытую сумку с едой и флягой и перчатки Цинны. Он не будет принимать подарки, потому что злится на меня. Я совершенно точно знаю, что он чувствует. Разве не так же я поступала со своей матерью?

Я смотрю в его глаза. Его характер не может скрыть под маской боль от чувства предательства, которое он испытывает изза моей помолвки с Питом. Наша встреча сегодня - последний шанс для меня не потерять Гейла навсегда. Я могла бы потратить часы на попытки объяснить, и даже потом он, возможно, откажется от меня. Вместо этого я начинаю с главного в моей защите.

- Президент Сноу лично угрожал убить тебя, - говорю я.

Гейл слегка приподнимает брови, но на его лице, на самом деле, нет никакого страха или удивления.

- Когонибудь еще?

- Ну, вообще он не давал мне копию списка. Но могу предположить, что он включает в себя обе наши семьи, - говорю я.

Этого хватает, чтобы он подошел к огню. Он садится перед очагом и начинает греться.

- Если не что?

- Если ничего теперь, - говорю я. Очевидно, это требует несколько большего количества объяснений, но я понятия не имею, с чего и каким образом начать. Так что, я просто сижу и уныло смотрю в огонь.

После минуты такого времяпрепровождения Гейл нарушает тишину:

- Ладно, спасибо за предупреждение.

Я поворачиваюсь к нему, собираясь удержать, но попадаю в ловушку его глаз. Я ненавижу себя за то, что улыбаюсь. Это не веселый момент, но я, полагаю, никто не может осудить меня за это. Все равно мы все будем уничтожены.

- У меня действительно есть план, ты же знаешь.

- О да, держу пари, что просто потрясающий, - говорит он, бросая перчатки мне на колени. - Вот. Мне не нужны старые перчатки твоего жениха.

- Он не мой жених. Это всего лишь часть игры. И это не его перчатки, а Цинны.

- Тогда верни их. - Он надевает перчатки, сгибает пальцы. - По крайней мере, я умру в комфорте.

- Оптимистично. Конечно, ты не знаешь ничего из того, что произошло, - говорю я.

- Ну, так приступай, - произносит он.

Я решаю начать с вечера, когда мы с Питом были коронованы как победители Голодных Игр, и Хеймитч предупредил меня насчет гнева Капитолия. Я рассказываю ему о беспокойстве, которое преследовало меня даже, когда я вернулась домой, о президенте Сноу в моем доме, убийстве в Одиннадцатом Дистрикте, о напряжении в толпах, о последнем отчаянном усилии - помолвке, о президентском знаке, говорящем о том, что всего этого было недостаточно, что мне придется заплатить.

Гейл ни разу не перебил меня. Пока я рассказываю, он убирает перчатки в карман и превращает еду из сумки в обед для нас. Режет хлеб и сыр, убирает сердцевину из яблок, отправляет каштаны в огонь, чтобы те поджарились. Я смотрю на его красивые руки, умелые пальцы. Покрытые шрамами, такими же, какие были у меня, пока Капитолий не стер их все с моего тела, но сильные и ловкие. Руки, которые орудут на угольных шахтах, очень точно устанавливают самые сложные ловушки. Руки, которым я доверяю.

Я делаю паузу, чтобы глотнуть чая из фляги, прежде чем рассказать ему о своем возвращении домой.

- Да уж, наломала ты дров, - говорит он.

- Я еще не закончила, - отвечаю ему я.

- На сегодня я услышал достаточно. Давай уже переходить к этому твоему плану, - говорит он.

Я делаю глубокий вдох.

- Мы сбежим.

- Что? - спрашивает он. Я действительно застала его врасплох.

- Мы идем в лес и сбегает в него, - говорю я. Выражение его лица невозможно понять. Он начнет смеяться надо мной, отвергая это как глупость? Я собираюсь спорить, подготавливая аргументы. - Ты же сам говорил, что считаешь, что мы смогли бы это сделать! В то утро Жатвы. Ты сказал...

Он подходит ко мне, и я чувствую, как меня отрывают от земли. Комната начинает кружиться, и мне приходится обхватить руками Гейла за шею, чтобы удержаться. Он счастливо смеется.

- Эй! - протестую я, но тоже смеюсь.

Гейл ставит меня на землю, но не позволяет отпустить его.

- Хорошо, давай сбежим, - говорит он.

- Серьезно? Ты не считаешь это безумием? Ты пойдешь со мной? - Некоторая часть груза моих проблем теперь переходит на плечи Гейла.

- Я считаю это безумием. Но я все равно пойду с тобой. - Он согласен с этим. И не просто согласен, а рад. - Мы можем сделать это. Я знаю, что можем. Давай сделаем это прямо сейчас и никогда не вернемся.

- Ты уверен? - спрашиваю я. - Потому что это все довольно сложно... С детьми и со всеми. Мне не хотелось бы пройти пять миль [11] в лес, когда ты...

- Я уверен. Я совершенно, абсолютно, на сто процентов уверен. - Он наклоняется, чтобы прикоснуться своим лбом к моему, и притягивает меня ближе. Его кожа, все его существо, излучает тепло оттого, что мы так близко к огню, и я закрываю свои глаза, впитывая его теплоту. Я вдыхаю запах его мокрой от снега кожи, и дыма, и яблок, запах всех зимних дней, которые мы делили до Игр. Я не пытаюсь отстраниться. В конце концов, почему я должна? Его голос снижается до шепота:

- Я люблю тебя.

Именно поэтому.

Я никогда не могла определить, когда может произойти нечто подобное. Оно случается слишком быстро. В одну секунду ты предлагаешь план спасения, а в следующую... тебе приходится иметь дело с чемто вроде этого. Я выдаю, должно быть, самый худший из всех вариантов ответа:

- Я знаю.

Это звучит ужасно. Как я полагаю, он не может не любить меня, но я не чувствую ничего подобного в ответ. Гейл начинает отстраняться, но я удерживаю его.

- Я знаю! И ты... Ты знаешь, что значишь для меня. - Этого недостаточно. Он отцепляет мои руки. - Гейл, я не могу думать ни о чем другом сейчас. Все, о чем я думаю, каждый день, каждую минуту, с тех пор, как они вытянули имя Прим на Жатве, это то, как мне страшно. И, кажется, не остается места ни для чего, кроме этого. Если бы мы могли оказаться в месте, где безопасно, возможно, это изменилось бы. Я не знаю.

Я могу видеть, как он проглатывает свое разочарование.

- Значит, мы пойдём и найдем его. - Он возвращается к очагу, где начинают подгорать каштаны. Он переворачивает их на огне. - Придется долго убеждать мою маму.

Полагаю, он в любом случае попрежнему собирается идти. Но счастье исчезло, оставив вместо себя такое знакомое напряжение.

- Мую тоже. Мне просто нужно заставить ее понять причину. На это потребуется много времени. Убедиться, что она осознает, что у нас нет другого выхода.

- Она поймет. Я много наблюдал за ней и Прим во время Игр. Она не скажет тебе нет, - говорит Гейл.

- Надеюсь. - Температура в доме, кажется, упала на двадцать градусов за какие-то секунды. - Вот Хеймитч будет реальной проблемой.

- Хеймитч? - Гейл отвлекается от каштанов. - Ты же не позовешь его с нами?

- Я должна, Гейл. Я не могу оставить его и Пита, потому что их... - Он пронзает меня сердитым взглядом. - Что?

- Прости, но я не знал, насколько большой будет наша компания, - огрызается он.

- Потому что их замучают до смерти, пытаюсь узнать, где я, - говорю я.

- А что насчет семьи Пита? Они никогда не пойдут. На самом деле они, вероятно, не смогут дождаться, чтобы донести на нас. Мне кажется, он достаточно умен, чтобы понимать это. Что, если он решит остаться? - спрашивает Гейл.

Я стараюсь казаться безразличной, но мой голос звучит надтреснуто:

- Тогда он останется.

- И ты оставишь его здесь?

- Чтобы спасти Прим и маму - да, - говорю я. - В смысле - нет! Я заставлю его пойти!

- А меня? Оставишь ты меня? - Выражение лица Гейла определить теперь невозможно. - Если я не смогу убедить свою мать потащить троих детей в дикие леса зимой.

- Хейзелл не откажется, она поймет, - говорю я.

- Представь, что она не поймет, Китнисс. Что тогда? - требует он ответа.

- Тогда ты заставишь ее, Гейл. Ты считаешь, что я преувеличиваю? - Я тоже повышаю голос, злясь.

- Нет. Не знаю. Может быть, президент просто манипулирует тобой. Я имею в виду, как он устраивал вашу свадьбу. Ты же видела, как реагировала толпа Капитолия. Я сомневаюсь, что он может позволить себе убить тебя. Или Пита. Как он собирается выйти из этого? - говорит Гейл.

- Ну, с восстанием в Восьмом Дистрикте, сомневаюсь, что у него есть много времени, чтобы выбирать мой свадебный торт! - кричу я.

Слова вылетают из моего рта, хотела бы я вернуть их. Они мгновенно действуют на Гейла.

- Восстание в Восьмом? - произносит он почти неслышно.

Я пытаюсь пойти на попятный. Снять с него напряжение.

- Не знаю, действительно ли это восстание. Скорее волнение. Люди на улицах... - говорю я.

Гейл хватает меня за плечи.

- Что ты видела?

- Ничего. Лично. Я только слышала коечто. - Как всегда этого слишком мало, слишком поздно. Я сдаюсь и рассказываю ему: - Я видела коечто по телевизору мэра. Я не должна была. Толпа, пожары и Миротворцы, отстреливающие людей. Но они сопротивлялись... - Я прикусываю губу и изо всех сил стараюсь описать картину дальше. Но вместо этого я громко произношу слова, которые съедали меня изнутри: - И это моя ошибка, Гейл. Это изза того, что я сделала на арене. Если бы я только убила себя этими ягодами, ничего этого не случилось бы. Пит, вероятно, вернулся бы домой и спокойно жил, и все остальные тоже были бы в безопасности.

- В безопасности для чего? - говорит он более мягким тоном. - Чтобы голодать? Работать как рабы? Посылать своих детей на Жатву? Ты не причинила людям вред, ты дала им возможность. Им просто нужно быть достаточно храбрыми, чтобы воспользоваться ей. В шахтах уже говорят об этом. Люди, которые хотят бороться. Разве ты не видишь? Это происходит! Это наконец происходит! Если есть восстание в Дистрикте8, почему не здесь? Почему не всюду? Может быть, мы...

- Прекрати это! Ты не знаешь, о чем говоришь! Миротворцы за пределами Двенадцатого, они не похожи на Дариуса или даже Крэя. Жизнь людей из дистрикта для них - ничто, - говорю я.

- Именно поэтому мы и должны присоединиться к борьбе, - отвечает он резко.

- Нет, мы должны уйти отсюда, прежде чем они убьют нас, так же, как и многих других. - Я снова кричу. Не могу понять, почему он делает это. Почему он не понимает, насколько все очевидно. Р

Гейл грубо отталкивает меня от себя.

- Вот и уходи тогда. А я ни за что не уйду.

- До этого ты был рад нашему плану. Я не вижу, как восстание в Восьмом может чтото изменить, но оно делает наш уход еще важнее. Ты просто бесишься изза... - Я не могу бросить имя Пита ему в лицо. - А что насчет твоей семьи?

- А что насчет других семей, Китнисс? Тех, кто не может убежать. Разве ты не понимаешь? Речь идет не только о нашем спасении. Ни тогда, когда началось восстание. - Гейл качает головой, даже не скрывая свое отвращение ко мне. - Ты могла бы сделать так много. - Он бросает перчатки Цинны к моим ногам. - Я передумал, я не хочу ничего, что они сделали в Капитолии.

И он уходит.

Я смотрю вниз на перчатки. Ничего, что они сделали в Капитолии? Он имел в виду меня? Он считает, что я теперь просто еще один продукт Капитолия и поэтому нечто недоступное? Несправедливость всего этого наполняет меня гневом. Но он перемешивается со страхом, какую сумасшедшую вещь он делает теперь?

Я опускаюсь рядом с огнем, отчаянно нуждаясь в комфорте, и обдумываю свой следующий шаг. Я успокаиваю себя, думая, что восстание не может произойти сегодня. Гейл не поговорит с шахтерами до завтра. Если бы я смогла добраться до Хейзелл до этого времени, она бы вразумила его. Но я не могу пойти сейчас. Если он будет там, он остановит меня. Может быть, сегодня ночью, после того, как все уснут... Хейзелл часто работает до поздней ночи, стирая. Я могла бы пойти тогда, влезть в окно, объяснит ей ситуацию, так она удержит Гейла от глупостей.

Мои мысли возвращаются к беседе с президентом Сноу в кабинете:

- Мои советники предупреждали меня, что с вами может быть непросто, но вы же не планируете ничего подобного? - спрашивает он.

- Нет, - отвечаю я.

- Так я им и сказал. Я сказал, что любая девчонка, которая прошла через столько, чтобы выжить, не собирается выбрасывать это все на ветер.

Я думаю о том, как много Хейзелл трудилась, чтобы ее семья выжила. Конечно, она будет на моей стороне в этом вопросе. Или не будет?

Сейчас, должно быть, около полудня. Дни настолько коротки. Нет смысла сидеть в лесу до наступления

темноты. Я тушу свой небольшой огонек, убираю остатки еды и закрепляю перчатки Цинны у себя на поясе. Полагаю, я подержу их у себя некоторое время. В случае если Гейл изменит свое мнение. Я думаю о взгляде на его лице, когда он бросил их. Какое отвращение он испытывал к ним, ко мне...

Я плетусь через лес и добираюсь до своего старого дома, когда все еще светло. Мой разговор с Гейлом, очевидно, прошел неудачно, но я все попрежнему настроена придерживаться своего плана бежать из Дистрикта 12. Затем я решаю найти Пита. Странно, но с тех пор, как он увидел в Туре то же, что и я, его уговорить, возможно, будет легче, чем Гейла. Я сталкиваюсь с ним, когда он выходит из деревни Победителей.

- Охотилась? - спрашивает он. Сразу видно, что он не считает это хорошей идеей.

- На самом деле нет. Направляешься в город? - спрашиваю я.

- Да, предполагается, что я обедаю со своей семьей, - говорит он.

- Ладно, я могу хотя бы прогуляться с тобой. - Дорога от деревни Победителей до площади не часто используется. Это достаточно безопасное место, чтобы поговорить. Но я, кажется, не могу вымолвить не слова. Когда я предложила это Гейлу, все закончилось очень плохо. Я кусаю свои потрескавшиеся губы. Площадь становится все ближе с каждым шагом. Вероятно, скоро у меня не будет возможности. Я глубоко вдыхаю и позволяю словам выйти наружу.

- Пит, если бы я попросила тебя сбежать со мной из Дистрикта 12, ты бы сделал это?

Пит берет мою руку и останавливает меня. Ему не нужно смотреть мне в лицо, чтобы понять, серьезна ли я.

- Зависит от того, почему ты спрашиваешь.

- Я не убедила президента Сноу. В Дистрикте 8 восстание. Мы должны уйти, - говорю я.

- Когда ты говоришь «мы», ты имеешь в виду тебя и меня? Нет. Кто еще должен пойти?

- Моя семья. Твоя, если они захотят. Возможно, Хеймитч, - говорю я.

- А что насчет Гейла? - спрашивает он.

- Я не знаю, у него могут быть другие планы, - отвечаю я.

Пит качает головой и дарит мне несчастную улыбку.

- Держу пари, он пойдет. Конечно, Китнисс, не сомневайся, я пойду.

Я чувствую зарождающуюся во мне надежду.

- Пойдешь?

- Да. Только я сомневаюсь, что ты пойдешь, - говорит он.

Я резко выдергиваю свою руку.

- Значит, ты плохо меня знаешь. Будь готов. Это может случиться в любую минуту.

Я начинаю уходить, но он идет за мной, отставая на шаг или два.

- Китнисс, - зовет меня Пит. Я не замедляю ход. Если он думает, что это плохая идея, я не хочу знать об этом, потому что это все, что у меня есть. - Китнисс, подожди. - Я пинаю грязный заледенелый кусок снега на своем пути и позволяю ему догнать меня. Угольная пыль делает все вокруг особенно уродливым. - Я действительно пойду, если ты хочешь этого. Я просто считаю, что нам нужно обговорить это с Хеймитчем. Убедиться, что мы не сделаем только хуже для всех. - Он поднимает голову. - Что это?

Я тоже замечаю. Я была так поглощена своими проблемами, что не обратила внимания на странный шум, прибывающий с площади. Свист, звуки ударов, вздохи толпы.

- Идем, - говорит Пит. Его лицо внезапно ожесточается. Я не знаю почему. Я не могу понять, что значат эти звуки, даже предположить, что происходит. Но для него это означает что-то плохое.

Мы добираемся до площади, там, очевидно, что-то происходит, но толпа стоит слишком плотно, чтобы можно было что-нибудь рассмотреть. Пит подходит к ящику рядом со стеной кондитерской и протягивает мне руку, одновременно пытаюсь осмотреть площадь. Я на полпути вверх, когда он внезапно блокирует мне путь.

- Спустишь и уходи! - шепчет он, но его голос резок и настойчив.

- Что? - говорю я, пытаюсь снова залезть на ящик.

- Иди домой, Китнисс! Я буду там через минуту, обещаю! - говорит он.

Независимо оттого, что там, оно ужасно. Я выдергиваю свою руку из его и начинаю прокладывать путь сквозь толпу. Люди видят меня, узнают и затем смотрят, паникуя. Руки пихают меня назад. Голоса шепчут:

- Уходи отсюда, девочка.

- Ты только сделаешь хуже.

- Что ты хочешь? Убить его?

Но мое сердце бьется настолько быстро и тяжело, что я почти не слышу их. Я только понимаю, что независимо оттого, что ждет меня посреди площади, это предназначено мне. Когда я, наконец, прорываюсь к

свободному месту, я понимаю, что я была права. И Пит был прав. И эти голоса тоже были правы.

Запястья Гейла привязаны к деревянному столбу. Дикая индейка, которую он подстрелил чуть раньше, висит над ним, прибитая гвоздем за шею. Его куртка сброшена на землю, рубашка порвана. Он стоит на коленях без сознания, поддерживаемый только веревками. То, что раньше было его спиной, теперь сырой, кровавый кусок мяса.

За ним стоит мужчина, которого я никогда раньше не видела, но я узнаю его униформу. Она предназначена Главному Миротворцу. Но, тем не менее, это не старый Крэй. Это высокий, мускулистый человек с острыми стрелками на штанах.

Части картины так и не складываются воедино, пока я не вижу, что его рука поднимает кнут.

Глава 8

- Нет! - кричу я и кидаюсь вперед. Слишком поздно, чтобы помешать руке опуститься. Инстинктивно я понимаю, что у меня не хватит силы остановить ее. Вместо этого я бросаюсь непосредственно между кнутом и Гейлом. Я раскидываю свои руки так, чтобы защитить как можно больше его покалеченного тела, таким образом, у меня нет никакой возможности защититься от розги. Я получаю всю силу удара на левую часть лица.

Боль на мгновение ослепляет меня. Острые вспышки света мелькают перед глазами, и я падаю на колени. Одной рукой трогаю щеку, другой держусь, чтобы окончательно не упасть. Я уже чувствую, как появляется опухоль, как она закрывает мои глаза. Камни подо мной мокрые от крови Гейла, воздух наполнен ее запахом.

- Хватит! Вы убьете его! - воплю я.

Мне удается взглянуть в лицо своему противнику. Суровое, с глубокими морщинами и жестким ртом. Серые волосы почти сошли на нет, глаза настолько черные, что кажется, будто они состоят из одного зрачка, длинный прямой нос, красный из-за холодного воздуха. Сильная рука поднимается снова, его взгляд останавливается на мне. Мои руки тянутся к плечу, желая достать стрелу, но, естественно, оружие осталось в лесу. Я стискиваю зубы, ожидая следующего удара.

- Хватит, - произносит чейто голос. Появляется Хеймитч, спотыкаясь об Миротворца, лежащего на земле. Это Дариус. Громадная пурпурная шишка у него на лбу проглядывает сквозь рыжие волосы. Он без сознания, но все еще дышит. Что произошло? Он пытался помочь Гейлу до моего появления?

Хеймитч не обращает на него внимания и грубо ставит меня на ноги.

- О, превосходно. - Его рука хватается меня за подбородок, поднимая его. - У нее на следующей неделе фотосессия в свадебных платьях. Что, повашему, я теперь скажу стилисту?

Я вижу вспышку узнавания в глазах человека с кнутом. Замерзшая, некрашенная, с косой, небрежно засунутой под пальто. Довольно сложно сейчас опознать во мне победительницу последних Голодных Игр. Особенно, когда половина моего лица так опухла. Но Хеймитч мелькал в телевизоре в течение многих лет, и его трудно забыть.

Мужчина пускает кнут.

- Она прервала наказание признавшего вину преступника.

Все в этом человеке, его повелительном голосе, необычном акценте так и кричит об опасности. Откуда он приехал? Из Одиннадцатого Дистрикта? Из Третьего? Непосредственно из Капитолия?

- Меня не волнует, даже если бы она взорвала Дом Правосудия! Посмотрите на ее щеку! Думаете, за неделю это пройдет? - рычит Хеймитч.

Глосс мужчины попрежнему холоден, но я могу слышать некоторые нотки сомнения в нем:

- Это не моя проблема.

- Нет? Значит, она станет твоей, друг мой. Первый звонок, который я сделаю, вернувшись домой, будет в Капитолий. Я найду того, кто уполномочил тебя портить миленькое личико моего победителя!

- Он занимался браконьерством! Какое ей вообще до этого дело? - говорит мужчина.

- Он ее кузен. - Пит мягко берет меня за руку. - А она моя невеста. Так что, если вы хотите добраться до него, вам придется перешагнуть через нас обоих.

Наверно, есть только трое человек в дистрикте, которые могут встать на такую позицию, как эта. И то, я уверена, это ненадолго. Будут последствия. Но сейчас все, что меня волнует, - спасение Гейла. Новый Главный Миротворец осматривается вокруг. К своему облегчению я вижу знакомых людей, старых друзей из Котла. По

выражениям их лиц можно сказать, что зрелищем они не наслаждаются.

Одна женщина по имени Пурния, которая часто обедает у Сальной Сэй, осторожно выступает вперед:

- Мне кажется, что за первое нарушение вы выдали необходимое количество ударов, сэр. Если, конечно, вашим приговором не является смерть, которая должна осуществляться через расстрел.

- Это стандартный протокол здесь? - спрашивает Главный Миротворец.

- Да, сэр, - говорит Пурния, и несколько человек кивают, соглашаясь. Я уверена, что никто из них на самом деле не знает об этом, потому что в Котле стандартный протокол для когото, кто обнаруживается с дикой индейкой, заключается в начале торгов.

- Прекрасно. Забирайте своего кузена отсюда. И когда он придет в себя, напомните ему, что если он еще раз будет незаконно охотиться на землях Капитолия, я лично его расстреляю. - Главный Миротворец проводит рукой вдоль кнута, обрызгивая нас кровью. Затем он быстро скручивает его в аккуратные петли и уходит.

Большинство других Миротворцев, неловко выстроившись, отправляются за ним. Маленькая группка остается и поднимает тело Дариуса за руки и ноги. Я ловлю взгляд Пурнии и говорю ей спасибо, прежде чем она уйдет. Женщина не отвечает, но я уверена, что она поняла.

- Гейл. - Я поворачиваюсь и начинаю возиться с веревками, связывающими его запястья. Ктото передает нам нож, и Пит разрезает веревки. Гейл падает на землю.

- Лучше доставить его к твоей матери, - говорит Хеймитч.

Нет никаких носилок, но старуха из лотка с одеждой продает нам доску, служащую ей прилавком.

- Только не говорите никому, где вы ее взяли, - произносит она, быстро собирая оставшиеся товары. Большая часть площади опустела, страх взял верх над состраданием. Но после того, что произошло, я не могу никого винить в этом.

К тому времени мы уже кладем Гейла на доску вниз лицом. Совсем маленькая группа человек осталась, чтобы нести его. Хеймитч, Пит и несколько шахтеров, входящих в тот же отряд, что и Гейл.

Ливи, девушка, живущая через несколько зданий от моего дома в Шлаке, берет меня за руку. Моя мама вылечила ее маленького брата в том году, когда тот подхватил корь.

- Нужна помощь? - Ее серые глаза испуганы, но уверенны.

- Нет... Но ты могла бы найти Хейзелл? Отправить ее к нам? - спрашиваю я.

- Хорошо, - говорит Ливи, разворачиваясь на каблуках.

- Ливи! - говорю я. - Не позволяй ей взять с собой детей.

- Нет. Я сама с ними останусь, - отвечает она.

- Спасибо.

Я беру куртку Гейла и тороплюсь вслед за всеми.

- Приложи снег, - бросает Хеймитч через плечо. Я захватываю небольшую горстку снега и подношу к щеке. Боль немного отступает. Мне тяжело открывать левый глаз, и в тускнеющем свете все, что я могу сделать, это следовать за ботинками идущих впереди.

Пока мы идем, я слышу как Бристел и Торн, товарищи Гейла, по очереди рассказывают о том, что произошло. Гейл пошел в дом Крэя так же, как он делал это сотни раз, потому что знал, что тот всегда платит хорошие деньги за индейку. Вместо этого он встретил там нового Главного Миротворца, которого, как слышали мужчины, зовут Ромулус Тред. Никто не знает, что случилось с Крэем. Он покупал белый ликер в Котле только сегодня утром, очевидно, все еще командуя Миротворцами Дистрикта, но теперь его нигде не могут найти. Тред сразу же арестовал Гейла, а так как он стоял там, держа мертвую индейку, сказать в свое оправдание он, конечно же, ничего не мог. Слухи о его проблеме быстро расползлись. Он был приведен на площадь, вынужден признать себя виновным и приговорен к побоям, которые немедленно привели в действие. К тому моменту, когда я пришла, его стегали по крайней мере сорок раз. Отключился он после тридцати.

- Повезло, что у него была только одна индейка, - говорит Бристел. - Если бы был его обычный трофей, могло быть намного хуже.

- Он сказал Треду, что нашел ее, блуждающей по Шлаку. Что это было с этой стороны забора, и он убил ее палкой. Это все равно преступление. Но если бы они узнали, что он был в лесу с оружием, они бы точно убили его, - рассказывает Торн.

- А что насчет Дариуса? - спрашивает Пит.

- После примерно двадцати ударов он вышел вперед, сказав, что этого достаточно. Только он сделал это не так умно и официально, как Пурния. Дариус схватил Треда за руку, и тот ударил его в лоб рукояткой кнута. От него не стоит ждать ничего хорошего, - поясняет Бристел.

- Звучит не слишком здорово для всех нас, - говорит Хеймитч.

Начинает идти снег, густой и мокрый, делая видимость еще труднее.

Я спотыкаюсь на дорожке, ведущей к моему дому, идя за остальными, больше пользуясь своими ушами, нежели глазами, чтобы ориентироваться. Золотой свет окрашивает снег, когда открывается дверь. Появляется моя мама, которая, без сомнения, ждала меня после долгого и необъясненного отсутствия.

- Новый Глава, - говорит Хеймитч, и она кивает головой так, будто больше и не надо ничего объяснять.

Меня переполняет страх, когда я вижу, как она превращается из женщины, которая зовет меня, чтобы убить паука, в совершенно бесстрашную. Когда больного или умирающего приносят к ней... думаю, это единственное время, когда мама точно знает, кто она. За мгновение длинный кухонный стол очищен, на него накидывается стерильная белая ткань, а сверху кладется Гейл. Мама льет воду из чайника в тазик, велит Прим нести средства из ее аптечки. Сухие травы, настойки и пузырьки, приобретенные в магазине. Я наблюдаю, как ее руки, длинные пальцы крошат это и выливают в тазик. Она окунает ткань в горячую жидкость, пока дает Прим указания приготовить вторую смесь.

Мама смотрит на меня:

- Это задело твой глаз?

- Нет, он просто закрыт изза опухоли, - говорю я.

- Приложи к ней больше снега, - велит она. Но я явно не приоритетный пациент в данной ситуации.

- Ты сможешь его спасти? - спрашиваю я маму. Она ничего не отвечает, поскольку вылавливает ткань, полагая, что на воздухе она быстро остынет.

- Не волнуйся, - говорит Хеймитч. - До Крэя у нас часто использовали побои. Она та, которая вылечивала их.

Я не могу помнить время до Крэя, время Главного Миротворца, который использовал кнут. Но моя мама, должно быть, была тогда моего возраста и все еще работала с родителями в аптеке. Даже тогда у нее были умелые руки целителя.

Очень аккуратно она начинает протирать искалеченную плоть на спине Гейла. Я ощущаю боль в животе. С моих перчаток на пол капает вода от растаявшего снега. Пит усаживает меня на стул и прикладывает ткань, в которую завернут новый снег, к моей щеке.

Хеймитч говорит Бристелу и Торну, чтобы те возвращались домой, и я вижу, что он сует им деньги в руки, прежде чем те уходят.

- Неизвестно, что случится с вашей командой, - говорит он. Они кивают, принимая деньги.

Прибегает Хейзелл, запыхавшаяся, покрасневшая, со свежим снегом в волосах. Теперь она молча сидит на табурете рядом со столом и держит Гейла за руку, периодически поднося ее к губам. Моя мама не признает даже ее. Она сейчас в месте, где есть только пациент и иногда еще Прим. Остальные могут только ждать.

Даже при ее опыте требуется очень много времени, чтобы очистить раны и решить, какие мази подходят, чтобы излечить так мелко искромсанную кожу. После того, как кровь смыта, я могу видеть, каждый порез в месте, куда приземлялся кнут, и каждый из них отзывается болью в порезе на моем лице. Я умножаю свою собственную боль в сорок раз и изо всех сил надеюсь, что Гейл так и останется без сознания хотя бы на время. Конечно, я прошу слишком многого. Когда мама накладывает последнюю повязку, стон слетает с его губ. Хейзелл гладит его по голове и шепчет что-то успокаивающее, в то время как моя мама и Прим продолжают работать со своими скудными запасами обезболивающих, которые обычно продаются только врачам. Их трудно достать, они дорогие и всегда пользующиеся спросом. Мама хранит их для самой худшей боли. Но что означает «худшая боль»? Для меня это любая боль. Если бы я была ответственной, то все запасы обезболивающих ушли бы за день, потому что я не умею смотреть, как страдают. Мама же старается сохранить их для тех, кто находится практически при смерти.

Когда Гейл приходит в сознание, они дают ему травяную смесь, которую вливают через рот.

- Этого недостаточно, - говорю я. Они удивленно смотрят на меня. - Этого недостаточно. Я знаю, что он чувствует. Этого едва хватит, чтобы устранить головную боль.

- Мы смешаем его с сиропом для сна, Китнисс, и он сможет уснуть. Травы больше для воспаления... - начинает мама спокойно.

- Просто дайте ему лекарство! - кричу я ей. - Дайте! Кто вы такие, чтобы решать, сколько боли он может выдержать!

Гейл начинает шевелиться изза моего голоса, пытаюсь дотянуться до меня. От движения на его бинтах появляются свежие пятна крови, и он издает звук мучения.

- Выведите ее, - говорит мама. Хеймитч и Пит буквально вытаскивают меня из комнаты, в то время как я

выкрикиваю в ее сторону ругательства. Они придавливают меня к кровати одной из дополнительных спален, пока я не прекращаю бороться.

Пока я лежу там и плачу, я слышу, что Пит тихо говорит Хеймитчу о президенте Сноу, о восстании в Восьмом.

- Она хочет, чтобы мы все бежали, - говорит он. И если у Хеймитча есть на этот счет другое мнение, он его не высказывает.

Через некоторое время входит мама и осматривает мое лицо. Затем она берет мою руку, поглаживая ее, пока Хеймитч рассказывает ей, что случилось с Гейлом.

- Значит, это снова началось? - говорит она. - Как раньше?

- Похоже на то, - отвечает Хеймитч. - Кто бы мог подумать, что мы будем жалеть, когда уйдет старый Крэй. Крэй не любили, так или иначе. Не столько изза униформы, которую он носил, сколько изза его привычки затаскивать молодых голодающих женщин к себе в постель в обмен на деньги. Это сделало его объектом всеобщей ненависти в Дистрикте. В понастоящему тяжелые времена самые голодные собирались по вечерам около его двери, зарабатывая деньги, чтобы накормить семьи, продавая свои тела. Если бы я была старше, когда мой отец умер, я, вероятно, была бы среди них. Вместо этого я научилась охотиться.

На самом деле я не знаю, что имеет в виду мама, говоря, что эти вещи происходят снова, и я слишком зла, чтобы спрашивать. Тем не менее, я думаю, что худшие времена действительно возвращаются. Поэтому когда раздается дверной звонок, я буквально выстреливаю из кровати. Кто это может быть в час ночи? Есть только один ответ. Миротворцы.

- Они не заберут его, - говорю я.

- Возможно ты следующая, - произносит Хеймитч.

- Или ты, - отвечаю я.

- Домто не мой, - возражает он. - Но дверь я открою.

- Нет, дверь открою я, - спокойно говорит мама.

Тем не менее, вниз в гостиную мы идем все вместе под настойчивую трель звонка. Когда мама открывает дверь, там стоит не целая команда Миротворцев, а одна единственная, запорошенная снегом фигура. Мадж. Она протягивает мне маленькую картонную коробочку.

- Возьми это для твоего друга, - говорит она. Я снимаю крышку с коробки, внутри полдюжины пузырьков с прозрачной жидкостью. - Они моей матери. Она сказала, что я могу взять их. Воспользуйся ими, пожалуйста.

Она убегает в метель раньше, чем мы успеваем остановить ее.

- Сумасшедшая девчонка, - бормочет Хеймитч, когда мы идем за моей мамой на кухню.

Независимо оттого, что мама дала Гейлу, я была права - этого недостаточно. Его зубы стучат, а кожа блестит от пота. Мама заполняет шприц прозрачной жидкостью из одного из пузырьков, и вкалывает ее ему в руку.

Почти мгновенно его лицо начинает расслабляться.

- Что это такое? - спрашивает Пит.

- Это из Капитолия. Называется морфлий, - поясняет мама.

- Я даже не знал, что Мадж знакома с Гейлом, - говорит Пит.

- Мы раньше продавали ей землянику, - сердито говорю я. Изза чего я злюсь? Точно не изза того, что она принесла лекарство.

- Должно быть, она ей очень нравилась, - говорит Хеймитч.

Это уязвляет меня. Он подразумевает, что между Мадж и Гейлом что-то есть. И мне это не нравится.

- Она моя подруга. - Все, что я говорю.

Теперь, когда Гейл провалился в глубокий сон после обезболивающего, все, кажется, вздыхают свободней. Прим накладывает нам всем тушеное мясо и хлеб. Мы предлагаем Хейзелл комнату, но она должна вернуться домой к остальным детям. Хеймитч и Пит хотят остаться, но мама отсылает их по домам, чтобы поспать. Она знает, что со мной это можно даже не пробовать, и оставляет меня сидеть с Гейлом, пока они с Прим отдыхают.

Наедине с Гейлом на кухне я сажусь на табурет Хейзелл и беру его за руку. Через некоторое время мои пальцы находят его лицо. Я прикасаюсь к его частям, к которым у меня не было причин прикоснуться раньше. Его густые темные брови, его скулы, линия носа, шея. Я глажу щетину на его подбородке и наконец подбираюсь к губам. Мягкие и полные, слегка потрескавшиеся. Его дыхание нагревает мою замерзшую кожу.

Все спящими выглядят моложе? Потому что сейчас передо мной мальчик, с которым я столкнулась в лесу несколько лет назад, тот, который обвинил меня в краже его ловушек. Что за парой мы были... без отцов, напуганные, но изо всех сил стремящиеся сохранить свои семьи в живых. Доведенные до отчаяния, но все же

больше не одинокие после того, как нашли друг друга.

Я думаю о сотнях моментов в лесах: ленивая полуденная рыбалка, день, когда я учила его плавать, тот день, когда я повредила колено, и он нес меня домой. Мы всегда рассчитывали друг на друга, прикрывали друг друга, заставляли друг друга быть сильными.

Впервые я пытаюсь переставить местами наши жизни. Я представляю Гейла, заменяющего Рори на Жатве, вырванного из моей жизни, становящегося возлюбленным какойто незнакомой девчонки, чтобы остаться в живых, и возвращающегося домой вместе с ней. Живущего рядом с ней. Обещающего жениться на ней.

Я чувствую ненависть к нему, к выдуманной девчонке, ко всему этому. Чувство такое сильное и реальное, что оно душит меня. Гейл мой. А я его. Все остальное просто невыносимо. Почему его должны были избить до полусмерти, чтобы я поняла это?

Потому что я эгоистка. Я трус. Я та девочка, которая, когда она может быть полезна, сбегает, чтобы выжить, оставив тех, кто не может последовать за ней, страдать и умирать. Я та девочка, которую Гейл встретил в лесу сегодня .

Ничего удивительного, что я победила на Играх. Ни у кого из порядочных людей это не получается.

Ты спасла Пита , слабо думаю я.

Но теперь я подвергаю сомнению даже это. Я прекрасно знала, что моя жизнь в Дистрикте12 будет невозможна, если я позволю этому мальчику умереть.

Я кладу голову на край стола, преодолевая отвращение к самой себе. Жаль, что я не погибла на арене. Жаль, что Сенека Крейн не стер меня в порошок, когда я достала те ягоды, как и говорил президент Сноу.

Ягоды. Я понимаю, что ответ на вопрос, кто я такая, кроется в той горстке ядовитых плодов. Если я достала их, чтобы спасти Пита, потому что знала, как ко мне отнесутся, если я вернусь без него, то я подлая. Если же я достала их потому, что любила его, то я эгоистичная, хоть это и простительно. Но если я достала их, чтобы бросить вызов Капитолию, я чтото стоящее. Проблема в том, что я не знаю, что происходило во мне в тот момент.

Могли ли люди из Дистриктов быть правы? В том, что это был акт восстания, хоть и не осознанный? Потому что глубоко внутри я знаю, что для меня недостаточно просто оставить себя, свою семью и друзей в живых, сбежав. Даже если бы я смогла. Это ничего не изменит. Это не помешает людям быть избитыми так же, как и Гейл сегодня.

В действительности жизнь в Дистрикте12 не слишком отличается от жизни на арене. В некоторый момент вам нужно прекратить бежать и встретиться лицом к лицу с тем, кто хочет вашей смерти. Это сложно. Для этого нужно иметь храбрость. Да, но это не сложно для Гейла. Он родился мятежником. А я та, кто придумывает планы спасения.

- Прости меня, - шепчу я. Наклоняюсь и целую его.

Его ресницы трепещут, и он смотрит на меня сквозь туман от снотворного.

- Привет, Кискис.

- Привет, Гейл, - говорю я.

- Я думал, ты уже уйдешь к этому времени, - произносит он.

Мой выбор прост. Я могу умереть в карьере в лесу или я могу умереть здесь, рядом с Гейлом.

- Я никуда не иду. Я собираюсь остаться здесь и принести им кучу неприятностей.

- Я тоже, - говорит Гейл. Он успевает только улыбнуться, прежде чем лекарства вновь погружают его в сон.

Глава 9

Кто-то трясет меня за плечи, и я сажусь. Я заснула, положив голову на стол. На моей нетронутой щеке остались следы от складок белой ткани. Другая, на которую пришелся удар кнута, мучительно пульсирует от боли. Гейл попрежнему в отключке, но его пальцы переплетены с моими. Я чувствую запах свежего хлеба и поворачиваю затекшую шею, чтобы найти там Пита, смотрящего на меня с грустным выражением лица. Я догадываюсь, что он наблюдал за нами какое-то время.

- Иди в постель, Китнисс. Я присмотрю за ним, - говорит он.

- Пит, о том, что я говорила вчера, о побеге... - начинаю я.

- Я знаю, - прерывает он. - Можешь ничего не объяснять.

Я вижу булку хлеба на столе в бледном, снежном утреннем свете. Синие круги у него под глазами. Интересно, спал ли он вообще? Возможно, недолго. Я думаю о его согласии пойти со мной вчера, о том, как он подошел и встал рядом со мной, чтобы защитить Гейла, о его готовности дать мне так много, когда я даю ему так мало взамен. Независимо оттого, что я делаю, я причиняю кому-нибудь боль.

- Пит...

- Просто иди спать, хорошо? - говорит он.

Я тащусь вверх по лестнице, заползаю под одеяло и тут же засыпаю. В какой-то момент Мирта, девочка из Дистрикта 2, попадает в мой сон. Она преследует меня, роняет на землю и вытаскивает нож, чтобы изрезать мое лицо. Он глубоко вонзается мне в щеку, открывая широкую рану. Тогда Мирта начинает меняться: ее лицо удлинняется, становясь звериной мордой, на коже вырастает темный мех, ногти переходят в огромные когти, но ее глаза остаются неизменными. Она становится мутированной формой самой себя - волком, созданным в Капитолии, который мучил нас той ночью на арене. Откидывая голову назад, она издает долгий жуткий вой, который подхватывают другие переродки. Мирта начинает жадно слизывать кровь, текущую из моей раны, каждое прикосновение языка приносит мне новую волну боли. Я сдавленно вскрикиваю и просыпаюсь, вся в поту и одновременно дрожа. Убаюкивая в руке свою поврежденную щеку, я напоминаю себе, что получила рану не от Мирты, а от Треда. Я жалею, что здесь нет Пита, обнимающего меня, пока не вспоминаю, что, как предполагается, не должна больше об этом жалеть. Я выбрала Гейла и восстание. Будущее с Питом - это выбор Капитолия, не мой.

Опухоль вокруг моего глаза немного спала, и я могу приоткрыть его. Я смотрю сквозь занавески и вижу, что метель усилилась до настоящей бури.

Есть только белоснежная стена и ветер, вой которого поразительно походит на вой переродков.

Я рада снежной буре, ее свирепым ветрам и летящему снегу, превращающемуся в глубокие сугробы. Этого может быть достаточно, чтобы держать настоящих волков, также известных как Миротворцы, подальше от моей двери. Несколько дней, чтобы подумать. Разработать план. С Гейлом, Питом и Хемитчем под рукой. Эта снежная буря - настоящий подарок.

Прежде чем я пойду вниз, чтобы предстать перед этой новой жизнью, я заставляю себя потратить некоторое время, чтобы осознать, что же все это будет значить. Меньше дня назад я была готова сбежать в леса со своими любимыми посреди зимы, с очень вероятной возможностью преследования Капитолия. Сомнительное мероприятие, по меньшей мере. Но теперь я ввязываюсь в нечто еще более рискованное. Борьба с Капитолием обеспечивает их быстрое возмездие. Я признаю, что могу быть арестована в любой момент. Это может быть стук в дверь, такой же, как прошлой ночью, и группа Миротворцев заберет меня. Это может быть пытка. Увечья. Пуля в голову на городской площади, если мне повезет настолько, что я пройду через это быстро. У Капитолия бесконечное количество интересных способов убийства людей. Я представляю эти вещи, и мне страшно, но посмотрим правде в глаза: эти мысли, так или иначе, скрывались в глубине моего сознания. Я была трибутом на Играх. Президент угрожал мне. Я получила удар кнутом по лицу. Я уже мишень.

Теперь более трудная часть. Я должна оказаться перед фактом, что моя семья и друзья могут разделить мою судьбу. Прим. Я лишь думаю о Прим, и вся моя решимость улетучивается. Моя работа - защищать ее. Я натягиваю одеяло на голову. Я быстро расходую весь кислород и начинаю задыхаться из-за отсутствия воздуха. Я не могу позволить Капитолию причинить боль Прим.

И затем это поражает меня. Они уже делают это. Они убили ее отца в тех несчастных шахтах. Они сидели и ничего не делали, пока она умирала от голода. Они выбрали ее трибутом, а потом заставили смотреть, как ее сестра борется за жизнь на Играх. Ей причинили гораздо более сильную боль, чем мне, когда я была двенадцатилетней девочкой. И даже это бледнеет на фоне жизни Руты.

Я откидываю одеяло и вдыхаю холодный воздух, просочившийся сквозь окна.

Прим, Рута... Разве они не главная причина, по которой я должна бороться? Потому что то, что сделали с ними, так неправильно, так не оправдываемо, так ужасно, что нет никакого другого выбора? Потому что никто не имеет права обращаться с ними так, как с ними обращались?

Да. Эта та вещь, которую я должна вспоминать, когда меня захватывает страх. Все, что я сделаю, независимо оттого, что им всем придется вынести, будет ради них. Слишком поздно, чтобы помочь Руте, но, возможно, не так поздно для тех пяти маленьких личиков, которые смотрели на меня на площади Дистрикта 1. Не так поздно для Рори, Вика и Позы. Не так поздно для Прима.

Гейл был прав. Если у людей есть храбрость, они могут воспользоваться возможностью. Он также был прав, что с тех пор, как я привела это все в движение, я могу сделать так много. Хотя пока я не знаю, что именно. Но

решение не сбегать - это уже первый шаг.

Я принимаю душ, и сегодня моя голова забита не планом выживания в лесах, а тем, как они смогли организовать то восстание в Дистрикте8. Так много людей так четко действовало против Капитолия. Это было запланировано заранее или просто вспыхнуло после долгих лет ненависти и обиды? Как мы можем устроить это здесь? Присоединятся люди Дистрикта12 к нам или попрячутся за своими дверями? Вчера площадь так быстро опустела после побоев Гейла. Но не потому ли это, что мы ощущаем себя настолько бессильными и не имеющими ни малейшего понятия, что можно сделать? Мы нуждаемся в том, чтобы нас направили и убедили, что это все возможно. Может быть, я и была катализатором для восстания, но лидером должен быть кто-то с убеждениями, и я едва ли подхожу на эту роль. Кто-то с безграничной храбростью, а я все еще усиленно работаю над поисками своей. Кто-то с понятными и убедительными словами, а не столь косноязычный, как я.

Слова. Я думаю о словах и думаю о Пите. Как люди принимают все, что он говорит. Держу пари, он мог бы привести толпу в действие, если бы захотел. Нашел бы, что нужно сказать. Но я уверена, что эта мысль никогда не приходила ему в голову.

Внизу я нахожу маму и Прим, ухаживающих за Гейлом. Взглянув на его лицо, я понимаю, что лекарство закончило свое действие. Я снова хочу начать ругаться, но стараюсь держать свой голос спокойным:

- Разве ты не можешь сделать ему еще укол?

- Я сделаю, когда это будет необходимо. Мы решили сначала попробовать снежное пальто, - говорит мама. Она убрала бинты. Можно фактически видеть, что от его спины исходит высокая температура. Она кладет чистую ткань на его воспаленную кожу и кивает Прим.

Прим подходит, неся нечто, выглядящее как большая миска со снегом. Но оно бледнозеленое и выделяет сладкий, чистый запах. Она тщательно начинает выкладывать это на ткань. Я могу почти слышать шипение истерзанной кожи Гейла, получающей снежную микстуру. Он, недоумевая, на мгновение приоткрывает глаза, а затем издает звук облегчения.

- Повезло, что у нас есть снег, - говорит мама.

Я думаю, на что это похоже - оправляться от порки в разгар лета с обжигающим воздухом вокруг и теплой водой из крана.

- А что вы делали в теплые месяцы? - спрашиваю я.

Между бровями у мамы появляется морщинка, потому что она хмурится.

- Старались отгонять мух.

От этой мысли мой желудок сжимается. Мама кладет в носовой платок немного лекарства, и я прикладываю его к своей щеке. Боль уходит мгновенно. Это из-за холода от снега, безусловно, но травы, которые добавила мама, тоже замораживают.

- О, это замечательно! Почему вы не сделали это для него прошлой ночью?

- Сначала нужно было, чтобы раны перестали кровоточить, - отвечает она.

Я не знаю, что это все на самом деле значит, но раз это работает, кто я такая, чтобы спорить с ней? Она знает, что делает, моя мама. Я чувствую острую боль от раскаяния за те ужасные вещи, которые я проорала ей вчера, пока Хеймитч и Пит тащили меня из кухни.

- Прости, что я накричала на тебя вчера.

- Я слышала вещи и похуже, - говорит она. - Ты видела, какими бывают люди, когда кто-то, кого они любят, страдает от боли.

Кто-то, кого они любят. Слова замораживают мой язык, так, будто он покрыт снежным пальто. Конечно, я люблю Гейла. Но какую любовь она имеет в виду? Что я имею в виду, когда говорю, что люблю Гейла? Я не знаю. Я действительно поцеловала его вчера ночью, в тот момент, когда эмоции переполняли меня. Но я уверена, что он не помнит этого. Или помнит? Я надеюсь, нет. Если все-таки помнит, все станет еще сложнее, и я действительно не могу думать о поцелуях, когда я собираюсь начинать восстание.

- Где Пит? - интересуюсь я.

- Он пошел к себе, когда услышал, что ты проснулась. Не хотел оставлять свой дом без присмотра во время бури, - говорит мама.

- Он нормально добрался? - спрашиваю я. В такую метель можно заблудиться и за несколько ярдов, а потом блуждать до потери пульса.

- Почему бы тебе не позвонить ему и не узнать? - говорит мама.

Я вхожу в кабинет, комнату, которую я в основном избегала с той встречи с президентом, и набираю номер Пита. После нескольких гудков он отвечает.

- Привет. Я просто хотела убедиться, что ты вернулся домой, - говорю я.
- Китнисс, я живу через три дома от тебя, - произносит он.
- Я знаю, но изза этой погоды и всего... - отвечаю я.
- Ладно, со мной все в порядке. Спасибо за беспокойство. - Длинная пауза. - Как Гейл?
- Лучше. Мама и Прим сделали ему пальто из снега, - говорю я.
- А твое лицо? - спрашивает он.
- У меня тоже некоторое улучшение, - отвечаю я. - Ты видел Хеймитча сегодня?
- Я заскочил к нему. Мертвецки пьян. Но я разжег ему камин и оставил немного хлеба, - говорит он.
- Я хотела поговорить... С вами обоими, - я не решаюсь добавить ничего большего по телефону, который, без сомнения, прослушивается.
- Вероятно, придется подождать, пока погода не успокоится, - говорит он. - Все равно до этого ничего важно не произойдет.

- Да, ничего важного, - соглашаюсь я.
Уходит два дня на то, чтобы буря улеглась, оставив нас с сугробами, выше человеческого роста. Через день после этого дорога из Деревни Победителей до площади была очищена. Все это время я проводила, в основном ухаживая за Гейлом, прикладывая снежное лекарство себе на щеку и пытаюсь вспомнить все, что я знала о восстании в Восьмом, надеясь, что это нам поможет. Опухоль на моем лице потихоньку спала, оставив меня с зудом от заживающих ран и с огромным синяком под глазом.

Мы приводим в себя Хеймитча и тащим его с собой на улицу. Он жалуется, но не так, как обычно. Все мы знаем, что должны обсудить то, что случилось, в месте, не столь опасном, как наши дома в Деревне Победителей. На самом деле, мы ждем, пока деревня не останется далеко позади, чтобы даже просто начать говорить. Я провожу это время, изучая десятифутовые

[12]

стены снега, накопившиеся с обеих сторон узкой очищенной дорожки, задаваясь вопросом, не обрушатся ли они на нас. Наконец Хеймитч нарушает тишину.

- Итак, значит, мы все сбегает в великую неизвестность, так? - спрашивает он меня.
- Нет, - говорю я. - Уже нет.
- Увидела все недостатки своего плана, солнышко? - говорит он. - Есть новые идеи?
- Я хочу начать восстание, - отвечаю я.
Хеймитч просто смеется. Этот смех тревожит меня. Он означает, что Хеймитч даже не может принять меня всерьез.
- Так, а я хочу выпить. Как тебе идея?
- Тогда каков твой план? - выплевываю я.
- Мой план в том, чтобы убедиться, что все просто идеально для вашей свадьбы, - отвечает Хеймитч. - Я позвонил и перенес фотосессию, особо не вдаваясь в детали.
- У тебя даже телефона нет, - говорю я.
- Эффи установила его, - произносит он. - Ты знаешь, что она спросила меня, когда я бы хотел выдать тебя? Я ответил, что чем скорее, тем лучше.
- Хеймитч. - Я могу слышать нотки мольбы в своем голосе.
- Китнисс, - передразнивает он меня. - Это не сработает.

Мы замолкаем, потому что группа мужчин с лопатами проходят мимо нас, сворачивая в сторону Деревни Победителей. Возможно, они смогут сделать что-нибудь с этими десятифутовыми стенами. И, к тому времени, когда они становятся вне пределов слышимости, площадь уже совсем рядом. Мы выходим на нее и одновременно останавливаемся.

Ничего важного не случилось во время бури. В этом мы с Питом были правы. Но, похоже, в остальном - нет. Площадь была изменена. Огромный плакат с гербом Панема свисает с крыши Дома Правосудия. Миротворцы в своих первозданно белых униформах несут вахту на чистых булыжниках. Несколько стоят вдоль крыш с автоматами. Но наиболее пугающее изменение - линия новых сооружений, находящаяся в центре площади: официальный помост для порки, несколько острогов и виселиц.

- Тред - быстрый работник, - произносит Хеймитч.

Через несколько улиц, я вижу, полыхает пожар. Никто из нас не может произнести ни слова. Дым может идти только от Котла. Я думаю о Сальной Сэй, Риппер, всех моих друзьях, которые выживали благодаря этому месту.

- Хеймитч, ты не думаешь, что они все еще были в... - Я не могу закончить предложение.

- Нет. Они умнее этого. И ты бы была, если бы провела там столько времени, - говорит он. - Ладно, я лучше пойду, узнаю, сколько спирта припас аптекарь.

Он плетется через площадь, а я смотрю на Пита.

- Зачем ему это? - А затем я понимаю. - Мы не можем позволить ему пить это. Он убьет себя или, по крайней мере, ослепнет. У меня есть немного белого ликера, припрятанного дома.

- У меня тоже. Возможно, он продержится на этом, пока Риппер не придумает способ вернуться в дело, - говорит Пит. - Мне надо проверить свою семью.

- А мне надо увидеть Хейзелл. - Я волнуюсь. Я думала, она в мгновение ока окажется на нашем пороге, когда снег будет очищен. Но не было никакого признака ее прихода.

- Я схожу с тобой. Загляну в пекарню по пути домой, - говорит он.

- Спасибо. - Я внезапно очень боюсь того, что могу там обнаружить.

Улицы практически пустынные, что не было бы настолько необычно в это время дня, если бы люди были в шахтах, а дети - в школе. Но они не там. Я вижу лица, смотрящие на нас сквозь дверные проемы, через щели в занавесках.

Восстание, думаю я. Какая же я идиотка. В нашем плане есть огромный изъян, и мы с Гейлом были слишком слепы, чтобы заметить его. Восстание требует нарушения закона. Мы и наши семьи делали это всю свою жизнь. Незаконно охотились, торговали на черном рынке, высмеивали Капитолий в лесах. Но для большинства жителей Дистрикта 12 поход за покупками в Котел - нечто невероятно опасное. И я жду, что они соберутся на площади с кирпичами и факелами? Даже один наш с Питом вид заставил людей оттащить своих детей от окон и плотно задернуть занавески.

Мы находим Хейзелл у нее дома, ухаживающей за больной Позы. Я узнаю сыпь от кори.

- Я не могла оставить ее, - говорит она. - Я знала, что Гейл в самых лучших руках.

- Конечно, - отвечаю я. - Ему намного лучше. Мама говорит, что он вернется в шахты через несколько недель.

- Может и нет, если их не откроют, так или иначе, - произносит она. - Они закрыты до следующего приказа. - Она бросает взволнованный взгляд на свое пустое корыто.

- Вы тоже закрыты? - спрашиваю я.

- Официально нет, - отвечает она. - Но все боятся теперь пользоваться моими услугами.

- Может быть, это изза снега, - предполагает Пит.

- Нет, Рори быстро обошел сегодня всех. Стирать, очевидно, нечего, - говорит она.

Рори обертывает свои руки вокруг нее.

- Мы будем в порядке.

Я достаю горстку монет из своего кармана и кладу ее на стол.

- Мама вышлет чтонибудь для Позы.

Когда мы выходим на улицу, я поворачиваюсь к Питу.

- Ты возвращайся, Я хочу дойти до Котла.

- Я пойду с тобой, - говорит он.

- Нет, я и так втянула тебя в кучу неприятностей, - возражаю я.

- И избегая прогулки в Котел... я смогу все это исправить? - Он улыбается и берет мою руку. Вместе мы идем по улицам Шлака, пока не доходим до горящего здания. Они даже не потрудились поставить Миротворцев вокруг. Они знают, что никто не решится спасти его.

Жар от огня заставляет таять снег, лежащий рядом, и черная струйка натывается на мои ботинки.

- Это вся угольная пыль, оставшаяся с прошлых дней, - говорю я. Она была в каждой трещине и щели.

Удивительно, что это место не сгорело раньше. - Я хочу проверить Сальную Сэй.

- Не сегодня, Китнисс. Сомневаюсь, что мы поможем любому, заглянув к нему, - говорит Пит.

Мы возвращаемся на площадь. Я покупаю пару пирогов у отца Пита, пока они ведут светскую беседу о погоде. Никто не упоминает уродливые инструменты для пыток в ярдах от передней двери. Последнее, что я замечаю, когда мы покидаем площадь, то, что я не узнаю ни одного из Миротворцев.

С каждым днем дела идут все хуже. Шахты закрыты в течение двух недель, и в это время половина Дистрикта 12 голодает. Количество детей, подписавшихся на тессеры резко взлетает, но они часто не получают свое зерно. Начинается нехватки пищи, и даже люди с деньгами уходят из магазинов ни с чем. Когда шахты

вновь открывают, заработная плата снижена, часы работы увеличены, шахтеров направляют в очевидно опасные участки. В долгожданный Посылочный день прибывает протухшая и испорченная грызунами еда. Приспособления, установленные на площади, часто используются, поскольку людей наказывают за вещи, к которым они настолько привыкли, что просто забыли, что они незаконны.

Гейл отправляется домой. Мы больше не говорим о восстании. Но я не могу сдерживать мысли о том, что все, что он увидит, только усилит в нем желание сопротивляться. Ухудшения в шахтах, искалеченные тела на площади, голод его семьи. Рори подписался на тессеры, о чем Гейл не позволял даже заговаривать, но этого все равно не достаточно из-за частого отсутствия продовольствия и возрастающих цен на него.

Единственное светлое пятно в этом, то, что я заставляю Хеймитча нанять Хейзелл как домработницу, что приводит к небольшому увеличению количества денег для нее и большому увеличению качества жизни для Хеймитча. Это странно - входить в его дом и обнаруживать там чистоту и свежесть, приготовленную еду на плите. Он почти не замечает этого, потому что у него совсем другие проблемы. Мы с Питом пытались нормировать выдачу белого ликера, который у нас был, но он почти закончился.

Я чувствую себя теперь как отверженная, когда иду по улицам. Публично меня теперь все избегают. Но дома у меня нет нехватки компании. К нам постоянно поставляют покалеченных и больных, складывая их на кухне. Мама уже давно перестала взимать плату за свои услуги. Ее запасы обезболивающих настолько малы, что скоро все, чем она будет лечить людей, это снег.

Лес теперь, конечно, под запретом. Абсолютно. Без вопросов. Даже Гейл сейчас не решается бросить вызов.

Но както утром решаюсь я. И это даже ни дом, наполненный больными и умирающими с кровоточащими спинами, ни изможденные дети, с которыми я сталкиваюсь на улице, и ни вездесущее страдание заставляют меня пролазить под забором. Это прибытие однажды ночью посылки со свадебными платьями и запиской от Эффи, в которой говорится, что внутри те, которые одобрил сам президент Сноу.

Свадьба. Он действительно планирует довести это до конца? Что творится в его изворотливом уме? Чего он этим добивается? Это будет для удовольствия тех, кто живет в Капитолии? Обещали свадьбу, значит, свадьба будет. А потом он убьет нас? В качестве урока для дистриктов? Я не знаю. Я не вижу в этом смысла. Я ворочаюсь в постели до тех пор, пока не осознаю, что не могу больше выдержать. Я должна уйти отсюда. Хотя бы на несколько часов.

Мои руки роются в шкафу, пока я не нахожу зимнюю одежду, которую сделал мне Цинна для поездки в Тур Победителей. Водонепроницаемые ботинки, зимний комбинезон, скрывающий меня с головы до пят, и теплые перчатки. Я люблю свою старую охотничью экипировку, но для похода, который я наметила на сегодня, больше подходит эта одежда, сделанная на основе высоких технологий. Я на цыпочках спускаюсь вниз, загружаю мою сумку для дичи едой и выскальзываю из дома. Крадусь вдоль переулков и глухих закоулков, я подбираюсь к ближайшему слабому месту забора рядом с домом мясника Роба. Так как многие рабочие проходят здесь, чтобы добраться до шахт, снег рябит от следов. Мои не будут заметны. Со всеми его улучшениями безопасности Тред не обратил особого внимания на забор, вероятно, считая, что ужасной погоды и диких животных достаточно, чтобы держать всех в сохранности внутри. Даже несмотря на это, после того, как я подлажу под забором, я убираю свои следы, пока их не скрывают деревья.

Рассвет только на подходе, когда я беру лук и стрелы и начинаю пробираться сквозь сугробы в лес. Я полна решимости, по некоторым причинам, добраться до озера. Возможно, чтобы попрощаться с этим местом, с моим отцом и счастливыми временами, которые мы провели там, потому что понимаю, что, скорее всего, никогда не смогу вернуться туда. Возможно, только так я смогу снова дышать в полную грудь. Часть меня на самом деле не волнуется, поймут ли меня, если я смогу увидеть это еще раз.

Путешествие занимает больше времени, чем обычно. Одежда Цинны хорошо сохраняет тепло, и я вся обливаюсь потом под зимним комбинезоном, в то время как мое лицо закоченело. Яркий солнечный свет, отражающийся от снега, играет с моим зрением, и я настолько поглощена своими безнадежными мыслями, что не замечаю знаки. Струйка дыма из трубы, отпечатки следов, запах горящих сосновых игл. Я буквально в нескольких ярдах от входа в бетонный дом, когда я останавливаюсь. И не из-за дыма, отпечатков или запаха. А из-за щелчка оружия, который ни с чем нельзя спутать, позади меня.

Вторая натура. Инстинкт. Я поворачиваюсь, натягивая стрелу, хотя уже понимаю, что преимущество не на моей стороне. Я вижу белую униформу Миротворца, резкий подбородок, светлокоричневую радужную оболочку, в которой моя стрела найдет себе пристанище. Но оружие падает на землю, и теперь уже невооруженная женщина протягивает мне что-то на своей перчатке.

- Стой! - кричит она.

Я колеблюсь, не в состоянии понять данный поворот событий. Возможно, у них есть приказ оставить меня живой, но они могут мучить меня, обвиняя в преступлениях каждого человека, которого я когда-либо знала. Давай, удачи с этим, думаю я. Мои пальцы почти решают выпустить стрелу, когда я вижу то, что лежит на перчатке. Это маленький белый круглый хлеб. Скорее даже крекер, на самом деле. Серый и сырой по краям. Но изображение, расположенное в его центре, совершенно ясно.

Часть II

Подавление

Глава 10

Это моя сойкапересмешница.

В этом нет никакого смысла. Моя птица, запеченная в хлебе. В отличие от стильных исполнений, которые я видела в Капитолии, это определенно не дань моде.

- Что это? Что это значит? - спрашиваю я резко, все еще готовая убить.

- Это значит, что мы на твоей стороне, - говорит дрожащий голос позади меня.

Я не видела ее, когда пришла. Она, должно быть, была в доме. Я не отвожу взгляда от своей основной цели. Вероятно, вновь прибывшая вооружена, но, держу пари, она не рискнет позволить мне услышать щелчок, который будет означать, что моя смерть неизбежна, зная, что я мгновенно убью ее товарища.

- Подойди, чтобы я могла тебя видеть, - приказываю я.

- Она не может, она... - начинает женщина с крекером.

- Подойди! - кричу я. Шаг и волочащийся звук. Я могу слышать усилие, которого требует движение. Другая женщина, или, возможно, мне следует называть ее девушкой, так как она примерно моего возраста, появляется, хромая, в поле моего зрения. Она одета в неподходящий по размеру для ее маленькой фигурки костюм Миротворца с белым меховым плащом. Она не несет видимого оружия. Ее руки заняты опорой на костыль, сделанный из сломанной ветки. Носок ее правого ботинка скребет по снегу, отсюда и волочащийся звук.

Я рассматриваю яркокрасное от холода лицо девушки. У нее кривоватые зубы и большая родинка над одним из шоколаднокоричневых глаз. Она не Миротворец. И не житель Капитолия.

- Кто вы? - спрашиваю я осторожно, но не менее воинственно.

- Меня зовут Твил, - говорит женщина. Она постарше. Возможно, тридцать пять, или около того. - А это Бонни. Мы сбежали из Дистрикта 8.

Дистрикт 8! Тогда они должны знать о восстании!

- Где вы взяли униформы? - спрашиваю я.

- Я украла их с фабрики, - говорит Бонни. - Мы делаем их там. Только я думала, что они будут для... коекого другого. Поэтому они так плохо сидят.

- Оружие взяли у мертвого Миротворца, - говорит Твил, проследив за моим взглядом.

- А крекер в твоей руке? С птицей. Что насчет него? - спрашиваю я.

- Разве ты не знаешь, Китнисс? - Бонни кажется искренне удивленной.

Они узнали меня. Конечно, они узнали меня. Мое лицо открыто, и я стою здесь, за границами Дистрикта 12, направляя в них стрелу. Кто еще это может быть?

- Я знаю, что это соответствует броши, которую я носила на арене.

- Она не знает, - мягко говорит Бонни. - Возможно, ни о чем.

Внезапно я ощущаю потребность проявить свою осведомленность.

- Я знаю, что у вас было восстание в Восьмом.

- Да, именно поэтому мы должны были уйти, - говорит Твил.

- Так, у вас это получилось, и вы ушли. Что вы собираетесь делать теперь? - спрашиваю я.

- Мы направляемся в Тринадцатый Дистрикт, - отвечает Твил.

- Тринадцатый? - удивляюсь я. - Нет никакого Тринадцатого. Это старая карта.

- Семидесятипятилетняя, - говорит Твил.

Бонни перемещает свой костыль и вздрагивает.

- Что с твоей ногой? - спрашиваю я.

- Я подвернула лодыжку. Мои ботинки слишком большие, - отвечает она.

Я прикусываю губу. Моя интуиция подсказывает мне, что они говорят правду. И за этой правдой кроется много информации, которую я бы хотела получить. И все же я делаю шаг вперед и забираю оружие Твил, прежде чем опустить свое. Затем я мгновение колеблюсь, думая о том другом дне в лесу, когда мы с Гейлом наблюдали, как планолет появился из ниоткуда и забрал двух беглецов из Капитолия. В парня бросили копье и мгновенно убили. Рыжеволосую девушку, которую я узнала, когда была в

Капитолии, искалечили и превратили в немую служанку, называемую «безгласой».

- Ктонибудь идет за вами?

- Мы так не думаем. Мы думаем, что они считают, что мы были убиты во время взрыва на фабрике, - говорит Твил. - Только по счастливой случайности этого не произошло.

- Ладно, пойдемте внутрь, - произношу я, кивая в сторону бетонного дома. Я иду за ними, неся оружие.

Бонни садится прямо у очага, перед этим сняв и расстелив под собой плащ Миротворца. Она протягивает свои руки к слабому огоньку, который горит на одном конце обугленного полена. Ее кожа столь бледна, что кажется прозрачной, и я могу видеть, как огонь просвечивает сквозь нее. Твил пытается накинуть плащ, который, должно быть, ее собственный, на дрожащую девушку.

Оловянная консервная банка, наполовину обрезанная, с неровными и опасными краями стоит на золе, наполненная горсткой сосновых игл, плавающей в воде.

- Делаете чай? - спрашиваю я.

- На самом деле мы не уверены. Я помню, как видела, что кто-то делал это с сосновыми иглами на Голодных Играх несколько лет назад. По крайней мере, мне кажется, это были сосновые иглы, - говорит Твил, хмурясь.

Я помню Дистрикт 8, уродливое городское место, зловонное от промышленных паров, люди живут в захудалых арендованных квартирах. Ни травинки в поле зрения. Никакой возможности что-либо узнать о природе. Это просто чудо, что эти двое смогли пройти так далеко.

- И еды нет? - спрашиваю я.

Бонни кивает.

- Мы взяли, сколько могли, но ее было так мало. Она закончилась почти мгновенно. - От дрожи ее голоса рушится моя последняя защита. Она просто голодающая покалеченная девочка, убегающая от Капитолия.

- Ну, ладно, значит, сегодня ваш счастливый день, - говорю я, ставя сумку для дичи на пол. Люди по всему Дистрикту голодают, но у нас еды еще более чем достаточно. Так что, я раздаю ее потихоньку. У меня есть свои приоритеты: семья Гейла, Сальная Сэй, некоторые другие продавцы из Котла, который был закрыт. У моей мамы есть другие люди, в основном пациенты, которым она хочет помочь. Этим утром я специально до отказа набила сумку едой, чтобы мама, увидев то, как опустела кладовая, подумала, что я пошла навестить голодающих. Так я выигрывала время, чтобы сходить к озеру, пока она не будет волноваться. Я собиралась раздать пищу вечером, когда вернусь, но теперь я понимаю, что этого не случится.

Из сумки я достаю две свежие булочки со слоем сыра, запеченного сверху. Они есть у нас дома всегда с тех пор, как Пит узнал, что они мои любимые. Я бросаю одну Твил, но подхожу и кладу другую Бонни на колени, так как ее зрительная координация в настоящее время кажется слегка сомнительной, а я не хочу, чтобы еда угодила в огонь.

- О! - говорит Бонни. - Это все для меня?

Что-то во мне переворачивается, потому что я вспоминаю другой голос. Руты. На арене. Когда я дела ей ножку грусенка.

- В первый раз съела целую ножку. - Неверие постоянно голодающего человека.

- Да, ешь, - говорю я. Бонни держит булочку так, как будто до сих пор не может поверить, что она реальна, и затем раз за разом погружает в нее зубы, не способная остановиться. - Будет лучше, если ты прожужеешь ее. - Она кивает, пытаясь замедлиться, но я знаю, как это трудно, когда у тебя пустой желудок. - Думаю, ваш чай готов. - Я вытаскиваю консервную банку из золы. Твил находит в своей сумке две оловянные чашки, и я наливаю в них чай, ставя на пол охлаждаться. Они ютятся вместе, едят и дуют на чай, отпивая маленькими глотками, пока я развожу огонь. Я жду до тех пор, пока они не слижут жир со своих пальцев, чтобы спросить:

- Так какая у вас история?

И они рассказывают мне.

Начиная с Голодных Игр в Восьмом росло недовольство. Оно всегда в некоторой степени там было. Но теперь разговоры стало недостаточно, и идея принять меры перешла от желания в действие. На текстильных фабриках, обслуживающих Панем, невероятно шумно изза машин, что позволило словам благополучно и незаметно передаваться, когда губы фактически прикасались к уху. Твил преподавала в школе, а Бонни была одной из ее учениц. После того, как раздавался последний звонок, они обе проводили четырехчасовую смену на фабрике, специализирующейся на создании униформы Миротворцев. Для Бонни, которая работала на холодном приемном складе, потребовались месяцы, чтобы обеспечить две униформы: пара ботинок здесь, пара штанов там. Они предназначались для Твил и ее мужа, потому что было очевидно, что когда начнется восстание, крайне важно сообщить об этом за пределы Восьмого. Если оно распространится, то будет успешным.

День, когда мы с Питом прибыли к ним во время Тура Победителей, был фактически своего рода репетицией. Люди в толпе размещались согласно задуманному: рядом с теми зданиями, которые будут их целями, когда начнется восстание. В этом заключался план: захватить центры власти в городе, такие, как Дом Правосудия, Штаб Миротворцев и Коммуникационный Центр на площади. А также другие места в Дистрикте: железная дорога, зернохранилище, электростанция и склад оружия.

Ночь моей помолвки, ночь, когда Пит встал на одно колено и объявил о своей бессмертной любви ко мне на весь Панем, была ночью, когда началось восстание. Это было идеальным прикрытием. Наше интервью с Цезарем Фликерманом после Тура Победителей было обязательно к просмотру. Это дало людям из Дистрикта8 причину находиться на улицах после наступления темноты, собираясь или на площади, или в других местах города, в которых проводились культурнообщественные мероприятия, чтобы смотреть его. Обычно такие действия были бы слишком подозрительными. Вместо этого все были на своих местах к назначенному времени, восьми часам, когда маски были вынуты и весь ад сорвался с цепи.

Захваченные врасплох и разбитые одним только численным преимуществом, Миротворцы поначалу были побеждены толпой. Центр Коммуникации, зернохранилище и электростанция были взяты. Поскольку Миротворцы пали, их оружие перешло к мятежникам. Появилась надежда, что это не было актом безумия, что если бы они могли передать новости другим Дистриктам, свержение правительства в Капитолии было бы возможным.

Но затем все изменилось. Миротворцы начали прибывать тысячами. Планолеты бомбили мятежников, превращая их в пепел. В невероятном хаосе, последовавшем за всем этим, единственное, что могли сделать люди - это вернуться в свои дома живыми. Потребовалось менее сорока восьми часов, чтобы подчинить город. Тогда в течение недели была строгая изоляция. Никакой пищи, никакого угля, всем запрещено выходить из домов. Единственное, что все время показывалось по телевидению, - это повешенье на площади зачинщиков восстания. Однажды ночью, когда уже весь Дистрикт был на грани вымирания от голода, вышел приказ вернуться к обычным делам.

Это означало, что Твил и Бонни должны были идти в школу. Улица изза взорвавшихся бомб была труднопроходима, что заставило их опоздать на свою заводскую смену, таким образом, они все еще были на расстоянии в сто ярдов, [13] когда фабрика взорвалась, убив всех внутри, включая мужа Твил и всю семью Бонни.

- Ктото, должно быть, сообщил Капитолию, что идея восстания возникла там, - слабо произносит Твил.

Они обе побежали обратно, домой к Твил, где все еще ждали униформы Миротворцев. Они взяли с собой всю еду, какую смогли найти, и, скрываясь от соседей, которые теперь считали их погибшими, направились к железнодорожной станции. На складе около дороги они переоделись в костюмы Миротворцев и, замаскировавшись, залезли в вагон, заполненный тканью, поезда, который следовал в Дистрикт6. Они сбежали из него во время остановки на дозаправку и пошли пешком. Скрытые лесом, но пользующиеся дорожками для ориентации, они добрались до окраины Дистрикта12 два дня назад, где они были вынуждены остановиться, когда Бонни подвернула лодыжку.

- Я понимаю, почему вы бежите, но что вы ожидаете найти в Дистрикте13? - спрашиваю я.

Бонни и Твил обмениваются нервными взглядами.

- Мы точно не уверены, - произносит Твил.

- Там нет ничего, кроме развалин, - говорю я. - Мы все видели кадры.

- И только это. Они использовали эти кадры, все время, сколько Дистрикт8 себя помнит, - говорит Твил.

- Правда? - Я пытаюсь вспомнить все, что я видела по телевидению о Дистрикте13.

- Ты знаешь, что они всегда показывают Дом Правосудия? - продолжает Твил. Я киваю. Я видела это тысячи раз. - Если ты будешь смотреть очень внимательно, ты заметишь это. Вдалеке в правом верхнем углу.

- Замечу что? - спрашиваю я.

Твил снова протягивает свой крекер с птицей.

- Сойкупересмешницу. Только ее проблеск, потому что она летит. В одно и то же время, каждый раз.

- У себя дома мы решили, что они продолжают снова и снова ставить одни и те же кадры, потому что Капитолий не может показать то, что там теперь на самом деле, - говорит Бонни.

Я выдаю недоверчивое ворчание.

- Вы направляетесь в Дистрикт13, основываясь на этом? Проблеск птицы? Вы считаете, что найдете там какойто новый город с людьми, прогуливающимися по нему? И Капитолий ко всему этому благосклонен?

- Нет, - серьезно говорит Твил. - Мы считаем, что люди перешли под землю, когда все на поверхности было разрушено. Мы считаем, что им удалось выжить. И мы считаем, что Капитолий оставил их в покое, потому что до Темных Времен основным промыслом Дистрикта13 было ядерное развитие.

- Они добывали графит, - говорю я. Но затем сомневаюсь, потому что это информация, которую я получила от Капитолия.

- У них было несколько маленьких шахт, верно. Но этого недостаточно для города с таким количеством людей. Это, полагаю, единственная вещь, которую мы знаем наверняка, - говорит Твил.

Мое сердце бьется слишком быстро. Что, если они не ошибаются? Может это быть правдой? Вдруг есть место, куда можно сбежать, кроме лесов? Если в Дистрикте13 действительно есть люди, разве не лучше было бы пойти туда, где я могла бы быть в состоянии добиться чегото, вместо того, чтобы сидеть здесь и ждать смерти? Но тогда... Если есть люди в Тринадцатом, с мощным оружием...

- Тогда почему они не помогли нам? - говорю я сердито. - Если это правда, почему они оставляют нас жить так? С голодом, убийствами и Играми? - И внезапно я начинаю ненавидеть этот воображаемый подземный город Дистрикта13 и тех, кто сидит там, наблюдая, как мы умираем. Они ничем не лучше Капитолия.

- Мы не знаем, - говорит Бонни. - Сейчас мы просто хватаемся за надежду, что они существуют.

Это приводит меня в чувство. Они ошибаются. Дистрикта13 не существует, потому что Капитолий никогда не позволил бы ему существовать. Они, вероятно, ошибаются и насчет кадров. Сойкипересмешницы столь же редки, как и камни. И столь же прочны. Если они смогли пережить взрыв в Тринадцатом, им сейчас, вероятно, намного лучше, чем когдалибо до этого.

У Бонни нет дома. Ее семья мертва. Вернуться в Восьмой или перейти в другой Дистрикт нельзя. Конечно, идея о независимом, процветающем Дистрикте13 притягивает ее. Я не могу заставить себя сказать ей, что она преследует мечту столь же призрачную, как струйка дыма. Возможно, у них с Твил получится выжить в лесу. Я сомневаюсь в этом, но мне настолько их жалко, что я пытаюсь помочь.

Для начала я отдаю им всю еду, которая есть у меня в сумке: в основном зерно и высушенные бобы, но этого хватит, чтобы продержаться некоторое время, если они будут экономны. Затем я беру Твил в лес и пытаюсь научить ее основам охоты. У нее есть оружие, которое в случае необходимости может преобразовывать солнечную энергию в сильные смертоносные лучи, и это может происходить бесконечно. Когда ей удастся убить свою первую белку, та, бедняжка, фактически полностью обуглена, потому что получила прямой разряд по телу. Но я показываю, как содрать с нее шкуру и выпотрошить. Немного попрактиковавшись, она разберется. Я делаю новый костыль для Бонни. Возвращаясь в дом, я отдаю девушке запасные носки, веля ей засовывать их вперед своих ботинок, чтобы ходить, и надевать их на ноги по ночам. И, наконец, я объясняю им, как развести нормальный огонь.

Они просят меня рассказать о событиях в Дистрикте12, и я говорю им о жизни под руководством Треда. Я могу понять, что они считают, что это важная информация, которую они передадут управляющим Дистрикта13, и я подыгрываю, чтобы не разрушать их надежд. Но когда солнечный свет сигнализирует о том, что дело идет к вечеру, у меня больше нет времени потакать им.

- Теперь мне пора, - сообщаю я.

Они рассыпаются в благодарности и обнимают меня.

Слезы катятся из глаз Бонни.

- Я не могу поверить, что мы встретили тебя. Ты - это фактически все, о чем мы говорили, с тех пор как...

- Я знаю. Знаю. С тех пор как я вытащила ягоды, - говорю я устало.

Я едва обращаю внимание на свой путь домой, даже несмотря на то, что начинает падать мокрый снег. Мои мысли вращаются вокруг новой информации о восстании в Восьмом и маловероятной, но дразнящей ложными надеждами информации о существовании Дистрикта13.

Новости от Бонни и Твил подтвердили одно: президент Сноу дурачил меня. Все поцелуи и выражения

привязанности мира не могли удержать импульс, росший в Дистрикте8. Да, мои ягоды были искрой, но у меня не было никакого способа управлять огнем. И он, должно быть, знал это. Так зачем же он пришел ко мне домой, зачем велел убедить толпу в моей любви к Питу?

Это была очевидная уловка, чтобы отвлечь меня и не дать мне сделать что-нибудь еще, подстрекающее дистрикты. Ну, и развлечь людей в Капитолии, конечно. Полагаю, свадьба - просто необходимое продолжение этого.

Я приближаюсь к забору, когда сойкапересмешница, перепрыгивая с ветку на ветку, начинает петь мне. При виде ее, я понимаю, что так и не получила полного объяснения птицы на крекере и того, что все это значит.

- Это значит, что мы на твоей стороне.

Это то, что сказала Бонни. У меня есть люди на моей стороне? На какой моей стороне? Неужели я невольное лицо желанного восстания? Неужели сойкапересмешница на моей броши - символ сопротивления? Если так, быть на моей стороне не слишком здорово. Стоит просто посмотреть на то, что случилось в Восьмом, чтобы понять это.

Я прячу свое оружие в дупле самого близкого к моему дому в Шлаке дерева и достигаю забора. Я опускаюсь на одно колено, готовясь выйти на Луг, попрежнему полностью поглощенная мыслями о событиях сегодняшнего дня, когда внезапный крик совы приводит меня в чувства. В наступающих сумерках цепь забора выглядит столь же безобидно, как и обычно. Но то, что заставляет меня отдернуть свою руку, является звуком, который похож на звук дерева с находящимся на нем гнездом осубийц и который указывает на то, что забор заряжен электричеством.

Глава 11

Ноги автоматически несут меня обратно, и я смешиваюсь с деревьями. Я прикрываю рот перчаткой, чтобы разогнать белый пар от моего дыхания в ледяном воздухе. Всплеск адреналина в крови выкинул из моей головы все проблемы сегодняшнего дня, заставив сосредоточиться на непосредственной угрозе передо мной. Что происходит? Тред включил электричество в заборе просто в качестве дополнительной меры предосторожности? Или он как-то узнал, что я сбежала из его сети сегодня? Он намерен оставить меня за пределами Дистрикта12, пока не сможет схватить и арестовать меня? Вытащить меня на площадь, чтобы запереть в остроге, или выпороть, или повесить?

Успокойся, приказываю я себе. Можно подумать, меня впервые ловили за пределами дистрикта заряженным забором. Это случалось несколько раз за эти годы, но со мной всегда был Гейл. Мы просто выбрали бы удобное дерево, чтобы перекачаться на нем, пока власти не отключат напряжение, что они, в конечном счете, всегда и делали. Когда я задерживалась, у Прим даже вошло в привычку, бегать на Луг, проверять, не заряжен ли забор, чтобы избавить маму от беспокойства.

Но сегодня моя семья и представить не могла, что я буду в лесу. Я даже предприняла меры, чтобы ввести их в заблуждение. Конечно, если я не появлюсь, они будут волноваться. И часть меня тоже начинает волноваться, потому что я не уверена, что это просто совпадение: напряжение включается именно в тот день, когда я возвращаюсь в лес.

Я думала, что никто не видел, как я прокрадывалась под забором, но кто знает? Всегда могут быть люди, нанятые для слежки. Кто-то же сообщил о Гейле, целующем меня на этом месте. Но это было посреди дня и до того, как я стала вести себя более осторожно. Я задавалась этим вопросом и раньше. Как президент узнал о поцелуе? Когда я пролазила, было темно, и мое лицо было прикрыто шарфом. Но, вероятно, список подозреваемых, которые могут решиться выйти за границы в лес, довольно короткий.

Мои глаза внимательно смотрят сквозь деревья, мимо забора на Луг. Все, что я могу увидеть, - это мокрый снег, то тут, то там блестящий от света из окон на краю Шлака. Никаких Миротворцев в поле зрения, никаких признаков того, что за мной охотятся. Неважно, знает ли Тред, что я покидала дистрикт, или нет, план действий у меня все тот же: незаметно попасть за забор и сделать вид, что я никуда не уходила.

Любой контакт со звеньями цепи или спиралью колючей проволоки на вершине означает мгновенную смерть от электрического тока. Я сомневаюсь, что могу пронырнуть под забором, не рискуя быть обнаруженной, да и в любом случае земля сильно заморожена. Значит, остается только один выбор. Так или иначе, я оказываюсь перед необходимостью перепрыгнуть его.

Я иду вдоль линии леса в поисках дерева с высокими и достаточно длинными ветками, подходящего для моей затеи. После примерно мили [14] я наталкиваюсь на старый клен, который мог бы сойти. Но ствол слишком широкий и покрыт льдом, к тому же, нет никаких ветвей внизу. Я залажу на соседнее дерево и рискованно прыгаю на клен, почти что упуская гладкую кору. Но все же мне удается удержаться и медленно продвинуться до ветки, висящей над колючей проволокой.

Взглянув вниз, я вспоминаю, почему мы с Гейлом, всегда ждали в лесу, даже не пытаюсь заняться забором. Чтобы не быть зажаренным, вам нужно забраться достаточно высоко, значит, вы окажетесь, по меньшей мере, в двадцати футах над землей. Я полагаю, что моя ветвь - в двадцати пяти. [15] Столь высокий прыжок опасен даже для того, у кого были годы практики лазанья по деревьям. Но какой у меня выбор? Я могу поискать другую ветку, но теперь практически темно. Падающий снег затенит любой лунный свет. Здесь я хотя бы вижу, что внизу сугроб, способный смягчить мое приземление. Если бы я даже смогла найти другое, то, кто знает, во что я спрыгну? Я устраиваю свою сумку для дичи на шее и медленно опускаюсь, пока полностью не повисаю на руках. Мгновение я собираю всю свою храбрость. А затем разжимаю пальцы.

Ощущение от падения проявляется в сильном толчке, который проходит сквозь весь мой позвоночник. Через секунду я падаю спиной на землю. Я лежу в снегу, пытаюсь оценить размер причиненного ущерба. С уверенностью могу сказать, судя по боли, я повредила левую пятку и копчик. Единственный вопрос, насколько сильно. Я надеюсь, что это только ушибы. Но когда я поднимаюсь на ноги, я подозреваю, что что-то сломала. Тем не менее, идти я могу, так что, я начинаю движение, стараясь скрыть хромоту так хорошо, насколько могу.

Мама и Прим не должны узнать, что я была в лесу. Я обязана поработать над своим алиби, неважно каким. Некоторые магазины на площади еще открыты, так что, я захожу в один из них и покупаю белую ткань для бандажей. В любом случае наша кончается. В другом я беру пакетик конфет для Прим. Я засовываю один из леденцов себе в рот, ощущая, как мята тает на моем языке, и понимаю, что это первая вещь, которую я съела за весь день. Я хотела приготовить еду на озере, но когда я увидела состояние Твил и Бонни, казалось неправильным брать у них даже кусочек.

К тому времени, когда я добираюсь до дома, я вообще не чувствую свою левую пятку. Я решаю сказать маме, что пыталась исправить утечку в крыше нашего старого дома и соскользнула вниз. Что касается недостающей еды, я просто представляю себе, кому я ее раздала. Я тащу себя к двери, уже готовая расположиться перед камином. Но вместо этого я получаю еще один удар.

Два Миротворца, мужчина и женщина, стоят в дверном проеме нашей кухни. Женщина остается спокойной, но я улавливаю вспышку удивления на лице мужчины. Мое появление они не предвидели. Они знают, что я находилась в лесах и теперь должна быть поймана там в ловушку.

- Здравствуйте, - говорю я безучастным голосом.

Мама появляется позади них, но держится на расстоянии.

- А вот и она, как раз к ужину, - говорит мама, немного приукрашивая. Я сильно опоздала к ужину.

Я не снимаю свои ботинки, как делаю это обычно, потому что таким образом я продемонстрирую им свои раны. Вместо этого я просто откидываю свой мокрый капюшон и стряхиваю снег с волос.

- Чем могу помочь? - спрашиваю я Миротворцев.

- Глава Миротворцев Тред послал нас с сообщением для вас, - говорит женщина.

- Они ждали несколько часов, - добавляет мама.

Они ждали меня, ту, которая была не в состоянии вернуться. Чтобы убедиться, что я получила разряд тока от забора или что я в ловушке в лесу, и чтобы вызвать мою семью на допрос.

- Должно быть, важное сообщение, - произношу я.

- Можем мы спросить, где вы были, мисс Эвердин? - интересуется женщина.

- Проще спросить, где я не была, - говорю я, звуча раздраженной. Я направляюсь в кухню, вынужденная использовать свою ногу так же, как обычно, даже несмотря на то, что каждый шаг мучителен. Я успешно прохожу между Миротворцами и добираюсь до стола. Я бросаю свою сумку и поворачиваюсь к Прим, замершей у камина. Хеймитч и Пит тоже здесь, сидят в паре креселкачалок и играют в шахматы. Случайно они здесь оказались? Или были «приглашены» Миротворцами? В любом случае я рада видеть их.

- Так где же ты не была? - спрашивает Хеймитч скучающим голосом.

- Ну, я точно не разговаривала с Козоводом о том, чтобы сделать козу Прим беременной, потому что коекто дал мне совершенно неточную информацию о том, где он живет, - многозначительно говорю я Прим.

- Нет, неправда, - отвечает она. - Я сказала все точно.

- Ты сказала, что он живет около западного входа в шахты, - произношу я.

- У восточного, - исправляет меня Прим.

- Ты точно сказала, что у западного, я еще спросила: «Рядом с кучей мусора?». А ты сказала: «Да», - говорю я.

- Куча мусора рядом с восточным входом, - терпеливо отвечает Прим.

- Нет. Когда ты это говорила? - требую я.

- Вчера вечером, - вмешивается Хеймитч.

- Это определенно был восток, - добавляет Пит. Он смотрит на Хеймитча, и они смеются. Я впииваюсь взглядом в Пита, и он пытается выглядеть сокрушающимся. - Мне жаль, но это то, что говорил я. Ты не слушаешь, когда тебе говорят.

- Спорю, люди говорили тебе сегодня, что он там не живет, но ты опять не слушала, - произносит Хеймитч.

- Заткнись, Хеймитч, - отвечаю я, очевидно указывая на то, что он прав. Хеймитч и Пит попрежнему посмеиваются, и Прим позволяет себе улыбку. - Прекрасно. Пусть кто-нибудь другой договаривается насчет этой глупой козы, - говорю я. И это заставляет их смеяться еще больше. Вот зачем они оказались здесь, Хеймитч и Пит. Никто не вызывал их.

Я смотрю на Миротворцев. Мужчина улыбается, но женщина не убеждена.

- Что в сумке? - спрашивает она резко.

Я знаю, что она рассчитывает найти там дичь или дикие растения. Чтотонибудь, что совершенно точно признает меня виновной. Я вываливаю содержимое на стол.

- Смотрите сами.

- О, отлично, - говорит мама, исследуя ткань. - У нас кончаются бинты.

Пит подходит к столу и берет мешок конфет.

- Ух ты! Мятные, - произносит он, грызя леденец.

- Они мои! - Я тянусь к пакетику. Он кидает его Хеймитчу, который забрасывает горсть конфет к себе в рот, прежде чем передать мешочек хихикающей Прим. - Никто из вас не заслужил леденца! - говорю я.

- Почему? Потому что мы правы? - Пит обертывает руки вокруг меня. Я издаю небольшой визг от боли в копчике. Я пытаюсь превратить это в звук негодования, но могу видеть в его глазах, что он знает, что причинил мне боль. - Ладно, Прим сказала запад. Я отчетливо слышал запад. И все мы идиоты. Ну, как?

- Лучше, - говорю я, принимая его поцелуй. Потом я смотрю на Миротворцев, как будто внезапно вспоминаю, что они тут. - У вас, вроде, сообщение для меня?

- От Главы Миротворцев Треда, - говорит женщина. - Он хотел, чтобы вы знали, что по забору, окружающему Дистрикт 12, теперь пущен электрический ток, круглосуточно.

- А разве он не был там раньше? - спрашиваю я, слишком невинно.

- Он посчитал, что вы будете заинтересованы в передаче этой информации своему кузену, - говорит женщина.

- Спасибо. Я скажу ему. Уверена, Теперь, когда охрана исправила ошибку, мы будем спать намного крепче. - Я слишком напориста, я знаю это, но комментарий дает мне чувство удовлетворения.

Челюсть женщины напрягается. Ничего из того, что планировалось, не прошло, как надо, но у нее нет никаких дальнейших указаний. Она делает в мою сторону быстрый поклон и уходит, мужчина направляется вслед за ней. Когда мама закрывает за ними дверь, я опираюсь на стол.

- В чем дело? - спрашивает Пит, поддерживая меня.

- Я ушибла левую ногу. Пятку. И у моего копчика тоже был не лучший день. - Он подводит меня к одному из креселкачалок, и я усаживаюсь на мягкую подушку.

Мама снимает мои ботинки.

- Что произошло?

- Я поскользнулась и упала, - отвечаю я. Четыре пары глаз смотря на меня с недоверием. - На льду. - Все мы знаем, что дом наверняка прослушивается и небезопасно говорить прямо. Не здесь, не сейчас.

Сняв мой носок, мама пальцами исследует кости в моей левой пятке, и я вздрагиваю.

- Может быть перелом, - говорит мама. Она проверяет другую ногу. - Эта, кажется, в порядке. - Она предполагает, что копчик сильно ушиблен.

Прим отправляют за моей пижамой и халатом. После того, как я переодеваюсь, мама приносит для моей левой пятки пакет со снегом и кладет ее на подушку. Я съедаю три тарелки тушеного мяса и половину булки, в то время как остальные обедают за столом. Я смотрю на огонь, думая о Бонни и Твил, надеясь, что сильный мокрый снег скрыл мои следы.

Прим подходит и садится рядом со мной на полу, кладя голову мне на колени. Мы сосем мятные леденцы, пока я зачесываю ее белокурые мягкие волосы за уши.

- Как школа? - спрашиваю я.

- Все нормально. Мы изучали угольные отходы, - говорит она. Мы смотрим на огонь некоторое время. - Ты собираешься примерить свои свадебные платья?

- Не сегодня. Может быть, завтра, - отвечаю я.

- Подожди, пока я не вернусь домой, ладно? - просит она.

- Конечно. - Если меня сначала не арестуют.

Мама дает мне чашку ромашкового чая с дозой успокоительного сиропа, и мои веки начинают немедленно тяжелеть. Она забинтовывает мою поврежденную ногу, и Пит вызывается довести меня до кровати. Я встаю, опираясь на его плечо, но я так сильно шатаюсь, что он просто подхватывает меня и несет наверх. Он укрывает меня одеялом и желает спокойной ночи, но я ловлю его руку и удерживаю. Побочный эффект успокаивающего сиропа в том, что он делает людей менее сдерживающимися, как белый ликер, и я знаю, что должна контролировать свой язык. Но я не хочу, чтобы он уходил. На самом деле, я хочу, чтобы он лег со мной и был здесь, когда кошмары нападут на меня сегодня ночью. По некоторым причинам, которые я не могу сформулировать, я знаю, что не позволила бы себе попросить его об этом.

- Не уходи пока. Только, когда я засну, - говорю я.

Пит садится на краю кровати, грея мою руку в своих.

- Я почти решил, что ты передумала сегодня. Когда ты опоздала на обед.

Я чувствую себя будто в тумане, но все же могу предположить, что он имеет в виду. Заряженный забор, мое опоздание и Миротворцы, ожидающие меня... Он думал, что я сбежала, возможно, с Гейлом.

- Нет, я сказала бы тебе, - говорю я. Я тяну к себе его руку и прислоняю ее внешнюю сторону к своей щеке, улавливая слабый аромат корицы и укропа от хлеба, который он, должно быть, пек сегодня. Я хочу рассказать ему о Твил и Бонни, восстании и воображаемом Тринадцатом, но это не безопасно, к тому же, я чувствую, что засыпаю, так что, я только выдаю еще одно предложение:

- Останься со мной.

Пока успокаивающий сироп затягивает меня, я слышу его шепот в ответ, но не разбираю его.

Мама позволяет мне спать до полудня, а затем будит, чтобы осмотреть пятку. Мне назначают неделю постельного режима, я не возражаю, потому что чувствую себя довольно паршиво. Болит не только пятка, но и копчик. Все тело ноет от усталости. Так что, я позволяю своему доктору, то есть маме, покормить меня прямо в постели и накрыть еще одним стеганным одеялом. И затем я просто лежу, глядя в окно на зимнее небо, размышляя, как же все будет дальше. Я много думаю о Твил и Бонни, о куче белых подвенечных платьев внизу. И о том, что Тред выяснит, как я вернулась обратно, и арестует меня. Это смешно, потому что он мог бы арестовать меня, так или иначе, основываясь на прошлых преступлениях, но, возможно, ему нужно действительно что-то неопровержимое, чтобы сделать это теперь, когда я являюсь победителем. И мне интересно, контактирует ли президент Сноу с Тредом. Я думаю, что маловероятно, что он когда-либо знал Крэя, но теперь, когда я такая общенародная проблема, инструктирует ли он Треда, что делать? Или Тред действует самостоятельно? Так или иначе, я уверена, что они оба сошлись бы во мнениях о том, что меня нужно запереть здесь, внутри дистрикта этим забором. Даже если бы я смогла найти какой-нибудь способ, как выбраться, закинуть, например, на ту ветку веревку, теперь нет никакой возможности сбежать с моей семьей и друзьями. В любом случае, я сказала Гейлу, что останусь и буду бороться.

В течение нескольких следующих дней я подсказываю каждый раз, когда раздается стук в дверь. Тем не менее, никакие Миротворцы не приходят, чтобы арестовать меня, так что, я начинаю расслабляться. Я еще больше убеждаюсь в этом, когда Пит говорит мне между делом, что питание забора отключено, потому что Миротворцы протягивают цепи до земли. Тред, видимо, решил, что я, так или иначе, пробралась под забором, несмотря на смертельный поток, бегущий по нему. Это перерыв для дистрикта: Миротворцы заняты чем-то еще, кроме издевательств над людьми.

Пит приходит каждый день, чтобы принести мне булочки с сыром, и начинает помогать мне работать над семейной книгой. Это старая вещь, сделанная из пергамента и кожи. Какой-то наш родственник с маминой стороны, торговец травами, начал ее давным-давно. На каждой странице в книге чернильные рисунки растений и описания их использования. Мой отец добавил раздел по описанию съедобных растений, который был моим путеводителем для поддержания нас живыми после его смерти. В течение долгого времени я собиралась внести туда свои собственные знания по этому поводу. Вещи, которые я узнала опытным путем или от Гейла, а потом и информацию, которую я получила во время подготовки к Играм. Я не делала этого потому, что я не художник, а крайне важно, чтобы рисунки были точны в каждой детали. Вот, для чего нужен Пит. Одни растения он уже

знает, другие я показываю ему в виде высушенных образцов, а третьи описываю словами. Он делает эскизы на черновиках, пока я не становлюсь совершенно уверена, что они правильны. Тогда я позволяю ему перенести их в книгу. А потом я аккуратно вписываю все, что знаю о растении.

Это спокойная, затягивающая работа, которая помогает отвлечься от моих проблем. Мне нравится смотреть на его руки, пока он работает, наполняя пустую страницу цветными штрихами чернил, внося яркость в нашу в основном черножелтую книгу. У него появляется особенный взгляд, когда он сосредотачивается. Его обычно простое выражение лица сменяется более напряженным и отстраненным, которое предполагает то, что целый мир скрыт у него внутри. Я видела вспышки этого и раньше: на арене, или когда он говорил с толпой, или отпихивал от меня оружие Миротворцев в Дистрикте 11. Я не знаю, чего достаточно, чтобы сделать его таким. Я также останавливаю свой взгляд на его ресницах, которые обычно фактически незаметны, настолько они светлые. Но вблизи, в солнечном свете, струящемся из окна, они отливают золотым. Такие длинные, что я удивляюсь, как они не спутываются, когда он моргает.

Както вечером Пит прекращает заштриховывать цветок и поднимает взгляд так внезапно, что я ощущаю себя пойманной на шпионаже, чем, в какойто степени, я, вероятно, и занимаюсь. Но он просто говорит:

- Знаешь, мне кажется, это первый раз, когда мы делаем чтото нормальное вместе.

- Да уж, - соглашаюсь я. Все наши отношения были испорчены Играмми. «Нормальность» никогда не была их частью. - Неплохо для разнообразия.

Каждый день он относит меня вниз, чтобы сменить обстановку, и я всех расстраиваю, включая телевизор. Обычно мы смотрим только то, что является обязательным к просмотру, потому что смесь пропаганды и проявления власти Капитолия, включающая в себя нарезки из Голодных Игр, прошедших за семьдесят четыре года, слишком отвратительна. Но теперь я ищу коечто особенное. Сойкупересмешницу, на которой основываются все надежды Твил и Бонни. Я думаю, что это, вероятно, глупость, но даже если так, я хочу убедиться в этом. И навсегда стереть идею о процветающем Дистрикте 13 из своего ума.

Впервые я обнаруживаю это, когда показывают новостную историю о Темных Временах. Я вижу тлеющие развалины Дома Правосудия в Дистрикте 13 и улавливаю лишь чернобелый краешек крыла сойкипересмешницы, пролетающей в правом верхнем углу. На самом деле это ничего не доказывает. Это просто старые кадры, которые сопровождают старый рассказ.

Однако, несколько дней спустя, коечто другое привлекает мое внимание. Главный диктор читает статью о нехватке графита, затрагивающем производство в Дистрикте 3. Они переходят к тому, что должно было бы быть прямой трансляцией с женщинойрепортером, одетой в защитный костюм и стоящей перед руинами Дома Правосудия Дистрикта 13. Сквозь свою маску она сообщает, что, к сожалению, исследователи как раз сегодня сделали вывод, что шахты Тринадцатого все еще слишком ядовиты, чтобы к ним приближаться. Конец истории. Но непосредственно перед тем, как они возвращаются к главному диктору, я вижу ясный проблеск все того же крыла сойкипересмешницы.

Репортерша была просто вставлена в старые кадры. Ее вообще не было в Дистрикте 13. Сам собой напрашивается вопрос: Для чего?

Глава 12

После этого просто лежать в кровати стало труднее. Мне хотелось сделать чтонибудь, чтобы узнать побольше о Дистрикте 13 или помочь в свержении Капитолия. Вместо этого я сижу дома без дела, поедая булочки с сыром и наблюдая за рисованием Пита. Хеймитч иногда заходит, чтобы передать мне новости из города, всегда плохие. Увеличение числа наказываемых или умирающих от голода.

Зима пошла на спад, когда мою ногу сочли годной к употреблению. Мама показала мне упражнения, которые я должна делать, и разрешила мне немного ходить самостоятельно. Както ночью я засыпаю, настроенная отправиться следующим утром в город, но, просыпаясь, нахожу Вению, Октивию и Флавия, ухмыляющихся мне.

- Сюрприз! - визжат они. - Мы здесь пораньше.

После того, как я взяла на себя тот удар плетью, попавший мне по лицу, Хеймитч добился, чтобы их приезд перенесли на несколько месяцев, пока рана могла зажить. Я не ждала их в течение еще трех недель. Но я пытаюсь делать вид, будто радуюсь, что моя свадебная фотосессия наконецто состоится. Мама развесила все

платья, так что, они готовы, но, честно говоря, я даже не примерила их.

После обычных театральные возмущений ухудшением моей красоты они приступают непосредственно к делу. Больше всего их беспокоит мое лицо, хотя, думаю, мама выполнила потрясающую работу по излечению его. На моей щеке только длинная розовая полоса. Порка не общеизвестный факт, поэтому я говорю им, что поскользнулась на льду и порезалась. И только потом понимаю, что это то же оправдание, которое я применяю, говоря о больной ноге, делающая ходьбу на высоких каблуках проблемой. Но Флавий, Октавия и Вения не подозрительные личности, так что, здесь я в безопасности.

Так как я буду оголенной всего несколько часов, а не несколько недель, я добиваюсь, чтобы меня побрили, а не убрали волосы воском. Я все еще должна пропитываться чемто в ванной, но это не нечто отвратительное, и мы переходим к моим волосам и косметике прежде, чем я осознаю это. Команда, как всегда, полна новостей, от которых я обычно стараюсь отключаться. Но Октавия выдает комментарий, который привлекает мое внимание. Это мимолетное замечание о том, как она не могла достать криветки для вечеринки, но это цепляет меня.

- Почему ты не могла достать криветки? Не сезон? - спрашиваю я.

- О, Китнисс, мы не могли получить никаких морепродуктов в течение многих недель! - говорит Октавия. - Ты знаешь, потому что погода в Дистрикте4 была столь плоха.

Моя голова начинает гудеть. Никаких морепродуктов. В течение многих недель. Из Дистрикта4. Скрытый гнев в толпе во время Тура Победителей. И вот я абсолютно уверена, что в Дистрикте4 было восстание.

Я начинаю между делом расспрашивать их, какие еще затруднения были этой зимой. Их не нужно уговаривать, поэтому любое небольшое подталкивание действует на них. К тому времени, как я одета, их жалобы о трудности получения различных продуктов - от крабового мяса до музыкальных микросхем и ленточек - дают мне информацию о том, какие дистрикты, на самом деле, могли восстать. Морепродукты из Четвертого. Электронные устройства из Третьего. И, конечно, ткани из Восьмого. От мысли о таком масштабе восстаний я начинаю дрожать изза страха и волнения.

Я хочу по расспрашивать их еще, но появляется Цинна, обнимает меня и проверяет косметику. Все его внимание направлено на шрам на моей щеке. Так или иначе, я сомневаюсь, что он поверил в историю про «поскользнулась на льду», но он не спрашивает об этом. Он просто втирает мне в лицо порошок, и то, что можно было увидеть на щеке после удара плетью, исчезает.

Внизу гостиная очищена и освещена для фотосъемок. У Эффи отличное время для командования всеми вокруг, придерживаясь графика. Это, вероятно, хорошо, потому что здесь шесть платьев и каждое требует своего головного убора, туфель, драгоценностей, прически, косметики, декораций и освещения. Сливочные кружева и розовые розы в локонах. Атлас цвета слоновой кости, золотые татуировки. Алмазная обшивка платья, фата с драгоценными камнями и лунный свет. Тяжелый белый шелк, рукава, ниспадающие от моего запястья до пола, и жемчуг. Как только одна сессия одобрена, мы сразу же переходим к следующей. Я чувствую себя словно тесто, которое месят и придают новую форму снова и снова. Маме удается кормить меня кусочками пищи и поить глотками чая, пока они работают со мной, но к тому времени, как съемка закончена, я голодная и изможденная. Теперь я надеюсь провести немного времени с Цинной, но Эффи подталкивает всех к двери, и мне приходится довольствоваться обещанием телефонного звонка.

Наступает вечер, и моя нога болит изза всех этих сумасшедших туфель, таким образом, я оставляю любые мысли о выходе в город. Вместо этого я иду вверх по лестнице смывать все эти слои косметики, кондиционеров и красок, а затем спускаюсь сушить волосы у камина. Прим, которая пришла из школы как раз вовремя, чтобы увидеть два последних платья, обсуждает их с мамой. Они обе кажутся чрезвычайно довольными фотосессией. Когда я падаю на кровать, я понимаю, что это оттого, что они думают, это означает, что я в безопасности. Что Капитолий закрыл глаза на мое вмешательство в порку, потому что, так или иначе, никто не пойдет на такие расходы для того, кого они планируют убить. Правильно.

В моем ночном кошмаре я одета в шелковое свадебное платье, но оно порвано и в грязи. Длинные рукава цепляются за шипы и ветки, потому что я бегу через лес. Стая трибутовпереродков становятся все ближе и ближе, пока не догоняют меня со своими горячим дыханием и клыками, с которых течет слюна. Я бужу себя своим собственным криком.

Рассвет слишком близко, чтобы пытаться снова заснуть. Кроме того, сегодня я действительно должна выйти и с кемнибудь поговорить. Гейл будет недостижим в шахтах. Но мне необходим Хеймитч или Пит, чтобы разделить с ними груз всего, что свалилось на меня, когда я ходила к озеру. Беглые преступники, забор, с направляющимся по нему электричеством, независимый Дистрикт13, дефицит в Капитолии. Все.

Я завтракаю вместе с мамой и Прим и достигаю поворотного момента в выборе доверенного лица. Воздух

теплый, с обнадеживающими признаками весны в нем. Весна была бы отличным временем для восстания, думаю я. Все чувствуют себя менее уязвимыми, когда зима проходит. Пита нет дома. Я предполагаю, что он уже ушел в город. Я удивлена, когда вижу, что Хеймитч ходит по своей кухне в столь ранний час. Я вхожу в его дом без стука и могу слышать, как Хейзелл наверху подметает полы теперь безупречного дома. Хеймитч не мертвецки пьян, но все же выглядит несколько неустойчивым. Я полагаю, что слухи о Риппер, вернувшейся в дело, верны. Я думаю, что лучше отправлю его спать, когда он предлагает прогуляться до города.

Мы с Хеймитчем теперь можем общаться при помощи своего рода стенографии. За несколько минут я рассказываю ему все свежие новости, а он говорит мне о слухах о восстании в Седьмом и Одиннадцатом. Если мои догадки верны, то это означает, что как минимум половина дистриктов хотя бы попытались бунтовать.

- Ты все еще считаешь, что тут это не сработает? - спрашиваю я.

- Да, все еще. Те, другие дистрикты, они намного больше. Даже если половина людей попрячется в своих домах, у мятежников есть шанс. Здесь, в Двенадцатом, это должны быть или все мы, или никто из нас, - говорит он.

Я не думала об этом. Как мы восполним численный недостаток?

- Но, возможно, есть что-то... - настаиваю я.

- Возможно. Но нас мало, мы слабые, и мы не разрабатываем ядерное оружие, - говорит Хеймитч с легким сарказмом. Он не слишком обеспокоился из-за моей истории про Дистрикт 13.

- Как ты думаешь, Хеймитч, что они сделают? С дистриктами, которые восстают? - спрашиваю я.

- Ну, ты же слышала, что они сделали с Восьмым. Ты видишь, что они сделали здесь, и это даже без провокаций, - говорит Хеймитч. - Если бы вещи действительно вышли бы изпод контроля, думаю, у них не было бы никаких проблем с уничтожением дистрикта, так же, как они сделали это с Тринадцатым. Тебе нужны еще примеры?

- То есть ты считаешь, что Дистрикт 13 действительно был разрушен? Я имею в виду, Бонни и Твил были правы насчет кадров с сойкой пересмешницей, - говорю я.

- Хорошо. И что это доказывает? Ничего, на самом деле. Есть множество причин, по которым они могут использовать старые кадры. Вероятно, тогда это выглядело более внушительным. К тому же, это намного проще, не так ли? Нажать пару кнопок в комнате для монтажа, чем специально лететь туда и снимать это, - произносит он. - Идея о том, что Тринадцатый как-то откололся, и Капитолий игнорирует это? Это звучит, как слух, за который хватаются отчаявшиеся.

- Я знаю, я просто надеялась, - говорю я.

- Именно. Потому что ты отчаявшаяся, - отвечает Хеймитч.

Я не спорю, поскольку он, конечно же, прав.

Прим приходит домой из школы, переполненная возбуждением. Учителя объявили, что сегодня вечером будет обязательный просмотр.

- Думаю, они собираются показать твою фотосессию.

- Это невозможно, Прим. Они только вчера сделали кадры, - говорю я ей.

- Ну, кто-то слышал это, - произносит она.

Я надеюсь, что она права. У меня не было времени подготовить Гейла ни к чему из этого. После порки я вижу его только, когда он заходит к моей маме, чтобы та проверила, как он выздоравливает. Он часто работает семь дней в неделю в шахтах. За несколько минут личного общения, которые у нас были, когда я провожала его назад в город, я делаю вывод, что призывы к восстанию в Двенадцатом были подавлены Тредом. Он знает, что я не собираюсь бежать. Но он также должен знать, что если мы не восстанем здесь, то мне суждено стать невестой Пита. Увидев меня в роскошных платьях на экране... что он может с этим сделать?

Когда мы собираемся около телевизора в семь тридцать, я выясняю, что Прим была права. Конечно же, здесь Цезарь Фликерман, говорящий все в том же месте, стоя перед толпой около Тренировочного центра, где мы рассказали этой толпе о нашей предстоящей свадьбе. Он приглашает Цинну, который стал восходящей звездой благодаря своим костюмам для меня на Играх, и после минуты их добродушной болтовни, они обращают наше внимание к гигантскому экрану.

Теперь я вижу, как они могли снять меня только вчера и получить специальный выпуск сегодня. Изначально Цинна сделал эскизы двух дюжин свадебных платьев. Потом был процесс сужения проектов, создания самих платьев и выбор аксессуаров. Очевидно, в Капитолии сделали возможность голосования за наиболее понравившиеся на каждой стадии. И кульминация - фотосессия со мной в последних шести платьях, которые, я уверена, были некоторое время выставлены на показ. Каждый кадр встречается невероятной реакцией толпы.

Народ, выкрикивающий приветствия своим любимым платьям, засвистывает те, которые ему не нравятся. Проголосовав и, вероятно, сделав ставки на платья, люди очень потратились на мою свадебную одежду. Странно видеть это, когда понимаешь, что даже не потрудились примерить ничего из этого до того, как прибыли камеры. Цезарь сообщает, что заинтересованные стороны должны отдать свои заключительные голоса до завтрашнего полудня.

- Давайте отправим Китнисс Эвердин на ее свадьбу стильно одетой! - кричит он толпе. Я собираюсь выключить телевизор, когда Цезарь говорит нам оставаться настроенными для другого грандиозного события сегодняшнего вечера. - Именно! Этот год будет семьдесят пятой годовщиной Голодных Игр, и это значит, что настало время нашего третьего Двадцатипятилетия Подавления.

- Что они делают? - спрашивает Прим. - До этого же еще несколько месяцев.

Мы поворачиваемся к маме, выражение лица которой является серьезным и далеким, как будто она пытается вспомнить что-то.

- Это, должно быть, чтение карты.

Играет гимн и мое горло напрягается от отвращения, потому что на сцену выходит президент Сноу. Его сопровождает маленький мальчик, одетый в белый костюм, держащий простую деревянную коробку. Гимн кончается, и президент Сноу начинает говорить, напоминая нам всем о Темных Днях, после которых родились Голодные Игры. Когда были изложены правила Голодных Игр, в них говорилось, что каждую четверть века будут отмечать Двадцатипятилетие Подавления. Это должна быть прославленная версия Игр, которая бы освежила нашу память об убитых из-за восстания дистриктов.

Эти слова как нельзя кстати, потому что, как я подозреваю, некоторые дистрикты восстают прямо сейчас.

Президент Сноу продолжает рассказывать нам, что происходило на предыдущих Двадцатипятилетиях Подавления.

- На двадцать пятую годовщину, предназначенной напомнить мятежника, что их дети умирают из-за их выбора начать насилие, каждому дистрикту было приказано выбрать кандидатов и проголосовать за трибутов, которые представят его.

Интересно, что они чувствовали, выбирая детей, которые должны были пойти. Гораздо хуже, думаю, быть выбранным своими соседями, чем когда твое имя достают из шара Жатвы.

- На пятидесятой годовщине, - продолжает президент, - как напоминание о том, что по два мятежника умерли на каждого жителя Капитолия, все дистрикты были обязаны послать в два раза больше трибутов.

Я представляю, как это - оказаться перед сорока семью, а не двадцати тремя. Меньше шансов, меньше надежды, и, в конечном счете, больше мертвых детей. Это был тот год, когда выиграл Хеймитч.

- У меня была подруга, которая пошла в тот год, - говорит мама спокойно. - Мейсли Доннер. Ее родителям принадлежала кондитерская. Они отдали мне ее птицу потом. Канарейку.

Я и Прим переглядываемся. Мы впервые слышим о Мейсли Доннер. Может, потому что мама знала, что мы захотим выяснить, как она умерла.

- И теперь мы чествуем третье Двадцатипятилетие Подавления, - говорит президент. Маленький мальчик в белом делает шаг вперед, протягивая коробку, пока открывает крышку. Мы можем видеть аккуратные ряды пожелтевших конвертов. Кто бы ни разрабатывал систему Двадцатипятилетия Подавления, он все продумал наперед, на многие столетия Голодных Игр. Президент выбирает конверт с четко обозначенной цифрой семьдесят пять. Он просовывает свои пальцы под откидной створкой и вытаскивает маленький квадратик бумаги. Без колебания он читает: - На семьдесят пятую годовщину, как напоминание о том, что даже самые сильные среди них не могут преодолеть власть Капитолия, мужского и женского трибута будут выбирать из уже существующего фонда победителей.

Мама издает слабый вскрик, а Прим прячет лицо в ладонях, но я ощущаю себя так же, как и люди, которых я вижу в толпе по телевидению. Немного озадаченной. Что это значит? Существует фонд победителей?

И тогда я понимаю, что все это означает. По крайней мере для меня. У Дистрикта 12 только трое победителей, из которых можно выбрать. Двое мужчин. Одна женщина...

Я возвращаюсь на арену.

Мое тело реагирует прежде, чем мой разум, я бегу через дверь и лужайки Деревни Победителей в темноту улицы. Носки промокают от влажной земли, и я ощущаю острые укусы холодного ветра. Куда? Куда пойти? В лес, конечно. Я оказываюсь у забора прежде, чем жужжание напоминает мне, что я ловушке. Я двигаюсь в обратном направлении, тяжело дыша, опираясь на больную пятку и вновь поднимая ее.

Следующее, что я осознаю, это то, что я стою на руках и коленях в подвале одного из пустых домов в Деревне Победителей. Слабый свет от луны проходит через окошки над моей головой. Я замерзшая, промокшая и обветренная, моя попытка бегства не сделала ничего, чтобы подавить истерику, поднимающуюся во мне. Она утопит меня, если я ее не выпущу. Я беру в рот край своей рубашки и начинаю кричать. Как долго это продолжается, я не знаю. Но когда я заканчиваю, мой голос почти пропал.

Я сворачиваюсь на боку и смотрю на участки лунного света на бетонном полу. Назад на арену. Назад в место кошмаров. Это то, куда я иду. Надо признать, этого я не ожидала. Я представляла множество других вещей. Думала, что буду публично унижена, подвергнута пыткам или казнена.

Побег в леса, преследование Миротворцев и планолетов. Брак с Питом, и наши дети, вызванные на арену. Но никогда я не думала, что снова буду участником Игр. Почему? Не было никаких прецедентов до этого момента. Победители до конца своей жизни не участвуют в Жатве. Это часть награды за победу. Так было до сих пор.

Здесь есть какое-то защитное покрытие, которое подкладывают, когда красят. Я натягиваю его как одеяло. Вдалеке кто-то выкрикивает мое имя. Но в этот момент я освобождаю себя даже от мыслей о тех, кого люблю больше всех на свете. Я думаю только о себе. И о том, что со мной будет.

Защитное покрытие жесткое, но греет. Мои мышцы расслабляются, биение сердце замедляется. Я вижу деревянную коробку в руках маленького мальчика, президента Сноу, вытягивающего пожелтевший конверт. Правда ли это Двадцатипятилетие Подавления было спланировано семьдесят пять лет назад? Это кажется маловероятным. Это слишком удобный способ для Капитолия решить их проблемы. Избавиться от меня и подчинить дистрикты. Все в одном маленьком аккуратном конвертике.

Я слышу голос президента Сноу в своей голове:

- На семьдесят пятой годовщине, как напоминание о том, что даже самые сильные среди них не могут преодолеть власть Капитолия, мужского и женского трибута будут выбирать из уже существующего фонда победителей.

Да, победители у нас самые сильные. Они те, кто пережил арену и выскользнул из петли бедности, которая душист остальную нашу часть. Они (или мне следует говорить мы?) воплощение надежды там, где нет никакой надежды. И теперь двадцать три из нас будут убиты, чтобы показать, что надежда была всего лишь иллюзией.

Я рада, что выиграла только в прошлом году, иначе я бы знала всех победителей. Не только потому, что я вижу их по телевизору, но и потому, что они гости на каждых Играх. Даже если они не менторы, как Хеймитч каждый раз, большинство возвращается в Капитолий из года в год ради этого события. Полагаю, многие из них друзья. У меня будет только один друг, из-за убийства которого я должна переживать: Пит или Хеймитч. Пит или Хеймитч!

Я бегу по подвалу в поисках выхода. Как же я попала сюда? Я поднимаюсь по ступенькам на кухню и вижу, что стеклянное окошко в двери разбито. Должно быть поэтому моя рука, кажется, кровоточит. Я спешу назад, в ночь, и направляюсь напрямик в дом Хеймитча. Он сидит один за кухонным столом с полупустой бутылкой белого ликера в одной руке и ножом в другой. Пьяный как свинья.

- Ах, а вот и она. Вся в изнеможении. Наконец-то сложила два и два, солнышко? Поняла, что пойдешь туда не одна? И теперь ты здесь, чтобы попросить меня... о чем? - говорит он.

Я не отвечаю. Окно распахнуто настежь, и ветер пробирает меня до костей так же, как если бы я была на улице.

- Надо признать, для парня это было проще. Он был здесь даже прежде, чем я смог распечатать бутылку. Просил меня о еще одной возможности пойти. Но что можешь сказать ты? - Он подражает моему голосу: - Займи его место, Хеймитч, потому что при прочих равных условиях я бы предпочла, чтобы у него вся оставшаяся жизнь была сломана, а не у тебя.

Я прикусываю губу, потому что после того, как он сказал это, я боюсь, что действительно этого хочу. Хочу, чтобы Пит жил, даже если это означает смерть Хеймитча. Нет, это не так. Он, конечно, ужасен, но Хеймитч теперь - часть моей семьи.

Для чего я пришла? Думаю я. Что я могу хотеть здесь?

- Я пришла, чтобы выпить.

Хеймитч смеется и хлопает бутылкой по столу передо мной. Я вытираю своим рукавом горлышко и делаю

пару больших глотков, прежде чем начинаю задыхаться. Мне требуется несколько минут, чтобы прийти в себя, и даже потом из моих глаз и носа все еще течет. Но внутри меня ликер ощущается как огонь, и мне нравится это.

- Возможно, это должен быть ты, - говорю я с легкостью, притягивая стул. - В любом случае ты ненавидишь жизнь.

- Совершенно верно, - соглашается он. - И так как в последний раз я попытался поддержать тебя... Кажется, на сей раз я должен спасти парня.

- Это еще одна хорошая причина, - говорю я, вытирая свой нос и прикладываясь к бутылке снова.

- Аргумент Пита состоял в том, что раз я выбрал тебя тогда, то теперь должен ему. Все, что он захочет. И все, что он хочет - это возможность пойти туда снова, чтобы защищать тебя.

Я знала это. Таким образом, Пит не так уж непредсказуем. Пока я валялась на полу того подвала, думая только о себе, он был здесь, думая только обо мне. Стыд недостаточно сильное слово для названия того, что я чувствую.

- Знаешь, ты могла бы прожить сотню жизней и все равно не заслужить его, - говорит Хеймитч.

- Дада, - резко отвечаю я. - Без вопросов, он лучший в нашем трио. Так что ты собираешься делать?

- Я не знаю, - вздыхает Хеймитч. - Вернусь с тобой туда, вероятно, если смогу. Если мое имя вытянут при Жатве, это не будет иметь значения. Он просто добровольно предложит занять мое место.

Мы сидим некоторое время в тишине.

- Это будет тяжело для тебя на арене? Знать всех остальных? - спрашиваю я.

- О, я бы не стал рассчитывать на это, где бы я ни был, там становится невыносимо. - Он кивает на бутылку. - Могу я теперь вернуться к этому?

- Нет, - говорю я, обхватывая ее. Хеймитч тянет изпод стола другую бутылку и откручивает крышку. А я понимаю, что я здесь не только для того, чтобы выпить. Есть кое-что еще, что я хочу от Хеймитча. - Хорошо, я решила, о чем я попрошу, - говорю я. - Если в Играх будем я и Пит, в этот раз мы пытаемся поддержать его.

Что-то мерцает в его налитых кровью глазах. Боль.

- Как ты и сказал, это будет плохо, с какой стороны не посмотри. И независимо от того, чего хочет Пит, его очередь быть спасенным. Мы должны ему это. - В моем голосе появляются просительные нотки: - Кроме того, сейчас, когда Капитолий ненавидит меня, я хороша настолько, насколько мертва. А у него все еще может быть шанс. Пожалуйста, Хеймитч, скажи, что ты сможешь мне.

Он хмурится, смотря на бутылку и взвешивая мои слова.

- Хорошо, - произносит он наконец.

- Спасибо, - говорю я. Мне нужно пойти, увидеть Пита сейчас, но я не хочу. От выпивки у меня кружится голова, и я совершенно измучена, кто знает, на что он может заставить меня согласиться? Нет, теперь я должна пойти домой, чтобы увидится с мамой и Прим.

Как только я подхожу к своему дому, передняя дверь открывается, и Гейл тянет меня в свои объятия.

- Я был не прав, мы должны были уйти, когда ты говорила, - шепчет он.

- Нет, - говорю я. У меня проблемы с фокусированием, и ликер болтается в моей руке, выливаясь на спину куртки Гейла, но его, кажется, это не заботит.

- Еще не слишком поздно, - произносит Гейл.

За его плечом я вижу маму и Прим, жмущихся друг к другу. Мы бежим. Они умирают. И теперь у меня есть Пит, чтобы защищать его. Конец обсуждения.

- Нет, поздно. - Мои колени подгибаются, и он держит меня. Когда алкоголь одерживает победу над моим разумом, я слышу, как стеклянная бутылка разбивается об пол. Это кажется очень соответствующим, потому что я, очевидно, потеряла контроль над всем.

Когда я просыпаюсь, я едва успеваю добраться до туалета, прежде чем белый ликер вновь появится. Он жжется так же, поднимаясь, как и опускался, а на вкус хуже в два раза. Я дрожу и вся в поту, когда меня перестает рвать, но, по крайней мере, большая часть этой жидкости вне моей системы. Достаточно все же, чтобы попасть в кровь и привести к стучащей головной боли, пересошему рту и бурлению желудка.

Я включаю душ и стою под теплыми струями примерно минуту, прежде чем понимаю, что я все еще в нижнем белье. Мама, вероятно, просто стянула с меня грязную верхнюю одежду и укрыла одеялом на кровати. Я бросаю мокрое белье в раковину и выливаю шампунь себе на голову. Мои руки жжет, и тогда я замечаю стежки, маленькие и ровные, пересекающие мою ладонь и продолжающиеся на другой стороне кисти. С трудом я вспоминаю, что разбила то окно вчера вечером. Я вычищаю себя с головы до пят, только для того, чтобы меня

вывернуло на изнанку прямо в душе. Это в основном просто желчь, которая уходит в канализацию вместе с душистой пеной.

Наконецто чистая, я надеваю свой халат и направляюсь обратно к кровати, не обращая внимания на свои волосы, с которых стекает вода. Я забираюсь под одеяла уверенная, что так себя чувствуют отравленные. С прошлого вечера шаги на лестнице возобновляют мою панику. Я не готова видеть маму и Прим. Я должна взять себя в руки, чтобы быть спокойной и обнадеживающей, такой же, как я была, когда мы прощались в день Жатвы. Я должна быть сильной. Я изо всех сил стараюсь принять вертикальное положение, выжимаю свои волосы, чувствуя пульсацию в висках, и собираюсь с духом, готовясь к этой встрече. Они появляются в дверях, держа чай и тост, их лица наполнены беспокойством. Я открываю рот, планируя начать с какойнибудь шутки, и ударяюсь в слезы.

Слишком много всего, чтобы быть сильной.

Мама садится на край кровати, а Прим заползает прямо ко мне, они издают успокаивающие звуки, пока я в основном плачу. Потом Прим берет полотенце и вытирает мои волосы, распутывая колтуны, в то время, как мама уговаривает меня съесть тост и выпить чай. Они одевают меня в теплую пижаму и укрывают слоем одеял, и я снова засыпаю.

Когда я просыпаюсь вновь, то могу определить по свету, что уже далеко за полдень. На моем ночном столике стоит стакан воды, я жадно осушаю его. Мои желудок и голова все еще чувствуют себя неустойчиво, но гораздо лучше, чем до этого. Я поднимаюсь, одеваюсь и заплетаю волосы сзади. Прежде чем я спущусь, я делаю паузу на вершине лестницы, немного смущаясь от того, как я восприняла новости о Двадцатипятилетию Подавления. Мои беспорядочные метания, пьянство с Хеймитчем, плач. Учитывая все обстоятельства, я думаю, что заслужила один день снисхождения. Тем не менее, я рада, что здесь не было камер.

Внизу мама и Прим снова обнимают меня, но они не чрезмерно эмоциональны. Я знаю, что они сдерживаются, чтобы мне было легче. Глядя в лицо Прим, я не могу поверить, что она та же хрупкая маленькая девочка, которую я оставила после Жатвы девять месяцев назад. Сочетание этого испытания и всего, что было дальше - жестокость в дистрикте, парад из больных и раненых, с которыми она часто работала теперь сама, если мама не успевала за всеми - эти вещи заставили ее повзрослеть. Она также довольно сильно выросла, мы практически одного роста сейчас, но это не то, что заставляет ее казаться настолько старше.

Мама наливает половником кружку бульона для меня, и я прошу вторую, чтобы взять ее к Хеймитчу. Затем я иду через лужайку к его дому. Он толькотолько просыпается и принимает кружку без комментариев. Мы сидим там, почти умиротворенно, потягивая наш бульон и наблюдая за закатом через окно его гостиной. Я слышу когото, ходящего наверху, и предполагаю, что это Хейзелл, но через несколько минут к нам спускается Пит, бросая картонную коробку с пустыми бутылками изпод ликера на стол.

- Вот, все сделано, - говорит он.

Все усилия Хеймитча уходят на то, чтобы сфокусироваться на бутылках, так что спрашиваю я:

- Что сделано?

- Я вылил весь ликер в унитаз, - говорит Пит.

Похоже, это выводит Хеймитча из оцепенения, и он хватается за коробку в неверии.

- Ты что?

- Я все вылил, - говорит Пит.

- Он просто купит еще, - произношу я.

- Нет, не купит, - отвечает Пит. - Я выследил Риппер сегодня утром и сказал ей, что сдам ее в ту же секунду, если она продаст ликер хоть комунибудь из вас. Я также заплатил ей на всякий случай, но я не думаю, что она хочет вернуться под арест Миротворцев.

Хеймитч делает выпад со своим ножом, но Пит отклоняется от удара так легко, что тот выглядит жалко. Злость охватывает меня:

- Это вообще не твое дело, что он делает!

- Это полностью мое дело. В любом случае двое из нас попадают на арену снова, один - ментор. Мы не можем позволить себе алкоголиков в этой команде. Особенно тебя, Китнисс, - говорит Пит мне.

- Что? - выплевываю я, негодуя. Это вышло бы более эффектно, если бы у меня не было этого ужасного похмелья. - Прошлая ночь - первый раз, когда я вообще пила!

- Да, и посмотри, в какой ты сейчас форме, - говорит Пит.

Я не знаю, чего я ждала от нашей первой с Питом встречи после сообщения. Несколько объятий и поцелуев. Немного утешения, возможно. Не этого. Я поворачиваюсь к Хеймитчу:

- Не волнуйся, я достану тебе еще ликера.

- Тогда я сдам вас обоих. Протрезвеете на складах, - говорит Пит.

- И в чем тут смысл? - спрашивает Хеймитч.

- Смысл в том, что двое из нас вернутся из Капитолия. Один ментор, другой победитель, - говорит Пит. -

Эффи прислала мне все записи Игр живущих победителей. Мы будем смотреть их и выяснять все, что только сможем о том, как они борются. Мы собираемся набрать вес и стать сильными. Мы собираемся начать действовать, как профи. И один из нас собирается стать победителем снова, независимо от того, нравится вам это или нет! - Он вылетает из комнаты, хлопая входной дверью.

Хеймитч и я вздрагиваем от удара.

- Мне не нравятся совершенно убежденные в своей правоте люди, - говорю я.

- А кто нравится? - спрашивает Хеймитч, который начинает высасывать остатки из пустых бутылок.

- Ты и я. Те, кто планируют вернуть его домой, - говорю я

- Ладно, потом подшутим над ним, - отвечает Хеймитч.

Но спустя несколько дней мы соглашаемся вести себя, как профи, потому что это лучший способ подготовить Пита. Каждый вечер мы смотрим старые обзоры Игр, которые выиграли оставшиеся победители. Я осознаю, что мы никогда не встречали ни одного из них в Туре Победителей, который теперь кажется странным воспоминанием. Когда я понимаю это, Хеймитч говорит, что последняя вещь, которую хотел бы президент Сноу, это увидеть меня и Пита - особенно меня - общающимися с другими победителями из потенциально мятежных дистриктов. У победителей есть особое положение, и если бы они поддержали мой вызов Капитолию, это было бы политически опасно. С поправкой на возраст я понимаю, что некоторые наши противники будут пожилыми людьми, что является одновременно и печальным, и обнадеживающим. Пит делает много заметок, Хеймитч выдает информацию о личностях победителей, и постепенно мы начинаем узнавать наших соперников.

Каждое утро мы делаем упражнения, чтобы укрепить наши тела. Мы бегаем, поднимаем тяжести и растягиваем мышцы. Каждый день мы работаем с боевыми навыками: бросаем ножи, боремся на руках. Я даже учу их забираться на деревья. Официально, как предполагается, трибуты не обучаются, но никто не пытается нас остановить. Даже в обычные годы трибуты из Первого, Второго и Четвертого оказываются способными владеть копьями и мечами. Это ничто в сравнении.

После стольких лет плохого обращения, тело Хеймитча изо всех сил сопротивляется усовершенствованию. Он все еще здорово силен, но даже малюсенькая пробежка заставляет его задыхаться. И, можно было бы подумать, что парень, который каждую ночь спит с ножом, мог бы хотя бы попадать в стену дома, но его руки трясутся так сильно, что требуются недели, чтобы добиться даже этого.

Мы с Питом соблюдаем новый режим. Это дает мне возможность что-то делать. Это дает нам всем возможность что-то делать, кроме как принять поражение. Мама помещает нас на специальную диету, чтобы мы набрали вес. Прим лечит наши болящие мышцы. Мадж таскает нам газеты Капитолия от своего отца. Предсказания о том, кто будет победителем, держат нас среди фаворитов. Даже Гейл входит в общую картину по воскресениям, хоть он не испытывает никакой любви к Питу и Хеймитчу, он обучает нас всему, что знает о ловушках. Это странно для меня, одновременно разговаривать и с Питом, и с Гейлом, но они, кажется, отложили в сторону все разногласия, которые были у них из-за меня.

Както вечером, когда я иду провожать Гейла в город, он даже признает:

- Было бы лучше, если бы его было проще ненавидеть.

- Кому ты рассказываешь? - говорю я. - Если бы я просто возненавидела его на арене, мы все бы не были в этом бардаке сейчас. Он был бы мертв, а я бы была маленьким счастливым победителем, совсем одним.

- И где бы мы были, Китнисс? - спрашивает Гейл.

Я замолкаю, не зная, что сказать. Где бы я была со своим притворным кузеном, который и не был бы моим кузеном, если бы не Пит? Он все еще целовал бы меня, а я целовала бы его в ответ, я бы была вольна это делать, ведь так? Позволила бы я себе открыться ему, убаюканная защищенностью, полученной от денег и еды, и иллюзией безопасности от победы при других обстоятельствах? Но попрежнему была бы Жатва, нависшая над нами, над нашими детьми. Независимо от того, чего хочу я...

- Охотились бы. Как и каждое воскресение. - Я знаю, что он, задавая вопрос, не имел в виду буквальное значение, но это все, что я могу ответить честно. Гейл знает, что я предпочла ему Пита, не согласившись сбежать. Как по мне, так нет никакого смысла говорить о вещах, которые могли бы быть. Даже если бы я убила Пита на арене, я попрежнему бы не хотела ни за кого замуж. Я обручилась только для того, чтобы спасти жизни людей, и эта затея с треском провалилась.

Я боюсь, так или иначе, что любое проявление эмоций с Гейлом могло заставить его сделать что-нибудь решительное. Вроде начала восстания в шахтах. Хеймитч говорил, что дистрикт не готов к этому. А теперь и подавно, потому что на следующий день после объявления о Двадцатипятилетию Подавления сюда прибыла на поезде еще одна сотня Миротворцев.

Так как я не планирую вернуться живой во второй раз, то, чем раньше Гейл позволит мне уйти, тем лучше. У меня есть план сказать одну-две вещи ему после Жатвы, когда будет час прощания. Скажу Гейлу, чтобы он знал, насколько важен был для меня все эти годы. Насколько лучше моя жизнь стала оттого, что я узнала его. От любви к нему, пусть она даже в ограниченной форме, которой я могу управлять.

День Жатвы жаркий и душный. Жители Дистрикта 12 ждут, обливаясь потом, в тишине, на площади с автоматами, направленными на них. Я стою в одиночестве на небольшой, обитой бархатом арене, с Питом и Хеймитчем на таких же справа от меня. Жатва занимает всего минуту. Эффи, сияющая в своем парике цвета металлического золота, испытывает нехватку своего обычного воодушевления. Ей приходится долго пытаться ловить один единственный листочек в шаре для девочек, который, все и так знают, содержит мое имя. Затем она вытаскивает имя Хеймитча, который успеваает только стрелкнуть в меня несчастным взглядом, прежде чем Пит предлагает добровольно занять его место.

Нас тут же провожают в Дом Правосудия, где мы находим Главу Миротворцев Треда, ждущего нас.

- Новая процедура, - говорит он с улыбкой.

Нас проводят через черный вход к автомобилю и отвозят на вокзал. Нет никаких камер на платформе, никакой толпы, провожающей нас в путь. Хеймитч и Эффи кажутся сопровождаемыми охранниками. Миротворцы торопят нас всех садиться на поезд и хлопают дверью. Колеса начинают вращаться.

И мне остается смотреть в окно, наблюдая, как исчезает Дистрикт 12, со всеми моими прощальными словами, попрежнему готовыми сорваться с губ.

Глава 14

Я долго смотрю в окно даже после того, как леса поглотили последний проблеск моего дома. На сей раз у меня нет ни малейшей надежды на возвращение. Перед моими первыми Играми я поклялась Прим сделать все, что смогу, чтобы победить, теперь же я поклялась сделать все, что смогу, чтобы оставить Пита в живых. Я никогда не попаду в это путешествие снова.

Я действительно понимаю, как необходимо мне было сказать эти последние слова своим близким. Так было бы лучше: закрыть и запереть двери. Оставить их грустными, но благополучно позади. А Капитолий украл у меня и это.

- Мы напишем письма, Китнисс, - говорит Пит у меня за спиной. - В любом случае так будет лучше. Дадим им часть нас, чтобы держаться. Хеймитч передаст их ради нас, если... Если их нужно будет передавать.

Я киваю и направляюсь прямо в свою комнату. Я сижу на кровати, понимая, что никогда не буду писать эти письма. Они будут походять на ту речь, которую я пыталась составить, чтобы отдать дань Руте и Цепу в Дистрикте 11. Эти вещи казались ясными в моей голове, даже когда я говорила перед толпой, но слова не выходили правильно изпод моего пера. К тому же, они должны были сопровождаться объятиями и поцелуями, поглаживанием волос Прим, ласковым прикосновением к лицу Гейла, сжатием руки Мадж. Они не могут быть доставлены с деревянной коробкой, содержащей мое холодное, окостеневшее тело.

Слишком подавленная, даже чтобы плакать, все, что я хочу, - это свернуться калачиком на своей кровати и спать, пока мы не прибудем в Капитолий завтра утром. Но у меня есть миссия. Нет, это больше чем миссия. Сохранить Пита в живых. Как ни странно, я могу достичь этого, несмотря на гнев Капитолия, главное, чтобы я была на высоте в своей игре. Это не получится, если я буду скорбеть по всем, кого люблю дома. Позволь им идти, говорю я себе. Скажи «прощай», забудь их. Я прилагаю усилия, думая о них, о каждом, один за другим, отпуская их, как птиц из клеток внутри меня, запирая двери, чтобы они не вернулись.

К тому времени, как Эффи стучит в мою дверь, чтобы позвать меня на обед, я абсолютно пуста. Но эта легкость не совсем неприятна.

Еда нас покоряет. Так покоряет, на самом деле, что мы сидим в полной тишине, нарушаемой только удалением старых блюд и предоставлением новых. Холодный суп из протертых овощей. Рыбные котлеты с лимонной пастой. Те маленькие птицы, заполненные апельсиновым соусом с диким рисом и водяным крессом.

Шоколадный десерт с заварным кремом усеян вишнями.

Пит и Эффи делают редкие попытки беседы, которые быстро угасают.

- Мне нравятся твои новые волосы, Эффи, - говорит Пит.

- Спасибо, мне специально сделали их соответствующими броши Китнисс. Думаю, мы могли бы повязать тебе на щиколотку золотую ленточку и, возможно, найти для Хеймитча золотой браслет или что-то вроде того, тогда бы мы стали выглядеть как команда.

Очевидно, Эффи не знает, что моя брошь в форме сойкипересмешницы - теперь символ, используемый мятежниками. По крайней мере в Дистрикте 8. В Капитолии сойкапересмешница - просто забавное напоминание об особенно захватывающих Голодных Играх. Что еще это могло бы быть? Настоящие повстанцы не могли поместить тайный символ на что-то столь же прочное, как драгоценности. Они помещали его на крекерах, которые можно тут же съесть при необходимости.

- Мне кажется, это отличная идея, - говорит Пит. - Как насчет этого, Хеймитч?

- Ага, пофиг, - отвечает Хеймитч. Он не пьян, но я вижу, что он хотел бы этого. Эффи заставила убрать свое вино, когда увидела его усилия, но он все равно в жалком состоянии. Если бы он был трибутом, он не был бы должен Питу ничего и был бы так пьян, как ему хотелось. Теперь он собирается направить все свои силы на то, чтобы сохранить Питу жизнь на арене, полной его старых друзей, и он, вероятно, потерпит неудачу.

- Возможно, мы могли бы надеть и на тебя парик, - произношу я в попытке разрядить обстановку. Он только кидает на меня взгляд, говорящий, чтобы его оставили в покое, и все мы едим наш заварной крем в тишине.

- Пойдем посмотреть повтор Жатвы? - спрашивает Эффи, промокая уголки рта белой салфеткой.

Пит уходит за своим блокнотом с оставшимися победителями, а мы собираемся в купе с телевизором, чтобы увидеть, кто будет нашими соперниками на арене. Мы все на месте, когда начинает играть гимн и появляется ежегодное повторение Жатвы в двенадцати дистриктах.

За всю историю Игр в них было семьдесят пять победителей. Пятьдесят девять все еще живы. Я признаю многие лица, либо из-за того, что видела их трибутами, либо когда они были наставниками, либо из-за нашего недавнего просмотра видео победителей. Некоторые настолько стары, либо потрепаны болезнью, наркотиками или выпивкой, что я не могу узнать их. Как и следовало ожидать, фонды трибутовпрофи из Первого, Второго и Четвертого самые большие. Но каждому Дистрикту удалось наскрести хотя бы по одному победителю женщине и одному мужчине.

Жатва проходит быстро. Пит аккуратно помечает звездочками имена выбранных трибутов в своем блокноте. Хеймитч смотрит с лицом лишенным эмоций, как его друзья выходят на сцену. Эффи делает тихие обеспокоенные комментарии, вроде: «О, только не Сесилия» или «Ну, Чэф никогда не мог остаться вне борьбы», и часто вздыхает.

Что касается меня, я пытаюсь составить некоторый список трибутов у себя в голове, но, как и в прошлом году, только некоторые из них действительно остаются там. Брат и сестра из Дистрикта 1, прекрасные своей классической красотой, которые были победителями два года подряд, когда я была маленькой. Брут - доброволец из Второго, мужчина около сорока, который, очевидно, не может дождаться, когда снова возвратится на арену. Финник - красивый парень с бронзовыми волосами из Дистрикта 4, который был коронован десять лет назад в возрасте четырнадцати лет. Истеричная молодая женщина с распущенными каштановыми волосами тоже из Четвертого, но она быстро сменяется добровольцем - восьмидесятилетней женщиной, которой требуется трость, чтобы идти на сцену. Потом Джоанна Мейсон - единственный ныне живущий победитель женского пола из Дистрикта 7, которая выиграла несколько лет назад, притворяясь слабой. Женщина из Восьмого, которую Эффи назвала Сесилией, выглядящая примерно на тридцать, вынуждена отделять от себя трех детей, которые бегут, цепляясь за нее. Чэф, которого я знаю, как одного из хороших друзей Хеймитча, тоже здесь.

Называют меня. Потом Хеймитча. Пит - доброволец. Одна из дикторов фактически пускает слезу, потому что, кажется, удача никогда не будет на нашей стороне, мы несчастные влюбленные из Дистрикта 12. Потом она берет себя в руки, чтобы сказать, что готова поспорить, «это будут лучшие Игры на все времена».

Хеймитч молча выходит из купе, Эффи после нескольких комментариев о том или ином трибуте желает нам спокойно ночи. А я просто сижу там, наблюдая, как Пит вырывает страницы победителей, которые не были выбраны.

- Почему бы тебе немного не поспать? - говорит он.

Потому что я не могу справиться с кошмарами. Не без тебя, думаю я. Они, конечно же, будут просто ужасными сегодня ночью. Но я не могу просить Пита пойти спать со мной. Мы едва касались друг друга с того

вечера, когда хлестали Гейла.

- А что ты собираешься делать? - спрашиваю я.

- Просто просмотрю немного свои пометки. Получу ясную картину того, против чего мы выступаем. Но я пробегусь по этому с тобой утром. Иди спать, Китнисс, - говорит он.

Таким образом, я отправляюсь в кровать и, естественно, по прошествии нескольких часов просыпаюсь от кошмара, в котором старая женщина из Дистрикта 4 превращается в большого грызуна, поедающего мое лицо. Я знаю, что кричала, но никто не приходит. Ни Пит, ни даже один из дежурных Капитолия. Я накидываю халат, пытаюсь успокоить гусиную кожу, покрывающую мое тело. Находиться в мое купе невозможно, поэтому я решаю пойти и найти когонибудь, кто сделает мне чай или горячий шоколад. Может, Хеймитч еще тут. Наверняка он не спит.

Я заказываю дежурному теплое молоко - наиболее успокаивающую вещь, которую я знаю. Слыша голоса из телевизионной комнаты, я вхожу в нее и нахожу там Пита. Около него на кушетке стоит коробка, присланная Эффи, в которой находятся записи прошлых Голодных Игр. Я узнаю эпизод, в котором Брут стал победителем.

Пит поднимается и останавливает видео, когда замечает меня.

- Не можешь уснуть?

- Не слишком долго, - говорю я.

Я запахиваю халат плотнее, когда вспоминаю старуху, превратившуюся в грызуна.

- Хочешь поговорить об этом? - спрашивает Пит. Иногда это может помочь, но я лишь качаю головой, чувствуя слабость оттого, что люди, с которыми я еще даже не сражалась, преследуют меня.

Когда Пит протягивает руки, я иду прямо в них. Это первый раз, с тех пор как объявили о Двадцатипятилетии Подавления, когда он проявляет некоторый вид привязанности ко мне. Он был больше похож на очень требовательного тренера, всегда подталкивая, всегда заставляя Хеймитча и меня бежать быстрее, есть больше, узнавать противника лучше. Возлюбленный? Забудь об этом. Он отказался от всего этого, даже от того, чтобы быть моим другом. Я крепко обнимаю его руками за шею, прежде чем он заставит меня отжиматься или еще что-нибудь. Вместо этого он притягивает меня ближе и прячет свое лицо у меня в волосах. Я чувствую тепло там, где его губы просто касаются моей шеи, оно медленно растекается по всему моему телу. Это так хорошо, так невероятно хорошо, что я понимаю, что не смогу отпустить его первой.

И почему я должна? Я сказала «прощай» Гейлу. Я никогда не увижу его снова, это точно. Ничего, что я делаю сейчас, не сможет причинить ему боль. Он не увидит это, или решит, что я играла на камеры. Хотя бы этот груз упал с моих плеч.

Приходит сопровождающий из Капитолия с теплым молоком, это отрывает нас друг от друга. Он ставит поднос с дымящимся керамическим кувшином и двумя кружками на стол.

- Я принес дополнительную чашку, - говорит он.

- Спасибо, - отвечаю я.

- И я добавил ложку меда в молоко. Для сладости. И щепотку специй, - произносит он. Он смотрит на нас так, словно хочет сказать что-то еще, но потом встряхивает головой и уходит из комнаты.

- Что это с ним? - удивляюсь я.

- Думаю, он нехорошо себя чувствует изза нас, - говорит Пит.

- Точно, - соглашаюсь я, наливая молоко.

- Я имею в виду... Не думаю, что все люди Капитолия будут рады нашему возвращению, - говорит Пит. - Или других победителей. Они привязаны к своим чемпионам.

- Я думаю, они переживут это, как только начнет литься кровь, - отвечаю я решительно. Действительно, если и есть вещь, на которую у меня совершенно нет времени, так это на волнении по поводу того, как Двадцатипятилетие Подавления повлияет на настроение в Капитолии. - Так что, ты пересматриваешь все записи?

- На самом деле нет. Просто перематываю, рассматривая различные техники боя людей, - отвечает Пит.

- Кто следующий? - спрашиваю я.

- Выбери ты, - говорит он, протягивая коробку.

Записи помечены годом Игр и именем победителя. Я роюсь в коробке и внезапно нахожу ту, которую мы не смотрели. Это второе Двадцатипятилетие Подавления. И имя победителя - Хеймитч Эбернети.

- Мы никогда не смотрели эту, - произношу я.

Пит качает головой.

- Нет. Я знал, что Хеймитч не хотел этого. Так же, как и мы бы не хотели пережить наши Игры еще раз. И так

как мы все - одна команда, я посчитал, что она не имеет большого значения.

- А есть тут человек, который победил в первое Двадцатипятилетие? - спрашиваю я.

- Сомневаюсь. Как бы то ни было, он должен быть мертв к этому времени, а Эффи послала мне только тех победителей, с которыми нам, возможно, предстоит столкнуться. - Пит взвешивает запись Хеймитча в руке. - Ну что? Ты считаешь, нам стоит ее посмотреть?

- Это единственное Двадцатипятилетие Подавления, которое у нас есть. Мы могли бы почерпнуть что-нибудь ценное здесь о том, как это работает, - произношу я. Но чувствую я себя странно. Это походит на наглое вторжение в частную жизнь Хеймитча. Я не знаю, почему чувствую себя так после того, как все это уже было опубликовано. Но это так. И, должна признаться, ко всему прочему, мне невероятно любопытно. - Мы не обязаны говорить Хеймитчу, что видели это.

- Хорошо, - соглашается Пит. Он вставляет запись, а я сворачиваюсь рядом с ним на кушетке со своим молоком, которое действительно просто восхитительно благодаря меду и специям, и теряюсь в пятидесятых Голодных Играх. После гимна показывают президента Сноу, тянущего конверт для второго Двадцатипятилетия Подавления. Он выгладит моложе, но таким же отталкивающим. Он читает текст с листа бумаги тем же тягостным голосом, который использовал для нас, сообщая Панему, что на Двадцатипятилетие Подавления будет в два раза больше трибутов. Редакторы сразу же переходят к Жатве, где называется имя за именем.

К тому времени, когда мы добираемся до Дистрикта12, я совершенно поражена огромным количеством детей, идущих на верную смерть. Женщина называет имена в Двенадцатом, это не Эффи, но она тоже говорит: «Сначала дамы!» Она вызывает девочку из Шлака, это можно определить по ее виду, а затем я слышу другое имя: «Мейсли Доннер».

- Ох, - говорю я. - Она была подругой моей мамы. Камера находит ее в толпе, цепляющуюся за двух других девушек. Все светловолосые. Все, определенно, дети торговцев.

- Мне кажется, это твоя мама обнимает ее, - тихо произносит Пит. Пока Мейсли Доннер мужественно освобождается и идет на сцену, я мельком вижу маму, когда она была моего возраста, никто не преувеличивал ее красоту. Протягивает свои руки и рыдает другая девушка, она выглядит почти точно так же, как Мейсли. Хотя, скорее как кто-то еще, кого я знаю.

- Мадж, - говорю я.

- Это ее мама. Она и Мейсли были близняшками или что-то вроде, - произносит Пит. - Папа как-то упоминал об этом.

Я думаю о маме Мадж. Жене мэра Андерси. О той, которая проводит половину своей жизни неподвижно в постели, с мучительной болью, закрывшись от всего мира. Я думаю о том, что никогда не понимала, как она и моя мама были связаны. О Мадж, появившейся в ту метель, чтобы принести обезболивающее для Гейла. О своей броши в форме сойкипересемшницы и о том, что она значит кое-что совершенно другое, после того как я узнала, что она принадлежала тете Мадж, Мейсли Доннер, трибуту, убитому на арене.

Имя Хеймитча называют последним. Его вид шокирует меня даже больше, чем вид мамы. Молодой. Сильный. Трудно поверить, но он был привлекательным. Его волосы, темные и вьющиеся, серые глаза горят ярко и, даже тогда, опасно.

- Ох, Пит, ты же не думаешь, что он убил Мейсли, ведь так? - выпаливаю я. Не знаю, почему, но я не могу выдержать эту мысль.

- С сорока восьмью участниками? Я бы сказал, что удача не на его стороне в этом деле, - говорит Пит.

Выезд колесниц (дети из Дистрикта12 одеты в ужасную экипировку шахтеров) и вспышки интервью. Мало времени, чтобы сосредоточиться на ком-то. Но так как Хеймитч будет победителем, мы можем видеть одну полную версию разговора между ним и Цезарем Фликерманом, который выглядит так же, как и всегда - в своем мерцающем синем костюме. Отличаются только его темнозеленые волосы, веки и губы.

- Итак, Хеймитч, что ты думаешь об Играх, на которых на сто процентов больше противников, чем обычно? - спрашивает Цезарь.

Хеймитч пожимает плечами.

- Я не думаю, что это имеет большое значение. Они все попрежнему будут на сто процентов глупыми, как и обычно, так что, полагаю, шансы у меня примерно такие же.

Аудитория смеется, и Хеймитч посылает им полуулыбку. Напыщенный. Высокомерный. Безразличный.

- Он не мог пойти так далеко, не так ли? - говорю я.

Теперь утро, когда начинаются Игры. Мы смотрим с точки зрения одного из трибутов, она поднимается из цилиндра на арену. Я выдыхаю. Недоверие отражается на лицах игроков. Даже брови Хеймитча поднимаются,

хотя тут же опускаются обратно, предавая ему угрюмый вид.

Это самое захватывающее дух место, которое только можно вообразить. Рог изобилия находится в середине зеленого луга с участками великолепных цветов. Небо лазурноголубое с густыми белыми облаками. Яркие певчие птицы бьют крыльями над головой. Судя по тому, как принохивается часть трибутов, пахнет фантастически. Воздушные съемки показывают, что луг простирается на многие мили. Вдали, в одном направлении виден лес, в другом - снежные горы.

Эта красота дезориентирует многих игроков, потому что, когда звучит гонг, большинству из них кажется, что они пытаются проснуться. Тем не менее, Хеймитча нет в их числе. Он около Рога изобилия, с оружием и рюкзаком с различными запасами в руках. Он добегает до леса прежде, чем большинство сдвигается со своих дисков.

Восемнадцать трибутов убито в тот день. Другие начинают вымирать, и становится ясно, что все в этом прекрасном месте: сочные, свисающие с кустарников фрукты, вода в прозрачных ручьях, даже аромат цветов, когда вдыхаешь его слишком близко - все смертельно ядовито. Только дождевая вода и пища из Рога изобилия безопасны для потребления. Здесь есть также большая, хорошо снабженная группа профи из десяти трибутов, прочесывающая горную область в поисках жертв.

У Хеймитча свои проблемы в лесах, где пушистые золотистые белки оказываются плотоядными и нападают стаями, а жала бабочки приносят адские муки, если не смерть. Но он упорно двигается вперед, всегда оставляя горы далеко позади.

Мейсли Доннер оказывается довольно находчивой для девушки, покинувшей Рог изобилия с одним маленьким рюкзаком. Внутри она находит миску, немного сушеной говядины и духовое ружье с двумя дюжинами дротиков. Используя доступные яды, она быстро превращает ружье в смертельное оружие, окуная дротики в смертоносные вещества и вонзая их в тела противников.

Проходит четыре дня, живописная гора вспыхивает вулканом, что уничтожает еще дюжину игроков, включая всех, кроме пяти, профи. С горой, извергающей лаву, и лугом, не предоставляющим возможности укрыться, у тринадцати трибутов, включая Хеймитча и Мейсли, нет никого выбора, кроме как ограничиться лесами.

Хеймитч старается придерживаться все того же направления - подальше от вулканической горы, но лабиринт из плотных живых изгородей заставляет его вернуться назад - в центр леса, где он сталкивается с тремя профи и вытаскивает свой нож. Они, возможно, больше и сильнее, но Хеймитч невероятно быстр, он убивает двух, когда третий разоружает его. Этот профи собирается перерезать ему горло, когда дротик сбивает его на землю.

Мейсли Доннер выходит из леса:

- Вдвоем мы выжили бы дольше.

- Полагаю, ты только что доказала это, - говорит Хеймитч, потирая шею. - Союзники? - Мейсли кивает. И вот они мгновенно заключают один из тех договоров, который вам будет трудно разорвать, если вы собираетесь вернуться домой и предстать перед своим Дистриктом.

Точно так же, как мы с Питом, вместе они добиваются большего. Больше отдыха, создание системы сохранения дождевой воды. Они сражаются вместе и делят пищу мертвых трибутов. Но Хеймитч попрежнему настроен продолжать свой путь.

- Зачем? - все время спрашивать Мейсли, а он игнорирует ее, пока она не отказывается двигаться дальше, не получив ответа.

- Затем, что это должно закончиться где-то, правильно? - говорит Хеймитч. - Арена не может продолжаться вечно.

- И что ты ожидаешь там найти? - спрашивает Мейсли.

- Я не знаю. Но, возможно, там есть что-то, что мы могли бы использовать, - отвечает он.

Когда они наконец пробиваются сквозь эту невероятную преграду с помощью паяльной лампы, которую взяли из вещей одного из мертвых трибутов, они оказываются на сухой земле утеса. Далеко внизу можно увидеть острые скалы.

- Это все, что тут есть, Хеймитч. Пойдем назад, - говорит Мейсли.

- Нет, я буду здесь, - отвечает он.

- Ладно. Осталось только пятеро из нас. Наверно, сейчас самое время попрощаться, так или иначе, - произносит она. - Я не хочу, чтобы все это свелось ко мне и тебе.

- Хорошо, - соглашается он. Это все. Он не предлагает ей руку для пожатия, он даже не смотрит на нее. И она уходит.

Хеймитч бродит вдоль края утеса, как будто пытаясь что-то понять. Его нога сбивает гальку, и она падает в

пропасть, очевидно, навсегда. Но уже через минуту, пока он сидит, отдыхая, галька возвращается назад, падая рядом с ним. Хеймитч смотрит на нее с недоумением, а затем его лицо становится странно напряженным. Он бросает камень размером с его кулак со скалы и ждет. Когда тот возвращается прямо ему в руку, Хеймитч смеется.

В этот момент мы слышим, как Мейсли начинает кричать. Союз окончен, она расторгла его, так что, никто не смог бы обвинить Хеймитча, если бы он проигнорировал ее. Но, так или иначе, он бежит к ней. Он прибывает, только успевая увидеть, как последняя из стаи яркорозовых птиц, имеющих длинные, тонкие клювы, протыкает ее шею. Он держит ее руку, пока она умирает. И все, о чем я могу думать, - это Рута и то, как я тоже опоздала, чтобы спасти ее.

Позже в тот день еще один трибут убит в бою, а одного из трех съедают те пушистые белки, что оставляет только Хеймитча и девушку из Дистрикта 1 сражаться за корону. Она больше его и быстрее. И когда борьба становится неизбежной, она кровава и ужасна, оба получают раны, которые, вполне вероятно, могут быть смертельны, тогда Хеймитч окончательно разоружен. Он, шатаясь, идет по красивому лесу, с трудом удерживая содержимое своего желудка внутри, а она, спотыкаясь, за ним, держа топор, который должен нанести ему смертельный удар. Хеймитч мчится на свой утес и успевает достичь его края, когда она бросает топор. Хеймитч обрушивается на землю, и оружие летит прямо в пропасть. Теперь также безоружная девушка просто стоит там, пытаясь остановить кровь, льющуюся из пустой глазницы. Вероятно, она думает, что сможет пережить Хеймитча, который бьется в конвульсиях на земле. Но она не знает того, что знает он, - топор возвратится. И когда тот прилетает назад, на утес, он погружается прямо ей в голову. Звук пушки, тело забирают, гремят трубы, объявляя Хеймитча победителем.

Пит выключает запись, и мы сидим некоторое время в тишине.

Наконец Пит произносит:

- Защитное поле на утесе, оно похоже на то, которое на крыше Тренировочного центра. То, которое отбрасывает тебя назад, если ты пытаешься прыгнуть, совершив самоубийство. Хеймитч нашел способ превратить это в оружие.

- Не только против другого трибута, но и против Капитолия, - говорю я. - Ты знаешь, что они не ожидали, что это случится. Это не было частью арены. Они никогда не думали, что кто-нибудь сможет использовать это в качестве оружия. Это заставило их выглядеть глупо, то, что он догадался. Спорю, они провели много приятного времени, пытаясь выкрутиться из этой ситуации. Спорю потому, что не помню, чтобы видела этого по телевизору. Это почти так же плохо, как мы и наши ягоды.

Я не могу удержаться от смеха, от настоящего смеха, впервые за месяцы. Пит лишь качает головой, так, будто я потеряла рассудок, и, возможно, немного так и есть.

- Почти, но не совсем, - произносит Хеймитч за нами. Я резко поворачиваюсь, боясь, что он рассердится на нас за то, что мы смотрели его запись, но он только ухмыляется и делает большой глоток из бутылки с вином. Слишком много всего, чтобы оставаться трезвым. Полагаю, я должна быть расстроена тем, что он пьет снова, но я озабочена другим своим чувством.

Я провела все эти недели, выясняя, кто мои соперники, даже не задумываясь о том, кто мои товарищи по команде. Теперь новый вид уверенности освещает меня изнутри, потому что я думаю, что, наконец, знаю, кто же такой Хеймитч. И я знаю, кто я. И, конечно же, два человека, которые втянули Капитолий в такие неприятности, смогут придумать способ, вернуть Пита домой живым.

Глава 15

После множества подготовок с Флавием, Венией и Октавией, это все должно было стать обычной рутинной для выживания. Но я даже не предполагала, какое эмоциональное испытание ждет меня в этот раз. В определенный момент во время приготовлений каждый из них разрыдался как минимум дважды, а Октавия вообще прохныкала все утро. Оказывается, они очень привязались ко мне, и мысль о моем возвращении на арену вывела их из строя. А если объединить это с тем фактом, что, потеряв меня, они теряют свой билет на все виды грандиозных неофициальных встреч, особенно на мою свадьбу, это все становится совершенно невыносимым. Идея быть сильными ради когото другого никогда не приходила им в голову, и мне приходится утешать их. А если учитывать, что я человек, который идет на смерть, это несколько раздражает.

Я думаю о том, что сказал Пит о сопровождающем в поезде, расстроенном тем, что победителям вновь приходится выходить на бой. О людях Капитолия, которым это не нравится. Я все еще считаю, что они забудут обо всем, как только прозвучит гонг, но это нечто вроде открытия - то, что жители Капитолия чувствуют что-то по отношению к нам всем. У них, конечно, не возникает проблем с наблюдением за тем, как детей убивают каждый год. Но, возможно, они знают слишком много о победителях, особенно о тех, кто был известен целую вечность, чтобы забыть, что мы люди. Это больше походит на то, что вы наблюдаете за тем, как умирают ваши собственные друзья. Больше походит на то, как воспринимаем Игры мы - дистрикты.

К тому времени, как появляется Цинна, я раздражена и изнурена изза того, что мне приходится успокаивать свою приготовительную команду, особенно потому, что их постоянные слезы напоминают мне о тех, которые, несомненно, проливаются у меня дома. Стоя в своем тонком халате и чувствуя покалывание кожи и сердца, я знаю, что не выдержу еще одного вида сожаления. Так что, в тот момент, когда он появляется в двери, я выпаливаю:

- Клянусь, если ты заплачешь, я убью тебя прямо здесь и сейчас!

Цинна просто улыбается.

- Было мокрое утро?

- Меня можно выжимать, - отвечаю я.

Цинна обнимает меня за плечи и ведет обедать.

- Не волнуйся. Я всегда направляю эмоции на свою работу. Так я не причиняю никому боль, кроме себя самого.

- Я не смогу пройти через это снова, - предупреждаю я его.

- Я знаю. Я поговорю с ними, - отвечает Цинна.

Обед заставляет меня почувствовать себя немного лучше. Фазан с желе цвета драгоценных камней и крошечными версиями настоящих овощей, плавающих в масле, и картофельное пюре с петрушкой. На десерт мы получаем кубок с кусочками фруктов, залитыми расплавленным шоколадом, и Цинна заказывает еще одну порцию, пока я быстро все съедаю ложкой.

- Так что мы наденем на церемонию открытия? - наконец спрашиваю я, вычищая второй кубок. - Головные прожекторы или огонь? - Я знаю, что выезд на колеснице требует того, чтобы мы с Питом были одеты во что-то, связанное с углем.

- Что-то в этом роде, - говорит Цинна.

Когда приходит время надевать костюм для церемонии открытия, появляется моя подготовительная команда, но Цинна отсылает их, говоря, что они сделали всю работу утром, и больше делать нечего. Они уходят восстанавливаясь, к счастью оставляя меня в руках Цинны. Он приподнимает мои волосы, заплетая их так, как учила моя мама. Затем преступает к макияжу. В прошлом году он использовал немного, чтобы аудитория узнала меня, когда я окажусь на арене. Но сейчас мое лицо практически незаметно под театральными цветами и темными тенями. Высокие изогнутые брови, острые скулы, дымчатые глаза, темно-пурпурные губы. Костюм поначалу выглядит обманчиво простым - всего лишь обычное черное трико, обтягивающее меня от щиколоток до шеи. Он помещает мне на голову половину короны, такую же, как та, что я получила как победитель, но эта сделана из тяжелого черного металла, не золота. Затем он регулирует свет в комнате, чтобы сымитировать семерки и нажимает кнопку внутри ткани на моем запястье. Я заморожено смотрю вниз, на то, как мой наряд постепенно начинает оживать, сначала загораясь мягким золотым светом, а потом медленно переходя к краснооранжевому сжиганию угля. Я выгляжу так, словно покрыта пылающими угольками... нет, словно я и есть пылающий уголек прямо из нашего камина. Цвета становятся ярче и бледнее, изменяются и смешиваются, точно так же, как это происходит с углями.

- Как ты это сделал? - удивленно спрашиваю я.

- Мы с Порцией потратили много часов, наблюдая за огнем, - говорит Цинна. - Теперь посмотри на себя.

Он поворачивает меня к зеркалу, так, чтобы я могла осмотреть себя полностью. Я вижу не девушку и даже не женщину, а некое неземное создание, которое выглядит так, словно может жить в вулкане, который разрушил так много на Двадцатипятилетии Подавления, где победителем был Хеймитч. Черная корона, которая теперь кажется раскаленной, бросает странные тени на мое театрально накрашенное лицо. Огненная Китнисс оставила позади свое мерцающее пламя, драгоценные одежды и мягкие светящиеся платья. Она столь же смертельно опасна, как и сам огонь.

- Думаю... Это именно то, что надо, чтобы оказаться перед остальными, - произношу я.

- Да, полагаю, дни розовой помады и ленточек остались позади, - говорит Цинна. Он снова касается кнопки на

моем запястье, гася свечение. - Давай не будем уменьшать твою силу. Когда ты окажешься на колеснице в этот раз, никаких взмахов руками, никакой улыбки. Смотри прямо вперед, как будто вся аудитория не достойна твоего внимания.

- Наконецто я буду делать хоть что-то, что у меня хорошо получится, - отвечаю я.

У Цинны есть еще несколько вещей, на которые нужно обратить внимание, так что, я решаю спуститься вниз на первый этаж Центра преобразования, который представляет собой огромное место для сбора трибутов и их колесниц перед церемонией открытия. Я надеюсь найти там Пита и Хеймитча, но они еще не пришли. В отличие от прошлого года, когда все трибуты были фактически приклеены к своим колесницам, сейчас это место наполнено общением. Победители, а в этом году - трибуты, стоят повсюду, собираясь в небольшие группки, и разговаривают. Конечно, они все знают друг друга, а я не знаю никого, и я, на самом деле, не тот человек, который будет ходить и представляться. Так что, я просто поглаживаю свою лошадь и стараюсь быть незаметной. Это не работает.

Треск достигает моего уха до того, как я понимаю, что он рядом со мной, я поворачиваю голову и вижу невероятные зеленые глаза цвета моря Финника Одейра в несколько дюймах от моих. Он сует себе в рот кусочек сахара и прислоняется к моей лошади.

- Привет, Китнисс, - говорит он так, будто мы знаем друг друга много лет, хотя на самом деле никогда раньше не встречались.

- Привет, Финник, - отвечаю я так же небрежно, хотя и чувствую себя неудобно из-за его близости, особенно учитывая, что у него столько выставленной обнаженной кожи.

- Хочешь кубик сахара? - спрашивает он, протягивая свою длинную руку. - Предполагается, что он для лошадей, но кого это волнует? У них есть годы, чтобы есть сахар, когда ты и я... Короче, если мы видим что-то сладкое, нам стоит быстрее это заполучить.

Финник Одейр - что-то вроде живой легенды Панема. Так как он выиграл шестьдесят пятые Голодные Игры, когда ему было четырнадцать, он попрежнему остается одним из самых молодых победителей. Будучи из Дистрикта 4, он был профи, так что, преимущество было на его стороне, но то, что не мог предоставить ему тренер, - это его необыкновенная красота. Высокий, спортивный, с золотой кожей, бронзовыми волосами и с этими потрясающими глазами. В то время как другие трибуты в том году должны были из кожи вон лезть, чтобы получить горстку зерна или немного спичек в качестве подарков, у Финника не было недостатка ни в чем: ни в пище, ни в лекарствах, ни в оружии. Потребовалось около недели, прежде чем его конкуренты поняли, что он тот, кого нужно убить, но было поздно. Он уже был отличным борцом с копьями и ножами, которые он нашел у Рога изобилия. Когда он получил парашют с трезубцем, который, вероятно, был самым дорогим подарком из всех, которые я видела на арене, все было кончено. Дистрикт 4 занимается рыбной ловлей. Он провел на лодках всю свою жизнь. Трезубец был естественным продолжением его руки. Он соткал сеть из виноградной лозы, которую нашел, и использовал ее, чтобы запутывать противников, затем протыкая их трезубцем. Буквально за несколько дней корона стала его.

С тех пор жители Капитолия пускали по нему слюни. Из-за его молодости, они не могли трогать его первый год или два. Но с тех пор, как ему исполнилось шестнадцать, он упорно тратил свое время на Игры, и они все отчаянно влюблялись в него. Никто не мог устоять перед ним долгое время. Он проходил через четырех или пяти из них за каждый свой визит. Будь они старыми или молодыми, красивыми или обычными, богатыми или не очень, он делил с ними компанию и принимал их экстравагантные подарки, но он никогда не оставался и как только уходил, он никогда больше не возвращался.

Я не могу утверждать, что Финник не один из самых потрясающих, чувственных людей на планете. Но я могу честно сказать, что он никогда не привлекал меня. Возможно, потому, что он уж слишком красив, или, возможно, его слишком легко получить, а возможно, на самом деле потому, что его слишком легко потерять.

- Нет, спасибо, - отказываюсь я от сахара. - Но, полагаю, я бы с удовольствием взяла у тебя этот наряд на время.

Он завернул в золотую сеть со специальным узлом на его паху, так что, можно сказать, что он технически полностью обнажен, и он настолько близко, насколько это вообще возможно. Я уверена, его стилист считает, что, чем больше Финника увидит аудитория, тем лучше.

- Ты очень пугаешь меня в этом костюме. Что случилось с милыми платьями маленькой девочки? - спрашивает он. Он слегка облизывает свои губы языком. Вероятно, это сводит с ума большинство людей. Но по некоторым причинам все, о чем я могу думать, - это старый Крэй, выделяющий слюну над бедными, голодными молодыми женщинами.

- Я переросла их, - отвечаю я.

Финник берет воротник моего костюма, держа его между пальцами.

- Это совсем не подходит для Двадцатипятилетия Подавления. Из тебя бы получился отличный бандит в Капитолии. Драгоценности, деньги, все, что пожелаешь.

- Я не люблю драгоценности, и у меня есть гораздо больше денег, чем мне нужно. А на что ты тратишь все свои, Финник? - говорю я.

- О, я не имел дело ни с чем столь же банальным, как деньги, в течение многих лет, - говорит Финник.

- Тогда чем же они платят тебе за удовольствие, полученное от твоей компании? - спрашиваю я.

- Тайнами, - говорит он мягко. Он наклоняет голову так, что его губы почти касаются моих. - А что насчет тебя, огненная Китнисс? У тебя есть какая-нибудь ценная тайна для моего времени?

По какой-то глупой причине я краснею, но, тем не менее, удерживаю себя в руках.

- Нет, я как открытая книга, - шепчу я в ответ. - Все, кажется, узнают мои тайны еще до того, как их узнаю я сама.

Он улыбается.

- К сожалению, думаю, это правда. - Он бросает взгляд в сторону. - Сюда направляется Пит. Мне жаль, что вам пришлось отменить свою свадьбу. Я понимаю, как тяжело это должно быть для вас. - Он закидывает еще один кубик сахара себе в рот и уходит.

Пит подходит ко мне, одетый в такой же костюм, как у меня.

- Что было нужно Финнику Одейру? - спрашивает он.

Я поворачиваюсь и подношу свои губы к Питу, опускаю веки, копируя Финника.

- Он предлагал мне сахар и хотел знать все мои тайны, - говорю я своим самым лучшим обольстительным голосом.

Пит смеется.

- Фу, ты не серьезно?

- Серьезно, - отвечаю я. - Я расскажу тебе больше, когда по моей коже перестанут бегать мурашки.

- Как думаете, мы бы закончили так же, если бы только один из нас победил? - говорит он, оглядывая остальных чемпионов. - Просто еще одной частью этого дурацкого шоу?

- Конечно, особенно ты, - говорю я.

- О, и почему особенно я? - спрашивает он с улыбкой.

- Потому что у тебя есть слабость к красивым вещам, а у меня нет, - говорю я с нотками превосходства. - Они бы заманили тебя на свой Капитолийский путь, и ты был бы навсегда потерян.

- Умение видеть красоту не является слабостью, - убеждает Пит. - За исключением, пожалуй, тех моментов, когда дело касается тебя. - Начинает звучать музыка, и я вижу, как открываются широкие двери для первой колесницы, сквозь которые слышен рев толпы. - Идем? - Он протягивает руку, чтобы помочь мне забраться в колесницу.

Я поднимаюсь наверх и тяну его за собой.

- Постой, - говорю я и поправляю его корону. - Ты видел свой костюм включенным? Мы снова будем невероятны.

- Совершенно. Но Порция говорит, что нам следует быть выше всего этого. Никаких помахиваний или что-то вроде, - произносит он. - И вообще, где они?

- Не знаю. - Я наблюдаю за процессией колесниц. - Возможно, нам лучше поехать вперед и включить себя.

Мы так и делаем, и, когда мы начинаем пылать, я могу видеть, как люди указывают на нас и перешептываются. Я понимаю, что мы снова станем главным предметом для разговоров на церемонии открытия. Мы почти у дверей. Я вытягиваю шею и верчу головой, но ни Порции, ни Цинны, которые были с нами до самой последней секунды в прошлом году, нет в поле моего зрения.

- Мы, как предполагается, снова держимся за руки в этом году?

- Думаю, это они нам оставили, - говорит Пит.

Я смотрю в эти голубые глаза, которые никакое количество косметики не может сделать понастоящему смертельно опасными, и вспоминаю, как всего год назад готовилась убить его, убежденная, что он будет пытаться убить меня. Теперь все совсем подругому. Я готова спасти его, зная, что платой за это будет моя собственная жизнь, но часть меня, которая не настолько храбра, как мне бы этого хотелось, рада, что рядом со мной Пит, а не Хеймитч. Наши руки находят друг друга без дальнейших обсуждений. Конечно, мы пойдем туда вместе.

Голоса толпы превращаются в один общий крик, когда мы выезжаем в исчезающем вечернем свете, но никто из нас не реагирует на это. Я просто смотрю в одну точку вдаль и притворяюсь, что вокруг нет никакой аудитории, никакой истерии. Я не могу не взглянуть мельком на огромные экраны: мы не просто красивы, мы опасны и властны. Нет, даже больше. Мы, несчастные влюбленные из Дистрикта 12, перенесшие так много, не ищущие одобрения поклонников, одаривая их своими улыбками или посылая поцелуи. Мы неумолимы.

И мне нравится это. Быть наконецто собой.

Пока мы объезжаем Круглую площадь, я могу видеть, что другие стилисты попытались украсть идею Цинны и Порции и осветить своих трибутов. Электрический свет, исходящий от Дистрикта 3, где они создают технику, по крайней мере имеет смысл. Но что животноводам из Десятого, одетым как коровы, делать с пылающими ремнями? Поджаривать себя? Это жалко.

Мы же с Питом гипнотизируем толпу постоянно меняющимися угольными костюмами, и даже большинство остальных трибутов смотрят на нас во все глаза. Особенно захватывающими мы кажемся паре из Дистрикта 6, кто, как известно, являются наркоманами, использующими морфлий. У обоих тонкие кости и обвисшая желтая кожа. Они не могут оторвать от нас огромных глаз, даже когда президент Сноу начинает говорить со своего балкона, приветствуя нас всех на Подавлении. Играет гимн, пока мы совершаем свою последнюю поездку по кругу... Я ошибаюсь? Или я правда вижу президента, зафиксировавшего свой взгляд на мне?

Пит и я дожидаемся, пока двери Тренировочного Центра не закроются, прежде чем расслабиться. Здесь Цинна и Порция, довольные нашей работой, и Хеймитч выглядит в этот раз гораздо лучше, только он не около нашей колесницы, он разговаривает с трибутами из Дистрикта 11. Я вижу, как он кивает в нашу сторону, и затем они отправляются за ним, чтобы поприветствовать нас.

Я знаю Чэфа в лицо, потому что провела годы, наблюдая по телевизору, как они с Хеймитчем передают туда сюда бутылки. У него темная кожа, он приблизительно шести футов [16] высотой, и одна из его рук заканчивается обрубок, потому что он потерял ее в Играх, в которых победил тридцать лет назад. Уверена, ему предлагали искусственную замену, вроде той, что они сделали Питу, когда были вынуждены ампутировать нижнюю часть его ноги, но, полагаю, Чэф не согласился на это.

Женщина, Сидер, выглядит так, словно она из Шлака, со своей оливковой кожей и темными прямыми волосами с пробивающейся сединой. Только ее золотистокарие глаза выдают в ней жительницу другого дистрикта. Ей должно быть около шестидесяти, но она все еще выглядит сильной, и нет никакого признака того, что она обращалась к ликеру, или морфлию, или любой другой химической форме спасения за эти годы. Прежде чем кто-то из нас произносит хоть слово, она обнимает меня. Я понимаю, так или иначе, что это, должно быть, изза Руты и Цэпа. До того, как я могу остановить себя, я шепчу:

- Семьи?

- Они живы, - мягко отвечает она, прежде чем отпустить меня.

Чэф обхватывает меня своей здоровой рукой и дарит мне долгий поцелуй прямо в губы. Я пораженно отдергиваюсь, пока он и Хеймитч дико ржут.

Это все, что мы успеваем сделать до того, как сопровождающие Капитолия решительно провожают нас к лифтам. У меня отчетливое чувство, что им неуютно находится рядом с духом товарищества, царящим между победителями, которых, кажется, это волнует гораздо меньше. Пока я иду к лифтам, попрежнему держась с Питом за руки, кто-то еще шагает рядом со мной. Девушка снимает головной убор, покрытый ветками с листвой, и бросает его за спину, не потрудившись посмотреть, куда он упадет.

Джоанна Мейсон. Дистрикт 7. Древесина и бумага, поэтому деревья. Она победила, очень убедительно разыгрывая из себя слабую и беспомощную, таким образом, ее все игнорировали. А затем она продемонстрировала всем свою жестокую способность убивать. Она взбадривает свои колючие волосы и закатывает широко расставленные карие глаза.

- Разве этот костюм не ужасен? Мой стилист - самый большой идиот в Капитолии. Наши трибуты были деревьями и за сорок лет до нее. Жаль, что мне не достался Цинна. Ты выглядишь фантастически.

Девчачьи разговоры. Этого я никогда не умела. Обмениваться мнениями об одежде, волосах, косметике. Так что, я вру.

- Да, он помогал мне проектировать свою собственную линию одежды. Ты бы видела, что он может сотворить с бархатом.

Бархат. Ткань. Все, что пришло мне в голову.

- О, я видела. В вашем Туре. То платье, без бретелек, которое ты надевала в Дистрикте 2? Темносиние с алмазами? Оно настолько великолепно, что мне хотелось пролезть сквозь экран и сорвать его с тебя, - говорит

Джоанна.

Держу пари, ты так и сделала бы, думаю я. Вместе с несколькими дюймами моей плоти.

Пока мы ждем лифт, Джоанна расстегивает молнию на остальной части своего дерева, позволяя костюму соскользнуть на пол, а затем с отвращением отшвыривает его ногой. За исключением ее лесных зеленых шлепанец, на ней не остается ни лоскутка одежды.

- Так лучше.

Мы входим в один лифт, и всю поездку до седьмого этажа она проводит, болтая с Питом о его картинах, пока свет его попрежнему пылающего костюма отражается от ее голой груди. Когда она выходит, я игнорирую его, зная, что он усмехается. Я отбрасываю его руку, как только двери позади Чэфа и Сидер закрываются, оставляя нас наедине. Он начинает смеяться.

- Что? - говорю я ему, выходя на нашем этаже.

- Это ты, Китнисс. Разве ты не видишь это? - произносит он.

- Что я? - спрашиваю я.

- Почему они все ведут себя таким образом? Финник с его сахарными кубиками, Чэф, целующий тебя, и все эти вещи с Джоанной, раздевающейся внизу. - Он пытается придать голосу более серьезный тон, безуспешно. - Они играют с тобой, потому что ты так... Ну, ты знаешь.

- Нет, не знаю. - Я действительно не имею ни малейшего понятия, о чем он говорит.

- Ну, это вроде того, как ты не смотрела на меня голого на арене, даже при том, что я был полумертв. Ты так... невинна, - наконец произносит он.

- Это не так! - говорю я. - Я фактически срывала с тебя одежду каждый раз, когда появлялась камера, в течение прошлого года.

- Да, но... Я имею в виду, ты невинна для Капитолия, - пытается он успокоить меня. - А для меня ты идеальна. Они просто дразнят тебя.

- Нет, они смеются надо мной. И ты тоже! - говорю я.

- Нет. - Пит качает головой, но все еще прячет улыбку. А я серьезно заново начинаю задумываться о том, кто должен выйти из этих Игр живым, когда открывается другой лифт.

Хеймитч и Эффи присоединяются к нам, выглядя чемто довольными. Потом лицо Хеймитча становится жестче.

Что я сделала на этот раз? Я почти спрашиваю это, когда вижу, что он смотрит за мою спину - на вход в столовую.

Эффи бросает взгляд в том же направлении, а затем весело произносит:

- Похоже, они предоставили вам новый набор в этом году.

Я поворачиваюсь и вижу рыжеволосую девушку, безгласую, которая помогала мне в прошлом году, пока не начались Игры. Я думаю о том, что хорошо иметь здесь друга. Я замечая, что у молодого человека, другого безгласого, тоже рыжие волосы. Он, должно быть, относится к тому, что Эффи называла «новым набором».

А потом холод проходит сквозь меня. Потому что его я тоже знаю. Не в Капитолии. А начиная с тех легких бесед в Котле, когда он подшучивал над супами Сальной Сэй, и заканчивая тем днем, когда я видела его лежащим без сознания на площади в то время, как жизнь вытекала вместе с кровью из Гейла.

Наш новый безгласый - Дариус.

Глава 16

Хеймитч хватая меня за запястье, как будто предупреждая мое следующее движение, но я столь же безмолвна, как и Дариус, которого мучители из Капитолия сделали таким. Хеймитч както сказал мне, что они делали чтото с языками безгласых, чтобы они больше никогда не могли говорить. В своей голове я слышу голос Дариуса, игривый, яркий, звенящий через весь Котел, чтобы подразнить меня. Не так, как мои товарищипобедители высмеивают меня теперь, а потому, что мы искренне нравились друг другу. Если бы Гейл увидел его...

Я знаю, что любое движение, которое я сделаю в сторону Дариуса, любой признак того, что я узнала его, приведет к его наказанию. Так что, мы просто смотрим друг другу в глаза. Дариус теперь немой раб, я приговоренная к смерти. Что мы, так или иначе, можем сказать? То, что мы сожалеем изза жребия, который нам

выпал? Что мы понимаем боль друг друга? Что мы рады, что у нас был шанс знать друг друга?

Нет, Дариусу не следует радоваться тому, что он знал меня. Если бы я была там, чтобы остановить Треда, он не вышел бы спасать Гейла. Он не был бы безгласым. И уж точно он не был бы моим безгласым, потому что президент Сноу, очевидно, разместил его именно тут специально для меня.

Я выкручиваю свое запястье из хватки Хеймитча и направляюсь к своей старой спальне, запирая за собой дверь. Я сижу на краю кровати, упершись локтями в колени, а лбом в кулаки, и рассматриваю свой пылающий костюм в темноте, представляя, что нахожусь в своем старом доме в Дистрикте 12, сидя у огня. Вокруг постепенно становится темно, потому что угольки медленно потухают.

Когда, в конце концов, Эффи стучит в мою дверь, зовя на обед, я встаю и снимаю свой костюм, аккуратно сворачиваю и кладу его на стол вместе с короной. В ванной я смываю темные полосы косметики с лица. Я надеваю простую рубашку и брюки, а затем направляюсь по коридору в столовую.

Я мало, что замечаю во время обеда, за исключением того, что Дариус и рыжеволосая безгласая сервируют наш стол. Полагаю, Эффи, Хеймитч, Цинна, Порция и Пит говорят о церемонии открытия. Но единственное время, когда я ощущаю себя здесь живой, это момент, когда я роняю блюдо с горохом на пол и, прежде чем кто-либо успеет меня остановить, наклоняюсь, чтобы поднять его. Дариус прямо передо мной, когда я роняю блюдо, и мы оба ненадолго оказываемся рядом, скрытые из виду, пока соскребаем горох. На секунду наши руки встречаются. Я могу почувствовать его кожу, грубую под масляным соусом блюда. В напряженной, отчаянной хватке наших пальцев все слова, которые мы никогда не сможем сказать друг другу. Затем раздается кудахтанье Эффи о том, что «это не твоя работа, Китнисс!» И он отпускает меня.

Когда мы собираемся, чтобы посмотреть повтор церемонии открытия, я втискиваюсь в промежуток между Цинной и Хеймитчем, потому что не хочу быть рядом с Питом. Весь этот ужас от ситуации с Дариусом относится ко мне и Гейлу, возможно, еще к Хеймитчу, но никак не к Питу. Он, вероятно, знал Дариуса, здоровался с ним, но Пит не был частью Котла, а мы были. Кроме того, я все еще рассержена на него изза того, что он смеялся надо мной так же, как другие победители, и последние вещи, которые мне сейчас нужны, - это его симпатия и комфорт. Я не передумала, насчет его спасения на арене, но я не должна ему ничего больше.

Пока я наблюдаю за процессией на Круглой площади, я думаю о том, как же это ужасно, что они одевают нас в костюмы и выставляют напоказ, заставляя катиться по улице на колесницах каждый год. Дети в костюмах - это глупо, но стареющие победители - вообще жалко. Некоторым, тем, кто помоложе, таким, как Финник и Джоанна, или тем, чьи тела еще не пришли в упадок, вроде Сидер и Брута, удается сохранить немного достоинства. Но большинство, те, кто находятся в тисках алкоголя, морфлия или болезни, выглядят нелепо в своих костюмах коров и кусков хлеба. В прошлом году мы обсуждали каждого соперника, сегодня же мы выдаем лишь редкие комментарии. Неудивительно, что толпа беснуется, когда показываемся мы с Питом, такие молодые, сильные и красивые в своих блестящих костюмах. Лучший образ того, как должны выглядеть трибуны.

Как только все заканчивается, я встаю, благодарю Цинну и Порцию за их потрясающую работу и отправляюсь в кровать. Эффи напоминает, что завтра на завтрак надо встать пораньше, чтобы разработать нашу учебную стратегию, но даже ее голос кажется пустым. Бедная Эффи. У нее, наконец, был приличный год во время наших с Питом Игр, и теперь все это разбито в дребезги, так что, даже она не может радоваться. С точки зрения Капитолия, я полагаю, это является настоящей трагедией.

Вскоре после того, как я ложусь спать, в мою дверь тихонько стучат, но я игнорирую это. Сегодня ночью мне Пит не нужен. Особенно, когда рядом Дариус. Это почти так же плохо, как будто Гейл здесь. Гейл. Как я, предполагается, должна отпустить его, когда Дариус бродит по коридорам, словно призраком?

В моих ночных кошмарах часто фигурируют языки. Сначала я наблюдаю, застывшая и беспомощная, как руки в перчатках проводят кровавое вскрытие во рту Дариуса. Затем я на вечеринке, где все в масках и кто-то, щелкая своим мокрым языком, Финник, как я предполагаю, преследует меня, но когда он ловит меня и снимает маску, это оказывается президент Сноу, с полных губ которого стекает кровавая слюна. И вот я уже снова на арене, мой язык сухой, как наждачная бумага. Я пытаюсь добраться до водоема, который становится с каждым разом все дальше, когда я собираюсь набрать воды.

Когда я просыпаюсь, я бегу в ванную и пью из крана до тех пор, пока не понимаю, что больше уже не могу. Я скидываю свою мокрую от пота одежду и возвращаюсь в кровать совсем голая, снова засыпая.

На следующее утро я откладываю поход на завтрак настолько, насколько это возможно, потому что я действительно не хочу обсуждать нашу учебную стратегию. Что тут обсуждать? Каждый победитель уже прекрасно знает, на что способны остальные. Или что он может использовать, так или иначе. Мы с Питом

просто продолжим изображать влюбленных, вот и все. В любом случае мне не хочется говорить об этом, особенно при Дариусе, стоящем рядом безмолвно. Я долго принимаю душ, надеваю костюм, который Цинна оставил для тренировок и, говоря в трубку, заказываю еду к себе в комнату. Через минуту появляется сосиски, яйца, хлеб, картофель, сок и горячий шоколад. Я наедаюсь, пытаюсь растянуть минуты до десяти часов, когда нам придется спуститься вниз Тренировочного центра. В девять тридцать Хеймитч колотит в мою дверь, очевидно, сытый по горло моими выкрутасами, и приказывает мне идти в столовую СЕЙЧАС ЖЕ ! Тем не менее, я еще чищу зубы, прежде чем выйти в коридор, и этим успешно убиваю еще пять минут.

В столовой пусто, за исключением Пита и Хеймитча, лицо последнего пылает от алкоголя и гнева. На руке у него браслет из чистого золота с нарисованным пламенем (это, наверно, то на, что он согласился, потакая «символьному» плану Эффи), и он недовольно крутит его. Это действительно очень красивый браслет, но такое движение делает его похожим скорее на кандалы, чем на украшение.

- Ты опоздала, - рычит он на меня.

- Прости. Я проспала после того, как кошмары с отрезанными языками мучили меня полночи. - Я хочу звучать враждебно, но мой голос сходит на нет в конце предложения.

Хеймитч посылает мне угрюмый взгляд, но потом смягчается.

- Ладно. Это не важно. Сегодня на тренировке у вас два задания. Первое - остаться влюбленными.

- Это очевидно, - говорю я.

- И второе - завести немного друзей, - продолжает Хеймитч.

- Нет, - возражаю я. - Я не доверяю ни одному из них, и я не могу выдержать большинство из них, лучше я буду работать только с нами двумя.

- Я тоже так сначала сказал, но... - начинает Пит.

- Но этого будет недостаточно, - настаивает Хеймитч. - Нас сей раз вам необходимо большее количество союзников.

- Зачем? - спрашиваю я.

- Затем, что вы явно в невыгодном положении. Ваши конкуренты знали друг друга в течение многих лет. Кого, потвоему, они выберут в качестве мишени с самого начала? - произносит он.

- Нас. И ничего из того, что мы собираемся предпринять, не заставит их отказаться от старой дружбы, - говорю я. - Так для чего напрягаться?

- Для того, чтобы вы смогли бороться. Толпа вас любит. Это попрежнему может сделать вас желанными союзниками. Но только в том случае, если вы сообщите другим, что сами хотите с ними объединиться, - отвечает Хеймитч.

- Ты имеешь в виду, что хочешь, чтобы мы были в команде профи в этом году? - спрашиваю я, неспособная скрыть собственное отвращение. Традиционно трибуты из Первого, Второго и Четвертого объединяют свои силы, иногда беря в команду и других особо выдающихся бойцов, и выслеживают слабых противников.

- Это было нашей стратегией, ведь так? Обучаться как профи? - парирует Хеймитч. - И кто говорит, что команда профи всегда формируется до начала Игр? Пит попал в том году к ним уже после.

Я думаю о ненависти, которую я испытывала к нему, когда узнала, что Пит примкнул к профи во время последних Игр.

- То есть мы должны войти в команду Финника и Брута? Это то, о чем ты говоришь?

- Не обязательно. Все они победители. Лучше создайте свою команду. Выберите тех, кто вам нравится. Я бы предложил Чэфа и Сидер. Хотя Финника тоже не стоит игнорировать, - объясняет Хеймитч. - Разыщите тех, кто будет вам чемто полезен, и объединитесь с ними. Не забывайте, вы больше не на ринге, полном испуганных детей. Эти люди - опытные убийцы, неважно, в какой они форме.

Вероятно, он прав. Только кому я могу доверять? Наверно, Сидер. Только вот действительно ли я хочу заключить с ней договор, если потом мне, возможно, придется ее убить? Нет. Тем не менее, я пошла на такую сделку с Рутой при тех же обстоятельствах. Я говорю Хеймитчу, что попробую, хотя думаю, что все это у меня плохо получится.

Эффи приходит раньше, чтобы отвести нас вниз, потому что в прошлом году, даже притом, что мы прибыли вовремя, мы были последними появившимися трибутами. Но Хеймитч говорит, что он не хотел бы, чтобы она вела нас вниз в помещения для тренировок. Никто из остальных победителей не придет с нянькой, и так как мы самые молодые, нам еще более важно выглядеть полагающимися только на себя. Так что, она ограничивает себя тем, что ведет нас к лифту, возясь с нашими волосами, и нажимает кнопку.

В такой короткой поездке на самом деле нет времени на беседу, и когда Пит берет мою руку, я не вырываю ее.

Я, возможно, могла игнорировать его вчера ночью, когда мы были наедине, но на тренировке мы должны выглядеть как одна команда.

Зря Эффи волновалась, что мы будем последними. Пока здесь только Брут и женщина из Дистрикта2, Энобария. Она выглядит примерно на тридцать, и все, что я о ней помню, - как она в рукопашном бою убила одного трибута, распоров ему горло зубами. Она так прославилась этим поступком, что после того, как стала победительницей, ее зубы косметически изменили таким образом, что теперь каждый был острым, словно клык, и инкрустирован золотом. У нее уж точно нет нехватки поклонников в Капитолии.

К десяти часам появляется только примерно половина трибутов. Атала - женщина, управляющая тренировками, начинает свою речь точно в срок, не заботясь о плохой посещаемости. Возможно, она этого ожидала. Я чувствую облегчение, потому что это означает, что есть около дюжины людей, с которыми мне не придется притворяться друзьями.

Я говорю Питу, что думаю, что нам лучше разделиться, тогда мы охватим большую территорию. Когда он уходит бросать копья с Брутом и Чэфом, я отправляюсь в секцию вязания узлов, которую едва ли кто-либо посещал. Мне нравится тренер, и он помнит меня, хорошо относясь ко мне, вероятно, потому, что я проводила с ним много времени в том году. Он доволен, когда я показываю ему, что все еще могу поставить капкан, который подвешивает противника за ногу на дереве. Очевидно, он учел поставленные мной ловушки в прошлом году, и теперь относится ко мне, как к продвинутому ученику, поэтому я прошу его показать мне не обычные узлы, которые могут пригодиться, а те, которые я никогда не использовала. Я была бы рада провести с ним вдвоем все утро, но примерно через полтора часа кто-то обнимает меня сзади, его пальцы с легкостью заканчивают самый сложный узел, над которым я корпела. Конечно же, это Финник, который, я полагаю, провел все свое детство, охотясь с трезубцем и умело обращаясь с канатами, завязывая их в невероятные узлы для сетей. Я минуту наблюдаю за тем, как он берет веревку, создает петлю, а потом делает вид, словно собирается повеситься, чтобы развлечь меня.

Закатывая глаза, я направляюсь в свободную секцию, где трибуты могут научиться разжигать огонь. Я уже прекрасно развожу костер, но я попрежнему завишу от спичек, чтобы приступить к его созданию. Так что, тренер заставляет меня работать с кремнем, сталью и немного обожженной тканью. Это гораздо сложнее, чем может показаться на первый взгляд, и даже при всей моей усердии у меня уходит около часа на то, чтобы получить огонь. Я поднимаю взгляд, торжествуя улыбаясь, и замечаю, что у меня компания.

Рядом со мной два трибута из Дистрикта3, пытающиеся начать борьбу с огнем со спичек. Я раздумываю над тем, чтобы уйти, но я на самом деле хочу попробовать использовать кремень еще раз, и если мне придется отчитываться перед Хеймитчем, с кем я пыталась подружиться, эти двое могли бы быть терпимым выбором. Оба невысокие, с мертвеннобледной кожей и черными волосами. Женщина, Вайрис, вероятно, одного возраста с моей мамой и говорит тихим, умным голосом. Но я тут же замечаю ее привычку обрывать речь на середине предложения, словно она забывает, что ты тут. Мужчина, Бити, старше и несколько беспокойнее. Он носит очки, но чаще всего смотрит под ними. Они немного странные, но я совершенно уверена, что никто из них не попытается смутить меня, раздевшись догола. И они из Третьего дистрикта. Возможно, они могли бы подтвердить мои подозрения о восстании в нем.

Я оглядываю зал. Пит находится в центре круга метателей ножей. Наркоманы из Шестого в секции маскировки, окрашивая лица друг друга яркорозовыми завитками. Мужчинутрибута из Дистрикта5 рвет вином на пол секции борьбы на мечах. Финник и пожилая женщина из его дистрикта стреляют из лука. Джоанна Мейсон, снова обнаженная и со смазанной маслом кожей, берет урок борьбы. Я решаю остаться на месте.

Вайрис и Бити составляют достойную компанию. Они кажутся дружелюбными, но не любопытными. Мы обсуждаем наши таланты. Они рассказывают мне, что оба изобретают вещи, рядом с которыми мой выдуманный интерес к моде оказывается довольно ничтожным. Вайрис говорит о каком-то устройстве для шитья, над которым она работает.

- Оно определяет плотность ткани и выбирает прочность... - произносит она, а затем полностью сосредотачивается на соломе, неспособная продолжить рассказ.

- Прочность нити, - заканчивает объяснять Бити. - Автоматически. Это исключает возможность человеческой ошибки. - Затем он рассказывает о своем недавнем достижении - создании музыкального чипа, который является настолько крошечным, что способен поместиться на блестящей монете, но при этом содержит в себе часы песен. Я вспоминаю Октавию, говорящую об этом во время свадебной фотосессии, и вижу возможность упомянуть о восстании.

- Ах, да. Моя przygotowательная команда была сильно расстроена несколько месяцев назад, я думаю, из-за того,

что они не могли заполучить его, - говорю я небрежно. - Полагаю, многие заказы в Дистрикт3 были приостановлены.

Бити изучает меня под своими очками.

- Да. А у вас были какие-нибудь подобные остановки в угольном производстве в этом году?

- Нет. Ну, мы потеряли несколько недель, когда они назначили нового Главу Миротворцев и его команду, но ничего серьезного, - говорю я. - Для производства, я имею в виду. Две недели сидения в своих домах и ничего неделания означает только две недели голодания для большинства людей.

Кажется, он понял, что я хотела сказать. Что у нас не было никакого восстания.

- О, это позор, - говорит Вайрис. - Я нашла ваш дистрикт очень... - Она затихает, отвлеченная чемто в своей голове.

- Интересным, - заканчивает Бити. - Мы оба нашли его таким.

Мне нехорошо оттого, что я понимаю, что их дистрикт, должно быть, пострадал намного больше, чем наш. Я чувствую, что должна защитить своих людей.

- Ну, нас в Двенадцатом не так уж много, - говорю я. - В отличие, знаете, от количества Миротворцев теперь. Но, полагаю, мы достаточно интересны.

Когда мы направляемся к станции постороения шалаша, Вайрис останавливается и смотрит в сторону скамеек, на которых сидят Распорядители Игр, которые иногда прохаживаются, едят и пьют, порой чтото записывают.

- Смотрите, - говорит она, делая слабый кивок в их направлении. Я смотрю и вижу Плутарха Хевенсби в великолепном пурпурном одеянии с меховым воротником, который указывает на то, что он Глава распорядителей Игр. Он ест ножку индейки.

Я не знаю, почему он заслужил внимание, но говорю:

- Да, он был выдвинут на пост Главы распорядителей Игр в этом году.

- Нетнет. Там, на краю стола. Ты попробуй просто... - говорит Вайрис.

Бити прищуривается, бросая взгляд под своими очками:

- Просто присмотреться.

Я озадачено смотрю в том направлении. Но потом я вижу его. Участок, площадью примерно шесть дюймов, около края стола, кажется, фактически вибрирует. Так, словно воздух рябит от крошечных видимых волн, искажающих острые края древесины и бокал вина, который кто-то там оставил.

- Силовое поле. Они настроили его между распорядителями Игр и нами. Интересно, что поспособствовало этому? - говорит Бити.

- Я, вероятно, - признаюсь я. - В прошлом году я запустила в них стрелу во время своего индивидуального показа. - Бити и Вайрис смотрят на меня с любопытством. - Я была спровоцирована. Так что, все силовые поля действительно имеют такое место, как это?

- Трещина, - неясно говорит Вайрис.

- В броне, на самом деле, - заканчивает Бити. - В идеале оно было бы невидимо, не так ли?

Я хочу расспросить их поподробнее, но объявляют обед. Я ищу Пита, но он зависает с группой, состоящей примерно из десяти других победителей, так что я решаю поесть с Дистриктом3. Может, мне удастся убедить Сидера присоединиться к нам. Когда мы доходим до столовой, я вижу, что у некоторых из компании Пита другая идея. Они сдвигают маленькие столики, формируя один большой, чтобы мы могли есть все вместе. Теперь я не знаю, что делать. Даже в школе я имела обыкновение избегать обедов за переполненными столами. Если честно, я, вероятно, сидела бы одна, если бы у Мадж не вошло в привычку подсаживаться ко мне. Думаю, я бы ела с Гейлом, но так как мы были в разных классах, время обеда у нас почти никогда не совпадало.

Я беру поднос и начинаю пробираться между загруженными едой тележками, заполняющими комнату. Пит настигает меня рядом с тушеным мясом.

- Ну, как дела?

- Хорошо. Прекрасно. Мне нравятся победители из Дистрикта3, - говорю я. - Вайрис и Бити.

- Серьезно? - спрашивает он. - Для остальных они своего рода объект насмешек.

- Почему меня это не удивляет? - отвечаю я. Я думаю о том, как Пит всегда был окружен толпой друзей в школе. Удивительно, на самом деле, что он замечал во мне что-то еще, кроме того, что я, вероятно, была странной для него.

- Джоанна прозвала их Гайка и Вольт, [17] - говорит он. - Думаю, она Гайка, а он Вольт.

- О, поэтому, конечно же, с моей стороны было глупо думать, что они могут быть полезны. Изза того, что сказала Джоанна Мейсон, пока смазывала свою грудь маслом для борьбы.

- Вообще, я думаю, это прозвище было в течение многих лет. Я не имел в виду, что это оскорбление. Я просто поделился информацией, - говорит он.

- Хорошо, Вайрис и Бити умны. Они изобретают вещи. Только взглянув на него, они смогли определить, что между нами и распорядителями Игр проведено силовое поле. И если у нас должны быть союзники, я хочу их. - Я бросаю черпак назад в горшок с тушеным мясом, обрызгивая нас обоих соусом.

- Изза чего ты так злишься? - спрашивает Пит, оттирая соус от своей рубашки. - Изза того, что я дразнил тебя в лифте? Я думал, ты просто посмеешься над этим.

- Забудь об этом, - говорю я, трясая головой. - Много всего...

- Дариус, - произносит он.

- Дариус. Игры. То, что Хеймитч заставляет нас объединяться с другими.

- Это можем быть только ты и я, ты же знаешь, - произносит он.

- Знаю, но, возможно, Хеймитч прав, - отвечаю я. - Не говори ему, что я это сказала, но так обычно и бывает, когда дело касается Игр.

- Хорошо, ты сможешь принять окончательное решение о наших союзниках. Но прямо сейчас я склоняюсь к Сидер и Чэфу, - говорит Пит.

- Я согласна на Сидер, но не на Чэфа, - произношу я. - Во всяком случае, пока нет.

- Сядь и поешь рядом с ним. Я обещаю, что не позволю ему снова тебя целовать, - говорит Пит.

Чэф не кажется таким уж ужасным за обедом. Он трезв и, хотя он говорит слишком громко и отпускает грязные шуточки, большинство из них направлено на него самого. Я могу понять, почему он так нравится Хеймитчу, чьи мысли были такими мрачными. Но я все еще не уверена, что готова объединиться с ним.

Я изо всех сил стараюсь быть более общительной, не только с Чэфом, но и со всей остальной группой. После обеда я иду в секцию определения съедобных насекомых с трибутами из Дистрикта 8: Сесилией, у которой дома осталось трое детей, и Вуфом - понастоящему старым человеком, который плохо слышит и, кажется, плохо понимает, что происходит, потому что продолжает запихивать себе в рот ядовитых жуков. Мне хотелось бы упомянуть, о том, что я встретила Твил и Бонни в лесах, но я не знаю, как это сделать. Кашмир и Глосс, брат и сестра из Первого, приглашают меня к себе, и мы некоторое время сооружаем гамаки. Они вежливы, но довольно холодны, а я провожу все свое время, думая о том, как убила трибутов из их дистрикта - Диадему и Марвела - в прошлом году и что они, наверное, знали их и, возможно, даже были их менторами. И мой гамак, и моя попытка поладить с ними в лучшем случае посредственны. Я присоединяюсь к Энобарии на тренировке с мечами и обмениваюсь несколькими комментариями, но очевидно, что ни одна из нас не хочет объединяться. Финник снова объявляется, когда я получаю рыбацкие советы, но главным образом для того, чтобы представить меня Мэг - пожилой женщине, которая тоже из Четвертого. Изза ее дистриктского акцента и искаженной речи (возможно, у нее был приступ), я могу разобрать не больше одного слова из четырех. Но, клянусь, она может сделать вполне приличный рыболовный крючок из чего угодно: шипа, дужки, сережки. Через некоторое время я отключаюсь от тренера и просто стараюсь копировать все, что делает Мэг. Когда я создаю довольно хороший крючок из изогнутого гвоздя и привязываю его к пряди своих волос, она посылает мне беззубую улыбку и дает неразборчивый комментарий, который, думаю, является похвалой. Внезапно я вспоминаю, как она добровольно предложила заменить молодую истеричную женщину из своего дистрикта. Не потому, что считала, что у нее есть хоть один шанс на победу. Она сделала это, чтобы спасти девушку, точно так же, как я вызвалась в том году заменить Прим. И я решаю, что хочу ее в свою команду.

Отлично, теперь я должна вернуться и сообщить Хеймитчу, что хочу сделать восьмидесятилетнюю женщину и Гайку с Вольтом своими союзниками. Ему это понравится.

Так что, я бросаю попытки завести друзей и перехожу к стрельбе из лука, чтобы вернуть себе немного здравого смысла. Это замечательно - иметь возможность попробовать использовать различные луки и стрелы. Тренер Такс, замечая, что неподвижные цели не являются для меня сложной задачей, начинает запускать этих дурацких поддельных птиц высоко в воздух, чтобы я стреляла в них. Сначала это кажется глупым, но потом даже забавным. Больше похоже на охоту за движущимся существом. Так как я попадаю во все, что он подбрасывает, он начинает увеличивать число птиц, посылаемых в воздух. Я забываю об остальном зале, о победителях, о том, какая я несчастная, и полностью погружаюсь в стрельбу. Когда мне удается подстрелить пят птиц за один раунд, я понимаю, что вокруг настолько тихо, что я могу расслышать каждый их удар об пол. Я поворачиваюсь и вижу, что большинство победителей остановилось, чтобы наблюдать за мной. На их лицах все возможные эмоции: от зависти до ненависти и восхищения.

После тренировки мы с Питом ждем, пока Хеймитч и Эффи выйдут на обед. Когда нас зовут есть, Хеймитч

тут же набрасывается на меня.

- Итак, по крайней мере половина победителей поручила своим менторам завербовать тебя в союзники. Я знаю, дело не в твоей солнечной индивидуальности.

- Они видели ее стрельбу, - говорит Пит с улыбкой. - Вообще-то, я видел, как она стреляет понастоящему впервые. И теперь сам собираюсь официально просить ее взять меня в союзники.

- Ты так хороша? - спрашивает Хеймитч. - Настолько хороша, что тебя хочет сам Брут?

Я пожимаю плечами.

- А я не хочу Брута. Я хочу Мэг и Дистрикт3.

- Ну, конечно, ты хочешь, - вздыхает Хеймитч и заказывает бутылку вина. - Я скажу всем, что ты все еще решаешь.

После моей демонстрации стрельбы некоторые продолжают поддразнивать меня, но я больше не чувствую, что меня высмеивают. На самом деле я чувствую, что, так или иначе, стала частью круга победителей. В течение следующих двух дней я провожу время почти со всеми, кто собирается на арену. Даже с наркоманами, которые при помощи Пита маскируют меня под поле желтых цветов. Даже с Финником, который дает мне час уроков с трезубцем в обмен на час обучения стрельбе из лука. И чем больше я узнаю этих людей, тем хуже. Потому что, в общем, я не ненавижу их. А коекто мне вообще нравится. И некоторые из них настолько поврежденные, что мой врожденный инстинкт - защищать их. Но всем им придется умереть, если я хочу спасти Пита.

Последний день обучения заканчивается нашими индивидуальными показами. Каждому будет дано по пятнадцать минут для того, чтобы предстать перед распорядителями Игр и поразить их своими навыками, но я не знаю, что любой из нас может показать им. Насчет этого звучит множество шуток во время обеда. Что мы можем сделать? Спеть, станцевать, устроить стриптиз, рассказать шутки. Мэг, которую я понимаю теперь намного лучше, решает, что она просто подремлет. Я не знаю, что собираюсь сделать. Немного постреляю, вероятно. Хеймитч велел нам удивить их, если сможем, но я свободна от какихлибо новых идей.

Как девушка из Дистрикта12, в списке я значусь последней. Столовая становится все тише и тише, пока трибуны выходят один за другим, отправляясь на свои показы. Легче поддерживать непочтительный, непобедимый образ действий, который мы все приняли, когда нас здесь много. Когда люди исчезают за дверьми, все, о чем я могу думать, сколько дней у них осталось, чтобы жить.

Наконец мы с Питом остаемся вдвоем. Он тянется через стол, чтобы взять мои руки.

- Уже решила, что покажешь распорядителям Игр?

Я качаю головой.

- В этом году выстрелить в них я не смогу. Изза силового поля и всего этого. Может, сделаю несколько рыболовных крючков. Что насчет тебя?

- Без понятия. Жаль, что я не могу испечь пирог или чтото еще, - говорит он.

- Замаскируйся, - предлагаю я.

- Если наркоманы оставят мне хоть что-то, с чем можно будет поработать, - отвечает он, усмехаясь. - Они были будто приклеены к той секции с самого начала обучения

Некоторое время мы сидим в тишине, а затем я выпаливаю то, что прочно засело у нас в головах:

- Как мы собираемся убить этих людей, Пит?

- Я не знаю. - Он прислоняется лбом к нашим переплетенным рукам.

- Я не хочу их в союзники. Зачем Хеймитч хотел, чтобы мы узнали их? - говорю я. - Это будет еще тяжелее, чем в прошлый раз. За исключением Руты, наверно. Но я думаю, что, так или иначе, никогда не смогла бы убить ее. Она была слишком похожа на Прим.

Пит поднимает на меня взгляд, на его лбу появляется складка.

- Ее смерть была самой ужасной, да?

- Ни одна из них не была особо приятной, - говорю я, думая о конце Диадемы и Катона.

Они вызывают Пита, и я сижу одна. Проходит пятнадцать минут. Потом полчаса. Почти сорок минут, прежде чем меня вызывают.

Когда я вхожу, я ощущаю резкий запах моющего средства и замечаю, что один из матов вытасчен на середину комнаты. Настроение очень отличается от прошлогоднего, когда распорядители Игр были наполовину пьяны и рассеянно брали кусочки еды с банкетного стола. Они перешептываются, выглядя несколько раздраженными. Что сделал Пит? Что-то, что им не понравилось?

Я чувствую укол беспокойства. Это не хорошо. Я не хочу, чтобы Пит выбирал себя целью для гнева распорядителей Игр. Это часть моей работы. Отводить огонь от Пита. Но как он расстроил их? Потому что я

хочу сделать то же самое, даже больше. Разрушить самодовольство этих людей, которые шевелят своими мозгами, чтобы найти забавные способы убить нас. Заставить их понять, что, как и мы уязвимы перед жестокостью Капитолия, они тоже не исключение.

Имеете ли вы хоть малейшее понятие о том, как я вас ненавижу? Думаю я. Вы, кто отдал свои таланты Играм?

Я пытаюсь поймать взгляд Хевенсби, но он, кажется, намеренно игнорирует меня, что он и делал за все время тренировок. Я помню, как он приглашал меня на танец, как радовался, когда показал мне сойкупересмешницу на часах. Его дружелюбию не место здесь. Как это возможно, когда я простой трибут, а он Глава распорядителей Игр? Такой властный, такой далекий, такой невредимый...

Внезапно я понимаю, что собираюсь делать. Коечто, что поможет вытащить Пита сухим из воды. Я подхожу к секции вязания узлов и беру длинную веревку. Я начинаю работать с ней, но это трудно, потому что на самом деле я никогда не делала этот узел самостоятельно. Я лишь наблюдала за умелыми пальцами Финника, а они двигались быстро. Примерно через десять минут у меня получается вполне приличная петля. Я вытаскиваю один из манекеновмишеней на середину комнаты и подвешиваю его так, чтобы он болтался на шее. Связывание его рук за спиной было бы прекрасным дополнением, но я боюсь, что у меня может закончиться время. Я тороплюсь к секции маскировки, где кто-то из трибутов, наверняка наркоманы, учинили жуткий беспорядок. Но я нахожу неполный контейнер с ягодами, дающими кровавокрасный сок, которые мне подходят. Ткань телесного цвета, служащая кожей манекена, предоставляет мне хороший впитывающий холст. Я аккуратно пальцами рисую слова на этом теле, загорая вид. А потом я быстро отхожу назад, чтобы видеть реакцию на лицах распорядителей Игр, пока они читают имя на кукле.

СЕНЕКА КРЭЙН

Глава 17

Эффект, произведенный на распорядителей Игр, был мгновенным и принесшим мне удовлетворение. Несколько из них выдают небольшие вскрики. Другие выпускают из рук бокалы, которые разбиваются, музыкально звеня, об пол. Двое, похоже, рассматривают вариант обморока. Но все, очевидно, шокированы.

Теперь Хевенсби обратил на меня внимание. Он смотрит на меня, пока сок от персика, который он раздавил в руке, бежит по его пальцам. Затем он откашливается и произносит:

- Можете идти, мисс Эвердин.

Я делаю почтительный поклон и разворачиваюсь, чтобы уйти, но в последний момент не могу устоять и бросаю контейнер с ягодами через плечо. Я могу слышать, как его содержимое попадает в манекен, в то время как еще пара бокалов разбивается. Когда двери лифта закрываются за мной, я вижу, что никто не сдвинулся с места.

Думаю, я их всетаки удивила. Это было опрометчиво, опасно, и, без сомнения, я заплачу за это десятки раз. Но в данный момент я чувствую что-то очень похожее на восторг и позволяю себе смаковать его.

Я хочу немедленно найти Хеймитча и рассказать ему о своем показе, но вокруг нет никого. Я полагаю, что все готовится к обеду, и решаю пойти принять душ, так как мои руки все в соке. Пока я стою под водой, я начинаю задумываться, был ли у моего поступка здравый смысл. Вопрос, который теперь всегда должен быть моим гидом: «Поможет ли это Питу остаться в живых?» Косвенно не поможет. То, что случается на тренировке, очень конфиденциально, поэтому им нет смысла принимать какие-то меры, чтобы наказать меня, если никто не будет знать о моем нарушении. На самом деле в прошлом году я вообще была вознаграждена за свою нахальность. Но это преступление все же совсем другое. Если распорядители Игр рассержены, они могут решить наказать меня на арене, и Пит, вероятно, тоже попадет под линию огня. Наверно, это было слишком импульсивно. И все же... Я не могу извиниться за то, что сделала это.

Когда мы все собираемся на обед, я замечаю, что руки Пита немного в пятнах разных цветов, даже притом, что волосы у него еще влажные от купания. Наверно, он всетаки, в конце концов замаскировался. Как только подадут суп, Хеймитч переходит к проблеме, занимающей умы всех присутствующих.

- Ну, так, как прошли ваши индивидуальные показы?

Я переглядываюсь с Питом. Так или иначе, я не тороплюсь перевести то, что я сделала, в слова. В спокойствии

столовой это кажется уж очень экстремальным.

- Ты первый, - говорю я Питу. - Ты, должно быть, сделал что-то действительно необычное, мне пришлось ждать в течение сорока минут, прежде чем войти.

Пит, кажется, охвачен тем же самым нежеланием говорить, которое испытываю я.

- Ну, ладно... Я сделал что-то вроде камуфляжа, как ты и предложила, - говорит он. - Ну, не совсем камуфляж... Я имею в виду, я использовал краски.

- Для чего? - спрашивает Порция.

Я вспоминаю, насколько раздражены были распорядители Игр, когда я зашла на свой показ. Запах чистящего средства. Мат, лежащий в центре зала. Может, он скрывал что-то, что у них не получилось отмыть?

- Ты нарисовал что-то, не так ли? Картину.

- Ты видела ее? - спрашивает Пит.

- Нет. Они сделали все, чтобы скрыть ее, - отвечаю я.

- Ну, так обычно и бывает. Они не могут сообщать другим, что сделал трибут, - говорит Эффи беззаботно. - Что ты нарисовал, Пит? - Она выглядит немного загадочной. - Это было изображение Китнисс?

- Зачем ему рисовать меня, Эффи? - спрашиваю я раздраженно.

- Чтобы показать, что он собирается сделать все, чтобы защитить тебя. Это то, что все в Капитолии ожидают, так или иначе. Разве он не вызвался добровольцем, чтобы пойти с тобой? - говорит Эффи так, словно это самая очевидная вещь в мире.

- Вообще-то, я нарисовал Руту, - произносит Пит. - То, как она выглядела после того, как Китнисс покрыла ее цветами.

За столом длинная пауза, пока все переваривают это.

- И чего именно ты пытался этим добиться? - спрашивает Хеймитч очень сдержанным голосом.

- Я не уверен. Я только хотел, чтобы они почувствовали ответственность, пусть даже на мгновение, - говорит Пит. - За то, что убили маленькую девочку.

- Это ужасно. - Эффи выглядит так, словно собирается заплакать. - Такие мысли... Это запрещено, Пит. Совершенно. Ты просто навлечешь еще большие неприятности на себя и Китнисс.

- Я вынужден согласиться с Эффи в этом вопросе, - произносит Хеймитч. Порция и Цинна попрежнему молчат, но их лица очень серьезны. Конечно, они правы. Но, даже несмотря на то, что я сильно переживаю из-за этого, я думаю, что то, что он сделал, удивительно.

- Полагаю, это не самое подходящее время упоминать о том, что я подвесила манекен и написала на нем имя Сенеки Крэйна, - говорю я. Это производит должный эффект. После мгновения неверия, все неодобрение в комнате обрушивается на меня, как тонна кирпичей.

- Ты... повесила... Сенеку Крэйна? - спрашивает Цинна.

- Да. Я продемонстрировала свои новые умения повязывать узлы, а он, так или иначе, действительно закончил свою жизнь с петлей на шее.

- О, Китнисс, - произносит Эффи практически беззвучно. - Как ты вообще об этом узнала?

- А что, это тайна? Президент Сноу не показывал этого. На самом деле, он, казалось, стремился к тому, чтобы я узнала об этом, - говорю я. Эффи уходит из-за стола, прижав салфетку ко рту. - Ну вот, я расстроила Эффи. Надо было соврать и сказать, что я просто стреляла из лука.

- Складывается впечатление, что мы запланировали все это, - произносит Пит, посылая мне лишь намек улыбки.

- А вы не планировали? - спрашивает Порция. Ее пальцы нажимают на закрытые веки, словно она защищается от очень яркого света.

- Нет, - говорю я, смотря на Пита с новым чувством признательности. - Никто из нас даже не знал, что собирается делать, прежде чем оказался внутри.

- И, Хеймитч, - произносит Пит, - мы решили, что не хотим никаких других союзников на арене.

- Хорошо. Тогда я не буду ответственен за то, что кто-то из моих друзей убьет вас из-за вашей глупости, - говорит он.

- Это именно то, о чем мы думали, - произношу я.

Мы заканчиваем есть в тишине, но когда мы поднимаемся, чтобы отправиться в гостиную, Цинна обнимает меня рукой и прижимает к себе.

- Давай, пойдём посмотреть на эти оценки.

Мы собираемся вокруг телевизора, и Эффи с красными глазами присоединяется к нам. Появляются лица

трибутов, дистрикт за дистриктом, и оценки под их фотографиями. Высший балл - двенадцать. Как и следовало ожидать, высокие оценки у Кашмир, Глосса, Брута, Энбарии и Финника. У остальных от самых низких до средних.

- Они когданибудь давали ноль? - спрашиваю я.

- Нет, но все когданибудь бывает в первый раз.

И он оказывается прав. Потому что, когда мы с Питом получаем по двенадцать баллов каждый, попадая в историю Голодных Игр, никто из нас все же не празднует.

- Зачем они делают это? - спрашиваю я.

- Затем, чтобы у остальных не осталось никакого выбора, кроме как сделать вас своими целями, - решительно говорит Хеймитч. - Идите спать. У меня нет сил смотреть ни на кого из вас.

Пит провожает меня до моей комнаты в полной тишине, но прежде чем он сможет пожелать мне спокойной ночи, я обнимаю его и кладу голову ему на грудь. Он кладет руки мне на спину и прикасается щекой к моим волосам.

- Мне жаль, если я сделала все еще хуже, - говорю я.

- Не хуже, чем я. Зачем ты сделала это, так или иначе? - произносит он.

- Я не знаю. Может, чтобы показать им, что я больше, чем пешка в их Играх? - отвечаю я.

Он немного смеется, без сомнения, вспоминая ночь перед Играми в прошлом году. Мы были на крыше, ни один из нас не мог уснуть. Пит сказал в тот момент коечто об этом, но тогда я не поняла, о чем он. Зато поняла теперь.

- Я тоже, - отвечает он мне. - И я не говорю, что не буду пытаться. Отправить тебя домой, я имею в виду. Но если быть понастоящему честным...

- Но если быть понастоящему честным, ты считаешь, что президент Сноу выдал прямое распоряжение о том, чтобы они удостоверились, что мы в любом случае умрем на арене, - продолжаю я.

- Это приходило мне в голову, - произносит Пит.

Это приходило и мне голову. Неоднократно. Но в то же время, пока я знала, что никогда не смогу покинуть арену живой, я попрежнему держалась за надежду, что Пит сможет. В конце концов, это не он вытащил ягоды, а я. Никто никогда не сомневался, что вызов, брошенный Питом, был побужден любовью. Так что, может быть, президент Сноу предпочтет оставить его в живых, сокрушенным и убитым горем, в качестве предупреждения для остальных.

- Но даже если это случится, все будут знать, что мы боролись, правильно? - спрашивает Пит.

- Все будут знать, - соглашаюсь я. И впервые я отдаляюсь от личной трагедии, которая снедала меня с тех пор, как объявили о Подавлении. Я вспоминаю старика, которого застрелили в Дистрикте 11, Бонни с Твил и все эти слухи о восстаниях. Да, все в дистриктах будут смотреть на меня и видеть, как я справляюсь со смертельным приговором, с последним актом превосходства президента Сноу. Они увидят некоторые знаки того, что их борьба не была напрасной. Если мне удастся показать, что я бросаю вызов Капитолию до конца, Капитолий убьет меня... но не мой дух. Какой способ может быть лучше, чтобы дать надежду мятежникам?

Прелесть этой идеи еще и в том, что мое решение сохранить Пита в живых за счет своей собственной жизни само по себе является актом неповиновения. Отказом играть в Голодные Игры по правилам Капитолия. Мой личный план действий полностью соответствует общественному. И если бы мне действительно удалось спасти Пита... с точки зрения революции это было бы идеально. Поэтому мертвой я буду полезнее. Они могут превратить меня в своего рода мученика за это дело и рисовать мое лицо на плакатах, чтобы сплотить людей, и это будет гораздо большим, чем то, что я могу сделать живой. А вот Пит будет полезнее живым. И скорбящим. Потому, что он сможет превратить свою боль в слова, которые изменят людей.

Пит бросил бы все это в ту же секунду, если бы знал, о чем я думаю, поэтому я просто говорю:

- Так что же нам делать с нашими последними несколькими днями?

- Я просто хочу провести каждую минуту моей оставшейся жизни с тобой, - отвечает Пит.

- Тогда пошли, - говорю я, затаскивая его в свою комнату.

Я чувствую, что это подобно роскоши - снова спать с Питом. Я не понимала до сих пор, как соскучилась по человеческой близости. Ощущению его рядом с собой в темноте. Я жалею, что потратила впустую последние ночи, не пуская его. Я проваливаюсь в сон, окутанная его теплотой, а когда открываю глаза снова, из окна уже льется солнечный свет.

- Никаких кошмаров, - говорит он.

- Никаких кошмаров, - подтверждаю я. - А у тебя?

- Ни одного. Я и забыл, на что похож настоящий ночной сон, - отвечает он.

Мы лежим там некоторое время, вовсе не спеша начинать новый день. Завтра вечером будет телевизионное интервью, так что, сегодня Эффи и Хеймитч должны тренировать нас. Много высоченных каблуков и саркастических комментариев, полагаю. Но входит рыжеволосая безгласая, чтобы передать нам послание от Эффи о том, что, в связи с нашим недавним Туром, они с Хеймитчем пришли к выводу, что мы уже вполне можем вести себя прилично на публике. Таким образом, тренировки были отменены.

- Серьезно? - говорит Пит, что-то рисуя на моей руке и рассматривая это. - Ты понимаешь, что это означает? У нас будет целый день для себя самих.

- Так плохо, что мы не можем никуда пойти, - произношу я задумчиво.

- Кто сказал, что не можем? - спрашивает он.

Крыша. Мы заказываем корзину с едой, захватываем несколько одеял и отправляемся на крышу для пикника. Весь день мы проводим на пикнике, сидя среди клумб с цветами и музыкальными подвесками, звенящими от ветра. Мы едим. Лежим на солнце. Я хватаю висящие виноградные лозы и, используя свою практику в создании узлов, плету сети. Пит рисует меня. Мы придумываем игру с силовым полем, которое окружает крышу: один из нас кидает яблоко в его сторону, а другой должен поймать фрукт.

Никто не беспокоит нас. К концу дня я лежу головой на коленях Пита, делая веночек из цветов, пока он играет с моими волосами, утверждая, что тренируется вязать узлы. Через некоторое время его руки исчезают.

- Что такое? - спрашиваю я.

- Хотел бы я остановить это мгновение, прямо здесь, прямо сейчас. И жить в нем всегда, - говорит он.

Обычно такие комментарии, в которых есть намеки на его бессмертную любовь ко мне, заставляют меня ощущать себя виноватой и ужасной. Но я чувствую себя так тепло и расслабленно. Не волнуемой по поводу будущего, которого у меня никогда не будет, и я просто позволяю слову выскользнуть:

- Хорошо.

Я могу слышать улыбку в его голосе.

- Так ты разрешаешь?

- Я разрешаю, - говорю я.

Его пальцы возвращаются к моим волосам, а я засыпаю, но он будит меня, чтобы смотреть на закат. На это захватывающе желтое и оранжевое пламя над горизонтом Капитолия.

- Я подумал, что ты не захочешь пропустить его.

- Спасибо, - говорю я. Поскольку я могу сосчитать на пальцах число тех закатов, которые мне остались, я не хочу пропустить ни одного из них.

Мы не спускаемся, чтобы присоединиться к остальным на ужине, и никто не зовет нас.

- Я рад. Я устал делать всех вокруг такими несчастными, - говорит Пит. - Все плачут. Или Хеймитч... - Ему не обязательно продолжать.

Мы остаемся на крыше до последнего. Потом мы идем спать, спокойно проскальзывая в мою комнату, ни с кем не сталкиваясь.

Следующим утром нас будит моя приготовительная команда. Наш с Питом спящий вид - слишком много для Октавии, потому что она мгновенно ударяется в слезы.

- Вспомни, что Цинна сказал нам! - в отчаянье кричит Вения. Октавия кивает и выходит, все еще рыдая.

Пит вынужден вернуться к себе в комнату, чтобы подготовиться, а я остаюсь наедине с Венией и Фливием. Обычная болтовня отложена. Практически мы вообще не разговариваем, кроме редких комментариев насчет того, как мне нужно повернуть подбородок. Уже почти обед, когда я чувствую, что что-то капает на мое плечо и оборачиваюсь, чтобы увидеть Флавия, обрезающего мои волосы, безмолвные слезы текут по его лицу. Вения кидает на него взгляд, и он аккуратно кладет ножницы на стол и уходит.

Тогда остается только очень бледная Вения. С непреклонной решимостью она работает с моими волосами, ногтями, макияжем. Ее пальцы буквально летают, стараясь компенсировать отсутствие ее товарищей по команде. Все время она избегает моего взгляда. И только когда Цинна приходит ко мне и отпускает ее, она берет мои руки, смотрит мне прямо в глаза и говорит:

- Мы все хотим, чтобы ты знала, что... для нас было честью делать тебя лучше.

И затем она поспешно выходит из комнаты.

Моя приготовительная команда. Мои глупенькие, недалекие, ласковые домашние любимцы с их одержимостью перьями и вечеринками почти разбили мне сердце своим прощанием. Конечно, после этих слов Вении становится совершенно очевидно, что все мы знаем, назад я не вернусь. Весь мир знает это? Мне

становится интересно. Я смотрю на Цинну. Он, конечно, знает. Но, так как он обещал, я не опасаюсь его слез.

- Так что я надена сегодня вечером? - спрашиваю я, следя за сумкой, в которой находится мой наряд.

- Президент Сноу лично выбрал твою одежду, - говорит Цинна. Он расстегивает молнию на сумке, доставая одно из подвенечных платьев, которое я одевала на фотосессии. Тяжелый белый шелк, глубокий вырез, заушенная талия и рукава, ниспадающие от моих запястий до пола. И жемчуг. Всюду жемчуг. Им расшито платье, из него сделано мое ожерелье и венец для фаты. - Даже несмотря на то, что про Двадцатипятилетие Подавления было объявлено в тот же вечер, когда показывали фотосессию, люди все равно продолжали голосовать за их любимые платье, это победило. Президент решил, что ты должна надеть его сегодня. Все наши возражения были проигнорированы.

Я прикасаюсь пальцами к кусочку шелка, пытаюсь понять логику президента Сноу. Полагаю, поскольку я была величайшей преступницей, мои боль, потери и унижения должны быть выставлены на всеобщее обозрение. Это, как он считает, все прояснит. Это так грубо, президент превратил мое свадебное платье в саван. [18] Такой удар для моих домашних, это отзывается у меня внутри тупой болью.

- Хорошо. Было бы очень досадно, если бы такое милое платье пропало даром.

Цинна помогает мне залезть в него. Когда оно оседает на моих плечах, они не могут не пожаловаться.

- Оно всегда было таким тяжелым? - спрашиваю я. Я помню, что некоторые платья были довольно плотными, но это весит целую тонну.

- Мне пришлось внести некоторые изменения для освещения, - говорит Цинна. Я киваю, но не могу увидеть, что же поменялось. Он дополняет мой наряд туфлями, украшениями и фатой. Заставляет меня пройти. - Ты восхитительна, - говорит он. - А теперь, Китнисс, так как этот корсаж сделан особым образом, я не хочу, чтобы ты поднимала руки над головой. Ну, во всяком случае, пока ты не будешь кружиться.

- Я снова буду кружиться? - спрашиваю я, вспоминая о своем прошлогоднем платье.

- Уверен, Цезарь попросит тебя об этом. А если он не сделает этого, предложи сама. Только не сразу же.

Оставь это для своего грандиозного финала, - инструктирует меня Цинна.

- Дай мне сигнал, чтобы я поняла, когда начинать, - говорю я.

- Хорошо. Есть какиенибудь идеи относительно твоего интервью? Я знаю, что Хеймитч оставил вас двоих решать все самостоятельно, - спрашивает он.

- Нет, в этот раз я просто плыву по течению. Забавно, но я вообще не нервничаю. - И это правда. Как бы президент Сноу ни ненавидел меня, аудитория Капитолия моя.

Мы встречаемся с Эффи, Хеймитчем, Порцией и Питом у лифтов. Пит в изящном смокинге и белых перчатках. Такие вещи женихи надевают на свадьбы здесь, в Капитолии.

У нас дома все намного проще. Женщины обычно берут на прокат белое платье, которое носили уже сотни раз. Мужчина надевает что-то чистое, что вовсе не означает костюм. Они заполняют какието формы в Доме Правосудия и определяются в дом. Семья и друзья собирается, чтобы пить и есть, и, возможно, для кусочка пирога, если молодожены могут себе это позволить. Даже если не могут, всегда есть традиционная песня, которую мы поем, когда молодая пара переступает порог своего дома. И у нас есть своя небольшая церемония, когда они разводят свой первый очаг, поджаривают немного хлеба и делят его. Возможно, это старомодно, но никто не будет чувствовать себя понастоящему женатым в Дистрикте 12 до конца поджаривания.

Другие трибуты уже собрались за кулисами и тихонько разговаривают, но когда приходим мы с Питом, они замолкают. Я вижу, как все пронзают взглядами мое свадебное платье. Неужели они завидуют его красоте? Его силе, которая, возможно, сможет управлять толпой?

Наконец Финник говорит:

- Не могу поверить, что Цинна засунул тебя в это.

- У него не было выбора. Это сделал президент Сноу, - произношу я, обороняясь. Я не позволю никому критиковать Цинну.

Кашмир отбрасывает свои струящиеся светлые локоны назад.

- Ну, ты выглядишь смешно! - Она хватается за своего брата и тянет его в сторону, чтобы вывести нашу процессию на сцену. Остальные трибуты тоже начинают выстраиваться в линию. Я запуталась, потому что, несмотря на то, что все они злы, некоторые сочувственно похлопывают нас по плечу, а Джоанна Мейсон вообще останавливается, чтобы поправить мое жемчужное ожерелье.

- Заставь его заплатить за это, ладно? - говорит она.

Я киваю, хоть и не понимаю, о чем она. Но только пока мы все не рассаживаемся на сцене и Цезарь Фликерман, волосы и лицо которого окрашены в этом году в лавандовый, не выдает свою вступительную речь и

не начинает интервью с трибунами. Только сейчас я понимаю глубину предательства, которое ощущают победители, и ярость, сопровождающую это чувство. Но они все настолько умны, настолько потрясающе умны в том, как они играют, потому что все это бросает тень на правительство и президента Сноу в частности. Но есть и те, вроде Брута и Энобарии, кто вернулся сюда ради еще одних Игр, и это для них тоже как опьянение, наркотики или потеря себя в боях. И тут еще достаточное количество победителей, у которых есть разум и сила для того, чтобы бороться.

Кашмир начинает с речи о том, как она не может перестать плакать каждый раз, когда думает о том, сколько людей в Капитолии сейчас страдает из-за того, что потеряет нас. Глосс вспоминает, как тепло тут принимали их с сестрой. Бити подвергает сомнению легальность Двадцатипятилетия Подавления в своей нервной, дергающейся манере и задается вопросом, было ли оно в полной мере изучено экспертами в последнее время. Финник читает стихотворение, которое он написал для своей настоящей любви, и около сотни женщин находятся в полуобморочном состоянии, уверенные, что он имеет в виду именно их. Когда встает Джоанна Мейсон, она спрашивает, можно ли сделать что-нибудь с этой ситуацией. Конечно, создатели Двадцатипятилетия Подавления никогда не предполагали, что между победителями и Капитолием возникнет такая любовь. Никто не может быть столь жесток, чтобы разорвать такие тесные связи. Сидер спокойно размышляет о том, что в Дистрикте 11 каждый считает президента Сноу всемогущим. Так, если он действительно всемогущ, почему он не изменит Подавление? И Чэф, который идет прямо следом за ней, настаивает на том, что президент может изменить Двадцатипятилетие, если захочет, но он, вероятно, не думает, что этот вопрос имеет значение для кого-либо.

К тому времени, когда представляют меня, аудитория уже практически полностью уничтожена. Люди плачут, падают в обморок и даже просят об изменении. Мой вид в шелковом свадебном платье фактически вызывает бунт. Не будет больше меня, не будет никаких несчастных влюбленных, живущих счастливо после всего, не будет никакой свадьбы. Я вижу, что даже профессионализм Цезарь дает трещины, пока он пытается уговорить их, чтобы я смогла говорить, но мои три минуты быстро уходят.

Под конец есть некоторое затишье, и он выдает:

- Ну что, Китнисс, очевидно это очень эмоциональная ночь для всех. Есть что-нибудь, что ты хотела бы сказать?

Мой голос дрожит, пока я говорю:

- Только то, что я сожалею, что у вас не будет возможности погулять на моей свадьбе... но я рада, что у вас хотя бы есть шанс увидеть меня в моем платье. Разве это... не самая красивая вещь на свете? - Мне не нужно смотреть на Цинну для сигнала. Я знаю, что это то самое время. Я начинаю кружиться, полнимая рукава над головой.

Когда я слышу крики толпы, я думаю, что это потому, что я, вероятно, выгляжу ошеломляюще. А потом я замечаю, что что-то поднимается вокруг меня. Дым. От пламени. Ни такого, какое было у меня в прошлом году на колеснице, а нечто более реальное, пожирающее мое платье. Я начинаю паниковать, когда дым сгущается. Обугленные шелковые куски летают в воздухе, а жемчуг стучит по сцене. Тем не менее, я не решаюсь остановиться, потому что моя плоть не горит, и я знаю, что Цинна предусмотрел все, что может произойти. Так что, я все кружусь и кружусь. На долю секунды я задыхаюсь, полностью охваченная странным пламенем. И затем внезапно огонь исчезает. Я медленно останавливаюсь, задаваясь вопросом, обнажена ли я и почему Цинна решил спалить мое свадебное платье.

Но я не обнажена. Я в одежде такого же дизайна, как мое свадебное платье, только теперь она цвета угля и состоит из крошечных перьев. С любопытством я поднимаю свои длинные свисающие рукава в воздух, и в этот момент я вижу себя на телевизионном экране. Я одета во все черное, не считая моих белых рукавов. Или мне следует говорить «крыльев»?

Потому что Цинна превратил меня в сойкупересмешницу.

Глава 18

Я все еще немного тлею, неуверенной рукой Цезарь тянется к моему головному убору, чтобы прикоснуться. Белая ткань сгорела, оставив точно такую же гладкую, но черную фату, которая скрывает вырез платья на спине.

- Перья, - произносит Цезарь. - Ты похожа на птицу.

- Сойкупересмешницу, полагаю, - говорю я, немного взмахивая крыльями. - Эта птица на броши, которую я ношу как символ.

Тень узнавания мелькает на лице Цезаря, и я понимаю, что он знает, что сойкапересмешница не только мой символ. Что она символизирует гораздо больше. То, что выглядит, как показное изменение костюма в Капитолии, будет рассмотрено совсем по-другому во всех дистриктах. Но он ведет себя, как ни в чем не бывало.

- Да, снимаю шляпу перед твоим стилистом. Я уверен, никто не сможет поспорить с тем фактом, что это самая захватывающая вещь из всех, что мы видели на интервью. Цинна, мне кажется, тебе стоит поклониться. - Он машет Цинне, чтобы тот встал. Тот поднимается и делает небольшой, грациозный поклон. И вдруг я начинаю бояться за него. Что он сделал? Нечто ужасно опасное. Это сам по себе акт восстания. И он сделал это для меня. Я вспоминаю его слова...

- Не волнуйся. Я всегда направляю эмоции на свою работу. Так я не причиняю никому боль, кроме себя самого.

...и я боюсь, что он причинил себе такую боль, что не сможет восстановиться. Президент Сноу не упустит значение моего пламенного преобразования.

Аудитория, сидевшая в полной тишине от потрясения, разражается бурными аплодисментами. Я могу слышать только гудок, извещающий о том, что три мои минуты окончены. Цезарь благодарит меня, и я возвращаюсь на свое место, платье теперь легче воздуха.

Когда я прохожу мимо Пита, который направляется на свое интервью, он не встречает мои глаза. Я аккуратно сажусь, но если не считать клубов дыма тут и там, я кажусь невредимой, поэтому я обращаю все свое внимание на него.

Цезарь и Пит были естественной командой с тех самых пор, как впервые появились вместе год назад. Их легкое взаимодействие, забавное времяпрепровождение и способность переходить к душещипательным моментам, вроде признания Пита в любви ко мне, имели огромный успех у публики. Они с легкостью начинают разговор с нескольких шуток о пожарах и перьях, а также приготовлении птицы. Но любой может заметить, что Пит чем-то озабочен, поэтому Цезарь уводит разговор прямо к теме, занимающей умы всех присутствующих.

- Пит, на что это было похоже? После всего, через что ты прошел, узнать о Подавлении? - спрашивает Цезарь.

- Я был шокирован. Я имею в виду, что в одну минуту я вижу, как невероятно красива Китнисс во всех этих свадебных платьях, а в следующую... - Пит затихает.

- Ты понял, что свадьбы никогда не будет? - говорит Цезарь мягко.

Пит молчит в течение некоторого времени, будто решает что-то. Он смотрит на замороженную публику, потом на жестяной пол и, в конце концов, поднимает взгляд на Цезаря.

- Цезарь, как ты думаешь, умеют наши друзья хранить секреты?

Неудобный смех идет из аудитории. Что он имеет в виду? Хранить секреты от кого? На нас же весь мир смотрит.

- Я чувствую себя совершенно в этом уверенным.

- Мы уже женаты, - говорит Пит спокойно.

Толпа реагирует изумлением, а мне приходится спрятать свое лицо в складках юбки, чтобы они не увидели моего смущения. Зачем он делает это?

- Но... как же это возможно? - спрашивает Цезарь.

- О, это не официальный брак. Мы не ходили в Дом Правосудия и все такое. Но у нас в Дистрикте 12 есть свадебный ритуал. Я не знаю, на что это похоже в других дистриктах. Но мы делаем вот что. - Он кратко описывает традиционное поджаривание.

- Ваши семьи присутствовали там? - интересуется Цезарь.

- Нет, мы никому не говорили об этом. Даже Хеймитчу. Да и мама Китнисс никогда не одобрила бы это. Но, понимаешь, мы знали, что если поженимся в Капитолии, тут не будет ритуала поджаривания. И никто из нас на самом деле не хотел больше ждать. Так что, в один прекрасный день мы просто сделали это, - говорит Пит. - И теперь мы гораздо более женаты, чем любой листок или большая вечеринка могли сделать нас.

- То есть это было еще до Подавления? - говорит Цезарь.

- Конечно, до Подавления. Уверен, мы никогда не поступили бы так, после того как узнали, - произносит Пит, огорчаясь. - Но кто мог ожидать такого? Никто. Мы прошли Игры, мы победили, все казалось в таком восторге, видя нас вместе, а затем прямо из ниоткуда... Я имею в виду, как мы могли ожидать такое?

- Вы не могли, Пит, - отвечает Цезарь. - Ты верно говоришь, никто не мог. Но я должен признаться, я рад, что

у вас двоих было хотя бы несколько счастливых месяцев вместе.

Невероятные овации. Будто бы воодушевленная, я выглядываю из своих перьев, позволяя толпе видеть мою печальную благодарную улыбку. Дым от перьев сделал мои глаза слезящимися, что является отличным дополнением.

- А я не рад, - говорит Пит. - Мне жаль, что мы не дождались того, чтобы сделать все официально.

Это застает врасплох даже Цезаря.

- Но ведь даже немного времени лучше, чем его полное отсутствие?

- Возможно, я бы думал также, Цезарь, - говорит Пит горько, - если бы не ребенок.

Ну вот. Он сделал это снова. Сбросил бомбу, которая сводит на нет все усилия других трибутов, выступавших до него. Ну, ладно, может быть и нет. Может быть, в этом году он только сорвал предохранитель с бомбы, которую создали сами победители. Надеюсь, что кто-нибудь осмелится ее взорвать. Вероятно, считая, что это буду я в своем свадебном платье. Не зная, насколько я завишу от талантов Цинны, тогда как Пит не нуждается ни в чем, кроме своего собственного ума.

Как только бомба взрывается, от нее во все стороны разлетаются несправедливость, варварство и жестокость. Даже самый большой поклонник Капитолия и Голодных Игр, даже самый кровожадный человек не может проигнорировать, хотя бы на мгновение, то, насколько это все ужасно.

Я беременна.

Публика не может проглотить новость сразу же. Она должна ударить по ним, затопить их и быть закреплена другими голосами, прежде чем они начинают звучать, как стадо раненых животных: стонут, визжат, просят о помощи. А я? Я знаю, мое лицо сейчас спроектировано на телевизионный экран, но я не прилагаю все возможные усилия, чтобы скрыть его. Потому что мгновение даже я пытаюсь осознать, что сказал Пит. Разве это не то, изза чего я так сильно боялась свадьбы? Того, что мои дети попадут на Игры? И это могло бы быть правдой, не так ли? Если бы я не потратила всю свою жизнь, выстраивая защитные стены, отказываясь даже от мыслей о браке и семье?

Цезарь вновь не может обуздать толпу, даже когда звучит гудок. Пит кивает на прощание и возвращается на свое место, ничего больше не говоря. Я вижу, как движутся губы Цезаря, но изза всеобщего хаоса, я не могу расслышать ни слова. Только взрыв гимна, включенного на полную громкость, так, что он заставляет мои кости вибрировать, сообщает нам о том, что должно происходить по программе. Я машинально поднимаюсь, как только я делаю это, я чувствую, как Пит тянется ко мне. Слезы струятся по его лицу, когда я беру его руку. Насколько эти слезы настоящие? Являются ли они подтверждением того, что его преследует тот же страх, что и меня? Тот, который есть у каждого победителя? У каждого родителя в каждом дистрикте Панема?

Я смотрю на толпу, но перед глазами стоят лица матери и отца Руты. Их горе. Их потеря. Я спонтанно поворачиваюсь к Чэфу и предлагаю свою руку. Я чувствую своими пальцами обрубок, который теперь является его рукой, и держусь за него.

И потом это происходит. Весь ряд победителей берет за руки. Некоторые сразу же, как наркоманы и Вайрис с Бити. Другие неуверенно, но соглашаясь с требованиями окружающих их, как Брут и Энобария. К тому времени, как гимн заканчивается, все двадцать четыре победителя стоят одной непрерывной линией, что, вероятно, является первым публичным знаком единства всех дистриктов со времен Темных Дней. Вы можете видеть осознание этого, когда все экраны начинают погружаться в черноту. Слишком поздно, тем не менее. Изза всего этого беспорядка они не отключили нас во время. Каждый видел это.

Теперь беспорядок и на сцене, свет гаснет, и нас отправляют обратно в Тренировочный центр. Я отпускаю руку Чэфа, но Пит ведет меня в лифт. Финник и Джоанна пытаются присоединиться к нам, но измотанный Миротворец перекрывает им путь, и мы едем наверх одни.

Как только мы выходим из лифта, Пит хватает меня за плечи.

- У нас не так много времени, поэтому скажи мне. Есть что-то, за что я должен извиниться?

- Ничего, - говорю я. Это был большой шаг, сделать такое без моего согласия, но я рада, что не знала об этом, не смогла предугадать его поступок, что никакая вина перед Гейлом не заставила меня помешать Питу сделать это. Он имел право.

Гдето, очень далеко, есть место под названием Дистрикт12, где мои мама, сестра и друзья будут иметь дело с последствиями этой ночи. А мы завтра будем в планолете, который перенесет нас на арену, где я, Пит и другие трибуты получают свое собственное наказание. Но даже если все мы встретим там ужасные концы, коечто произошло сегодня на сцене, и этого нельзя изменить. Мы, победители, организовали свое собственное восстание, и, возможно, только возможно, Капитолий не сможет сдержать его.

Мы ждем возвращения остальных, но когда лифт открывается, только Хеймитч выходит из него.

- Там настоящее безумие. Все отосланы домой, и они отменили повтор интервью по телевидению.

Мы с Питом спешим к окну, пытаюсь понять, что происходит внизу на улице.

- Что они говорят? - спрашивает Пит. - Просят, чтобы президент отменил Игры?

- Я не думаю, что они сами знают, о чем просят. Вся эта ситуация беспрецедентна. Даже сама идея выступления против поступков Капитолия приводит здешних людей в смятение, - говорит Хеймитч. - Но президент Сноу ни за что не отменит Игры. Вы же понимаете это, так?

Я понимаю. Конечно, они никогда не отступят теперь. Единственный выбор, оставшийся президенту, заключается в нанесении ответного удара, сильного ответного удара.

- Остальные разошлись по домам? - спрашиваю я.

- Таков был приказ. Не знаю, насколько им повезло протиснуться сквозь толпу, - говорит Хеймитч.

- Значит, мы никогда больше не увидим Эффи, - произносит Пит. Мы не видели ее в утро начала Игр в прошлом году. - Передай ей нашу благодарность.

- Даже больше. Сделай это на самом деле особенным. В конце концов, это же Эффи, - говорю я. - Скажи, насколько сильно мы ей благодарны, что она была самым лучшим сопровождающим, и скажи ей... скажи, что мы шлем ей свою любовь.

Некоторое время мы просто стоим там в тишине, оттягивая неизбежность. А затем Хеймитч говорит:

- Полагаю, мы тоже попросимся здесь.

- Какиенибудь последние слова наставлений? - спрашивает Пит.

- Оставайтесь живыми, - говорит Хеймитч грубо. Наша старая шутка. Он быстро обнимает каждого из нас, и я могу сказать, что это все, что он способен выдержать. - Идите спать. Вы нуждаетесь в отдыхе.

Я знаю, что должна сказать Хеймитчу целую охапку слов, но я не могу придумать ничего, что он еще не знает на самом деле, и мое горло так напряжено, что я сомневаюсь, что смогла бы выдавить хоть что-то. Так что, я снова позволяю Питу говорить за нас обоих.

- Береги себя, Хеймитч, - произносит он.

Мы пересекаем комнату, но в дверном проеме голос Хеймитча останавливает нас.

- Китнисс, когда будешь на арене, - начинает он. Затем делает паузу. Он хмурится таким образом, который всегда заставляет меня чувствовать, будто я разочаровала его.

- Что? - спрашиваю я, защищаясь.

- Просто помни, кто там враг, - говорит Хеймитч мне. - Это все. Теперь уходите. Убирайтесь отсюда.

Мы идем по коридору. Пит хочет зайти в свою комнату, чтобы избавиться от косметики и вернуться ко мне через несколько минут, но я не позволяю ему. Я уверена, что если дверь закроется между нами, она запрется, и я должна буду провести ночь без него. К тому же, в моей комнате есть душ. Я отказываюсь отпустить его руку.

Мы спим? Не знаю. Всю ночь мы держим друг друга в объятиях, находясь где-то между сном и явью. Не разговаривая. Оба боимся потревожить другого, в надежде сохранить несколько минут отдыха для него.

Цинна и Порция прибывают на рассвете. И я знаю, что Питу нужно уйти. Трибуты выходят на арену поодиночке. Он дарит мне легкий поцелуй.

- Скоро увидимся, - говорит он.

- Скоро увидимся, - отвечаю я.

Цинна, который поможет мне одеться для Игр, сопровождает меня на крышу. Я собираюсь встать на лестницу планолета, когда вспоминаю.

- Я не попрощалась с Порцией.

- Я передам ей, - говорит Цинна.

Электрический ток заставляет меня застыть, пока врач вводит в мое левое предплечье следящее устройство. Теперь они всегда смогут узнать, где я нахожусь на арене. Планолет взлетает, и я смотрю в окна, пока они не темнеют. Цинна продолжает пытаться заставить меня поесть, а когда терпит поражение, попить. Я соглашаюсь выпить воды, вспоминая о днях мучавшей меня жажды, которая чуть не убила меня в прошлом году. Я думаю о том, что нуждаюсь в своих силах, чтобы спасти Пита.

Когда мы достигаем Стартового комплекса на арене, я принимаю душ. Цинна заплетает сзади мои волосы и помогает мне надеть простую нижнюю одежду. Униформа трибутов этого года - синие комбинезоны, сделанные из очень легкого материала, с молнией впереди. Костюм дополняется шестидюймовым [19] поясом, покрытым блестящим пурпурным пластиком. И парой нейлоновых ботинок на резиновой подошве.

- Что думаешь? - спрашиваю я, протягивая Цинне ткань, чтобы он потрогал ее.

Он хмурится, потирая тонкую материю пальцами.

- Не знаю. Она не особо может защитить от холода или воды.

- А от солнца? - спрашиваю, представляя палящее солнце в пустыне.

- Возможно. Если этот вариант рассматривался, - говорит он. - Ох, чуть не забыл. - Он достает мою золотую брошь в форме сойкипересмешницы из кармана и прикрепляет ее к комбинезону.

- Вчера вечером мое платье было фантастическим, - произношу я. Фантастическим и безрассудным. Но Цинна и сам должен это знать.

- Я подумал, что тебе понравится, - говорит он с напряженной улыбкой.

Мы сидим так же, как мы делали это в прошлом году, держась за руки, пока голос не велит мне готовиться к запуску. Он ведет меня к круглой металлической пластине, и я застегиваю молнию на своем комбинезоне до конца, до самой шеи.

- Помни, огненная Китнисс, - говорит Цинна. - Я все еще ставлю на тебя. - Он целует меня в лоб и отстраняется, поскольку вокруг меня опускается прозрачный цилиндр.

- Спасибо, - отвечаю я, хотя он, вероятно, не может меня услышать. Я поднимаю свой подбородок, держа голову высоко, как он всегда учил, и жду, когда пластина начнет подниматься. Но этого не происходит. И попрежнему не происходит.

Я смотрю на Цинну, вопросительно поднимая брови. Он только немного качает головой, будучи столь же озадаченным, как и я. Почему они мешкают?

Внезапно дверь за его спиной открывается, и трое Миротворцев появляются в комнате. Двое из них заламывают руки Цинны ему за спину и связывают их, в то время как третий бьет его в висок с такой силой, что тот падает на колени. Но они продолжают избивать его перчатками с металлическими шипами, оставляя глубокие раны на его лице и теле. Я кричу, желая помешать им, барабаню по стеклу и пытаюсь добраться до него.

Миротворцы полностью игнорируют меня, они тащат обмякшее тело Цинны из комнаты. Все, что остается здесь, - это кровавые следы на полу.

Я чувствую тошноту и очень напугана, когда понимаю, что пластина начинает подниматься. Я попрежнему прислоняюсь к стеклу, когда ветер ловит мои волосы. Я заставляю себя выпрямиться. Как раз вовремя, потому что стекло опускается, и я стою, свободная, на арене. Кажется, с моим зрением что-то не так. Земля слишком яркая, блестящая и волнистая. Я бросаю взгляд вниз на ноги и вижу, что металлическую пластину окружают синие волны, омывающие мои ботинки. Медленно я поднимаю свои глаза и понимаю, что вода окружает меня со всех сторон.

В моей голове формируется одна единственная ясная мысль.

Это не место для огненной Китнисс.

Часть III

Враг

Глава 19

- Леди и джентльмены, семьдесят пятые Голодные Игры объявляются открытыми! - Голос Клавдия Темплсмита, ведущего Голодных Игр, бьет по моим ушам. У меня меньше минуты, чтобы решить, что делать. Когда ударит гонг, трибуны будут свободны и смогут перемещаться со своих металлических пластин. Но куда?

Я не могу нормально думать. Образ Цинны, избитого и окровавленного, поглощает меня. Где он теперь? Что они с ним делают? Мучают? Убивают? Превращают в безгласого? Очевидно, нападение на него было организовано так, чтобы выбить меня из колеи, так же, как и присутствие Дариуса в моих покоях. И это действительно выбило меня из колеи. Единственное мое желание сейчас - обрушиться на свою металлическую пластину. Но я не могу позволить себе сделать это после того, чему я только что была свидетелем. Я должна быть сильной. Я должна это Цинне, который рисковал всем, подрывая авторитет президента Сноу, когда

превращал мое свадебное платье в оперение сойкипересмешницы. И я должна это мятежникам, которые, ободренные примером Цинны, сейчас смогли бы бороться и свергнуть власть Капитолия. Отказ играть в Игры по правилам Капитолия будет последним актом моего восстания. Так что, я стискиваю зубы и заставляю себя стать игроком.

Где ты? Я до сих пор не понимаю смысла окружающего. Где ты?! Я требую ответа от себя самой, и постепенно мир попадает в фокус. Синяя вода. Розовое небо. Раскаленное до бела солнце. Хорошо, вот он - Рог изобилия, яркий золотой металлический рог находится на расстоянии приблизительно сорока ярдов. [20] Сначала кажется, что мы находимся на круглом острове. Но при ближайшем рассмотрении, я вижу тонкие полосы земли в круге, словно спицы в колесе. Думаю, их десятьдвенадцать, и они кажутся равноудаленными друг от друга. Между спицами везде вода. Вода и пара трибутов между ними.

Вот оно что. Есть двенадцать спиц, между каждыми двумя пара трибутов, балансирующих на металлических пластинах. Другой трибут на моем водном пространстве - старый Вуф из Дистрикта8. Он на том же расстоянии справа от меня, как и полоса земли слева. Помимо воды, куда не взглянешь, узкий пляж, а за ним густая растительность. Я просматриваю круг трибутов, ища Пита, но он, видимо, закрыт от моего взгляда Рогом изобилия.

Я зачерпываю пригоршню воды, когда волна подкатывает к моим ногам, и чувствую этот запах. Потом я прикасаюсь кончиком своего мокрого пальца к языку. Как я и думала, эта вода морская. Точно такая же, как та, с которой мы с Питом столкнулись во время нашей краткой экскурсии к берегам Дистрикта4. Но эта хотя бы кажется чистой.

Нет никаких лодок, никаких веревок или даже сплавного леса, чтобы уцепиться. Нет, есть только один способ добраться до Рога изобилия. Когда звучит гонг, я, ни секунду не колеблясь, ныряю в левую сторону. Это расстояние гораздо длиннее, чем то, к которому я привыкла, и, вероятно, продвижение сквозь такие волны требует большего умения, чем плавание в спокойном озере дома, но мое тело кажется необычно легким, и я прорываюсь сквозь воду без особых усилий. Возможно, это изза соли. Я, промокшая, вылезаю на полосу земли и бегу по песку к Рогу изобилия. Я не вижу больше никого, приближающегося сюда, хотя золотой рог скрывает большую часть моего обзора. И все же, я не позволяю мыслям о противниках замедлить меня. Теперь я думаю, как профи, и первое, что я хочу, - получить оружие.

В прошлом году вещи были разложены вокруг Рога изобилия, самое ценное было к нему ближе всего. Но в этом году трофеи, похоже, свалили в двадцатифутовую [21] гору. Мои глаза замечают золотой лук, который я могу просто достать рукой, и я с легкостью выдергиваю его.

Сзади меня кто-то есть. Не знаю, как я это поняла, может, по шороху песка или колебанию воздуха. Я вытягиваю стрелу из колчана, который все еще находится в груди вещей, и кладу ее на лук, пока разворачиваюсь.

Финник, блестящий и великолепный, стоит в нескольких ярдах от меня с трезубцем, направленным для атаки. Сеть свисает с другой его руки. Он улыбается, но мышцы его верхней части тела затвердели в ожидании.

- Ты тоже умеешь плавать, - говорит он. - Где ты научилась этому в Двенадцатом Дистрикте?

- У нас большая ванна, - отвечаю я.

- А, ну да, - говорит он. - Нравится арена?

- Не очень. А тебе, наверно, нравится. Ее, должно быть, построили специально для тебя, - говорю я с горечью. Но это действительно выглядит именно так, когда кругом вода и совсем немногие из участников умеют плавать. И в Тренировочном центре не было никакого бассейна, никакого шанса научиться. Либо вы пришли сюда уже пловцом, либо вы должны стать очень быстрым учеником. Даже участие в начальном кровопролитии зависит от того, сможешь ли ты переплыть двадцать ярдов воды. Это дает Дистрикту4 огромное преимущество.

Мгновение мы, замерев, оцениваем друг друга, наше оружие, наши навыки. И затем Финник внезапно усмехается:

- Повезло нам, что мы будем союзниками. Верно?

Чувствуя ловушку, я собираюсь выпустить свою стрелу, надеясь, что она попадет в его сердце до того, как он пронзит меня трезубцем, когда он двигает своей рукой, и что-то на его запястье блестит в солнечном свете. Браслет из чистого золота с изображением пламени. Такой же, как тот, который, я помню, был на запястье Хеймитча утром, когда мы начали тренировки. На мгновение я думаю, что Финник мог украсть его, чтобы сыграть со мной злую шутку, но на самом деле я знаю, это не так. Хеймитч дал это ему. Как знак для меня. Приказ, если быть точным. Доверять Финику.

Я слышу еще одни приближающиеся шаги. Мне нужно решать.

- Верно! - выплевываю я, потому что, даже притом, что Хеймитч - мой ментор, это возмущает меня. Почему он не сказал мне раньше, что заключил этот договор? Потому что мы с Питом отказались от союзников. И Хеймитч выбрал их сам.

- Пригнись! - командует Финник властным голосом, настолько отличающимся от его обычного обольстительного мурлыканья, что я подчиняюсь. Его трезубец, свистя, пролетает над моей головой, и я слышу вызывающий тошноту звук, поскольку оружие находит свою цель. Мужчина из Дистрикта 5, пьянчуга, которого рвало на пол секции борьбы на мечах, падает на колени, пока Финник достает трезубец из его груди.

- Не доверяй Первому и Второму, - говорит Финник.

Нет времени подвергать это сомнению. Я работаю над освобождением колчана со стрелами.

- Каждый берет себе одну сторону? - спрашиваю я. Он кивает, и я бросаюсь вокруг груди. Около четырех спиц освобождено. Энобария и Глосс только сейчас добираются до земли. Или они медленные пловцы, или они считали, что вода может быть пронизана другими опасностями, а это, вероятно, так и есть. Иногда не слишком хорошо просматривать все варианты. Но сейчас, когда они уже на песке, они появятся тут в течение нескольких секунд.

- Есть что-нибудь полезное? - Слышу я крик Финника.

Я быстро просматриваю грудь со своей стороны, находя булавы, мечи, луки и стрелы, трезубцы, ножи, копья, топоры, металлические объекты, названия которых я не знаю... и больше ничего.

- Оружие! - кричу я в ответ. - Ничего, кроме оружия!

- И здесь то же самое, - подтверждает он. - Хватай, что тебе нужно, и бежим!

Я стреляю в Энобария из лука, которая уже достаточно близко, но она ожидает этого и ныряет обратно в воду, прежде чем стрела попадет в цель. Глосс не настолько быстр, поэтому я пронзаю его голень до того, как он погружается в воду. Я перекидываю через плечо еще один лук и дополнительный колчан, заправляю два длинных ножа и шило себе за пояс, и встречаюсь с Финником спереди груди.

- Ты можешь что-нибудь с этим сделать, не так ли? - спрашивает он. Я вижу, что Брут несется к нам. Его пояс снят, и он держит его обеими руками впереди, словно щит. Я стреляю в него, но ему удается отбить стрелку ремнем, прежде чем она насадит его печень на вертел. Из дыры, где пояс проколот, брызгает пурпурная жидкость, заливая его лицо. Пока я перезаряжаю лук, Брут падает на землю, катится к краю воды и ныряет. Я слышу лязг металла, падающего у меня за спиной.

- Давай убираться отсюда, - говорю я Финнику.

Последняя перебранка дала время Энобарии и Глоссу добраться до Рога изобилия. Брут, находящийся, в пределах моего выстрела, и где-то рядом, конечно, Кашмир. Эти четверо классических профи, несомненно, заключат союз. Если бы речь шла только о моей безопасности, я бы рассмотрела идею взять их на нашу с Финником сторону. Но я думаю о Пите. Я нахожу его сейчас попрежнему стоящим на своей металлической пластине. Я бегу к полосе песка, а Финник безоговорочно следует за мной, будто зная, каким будет мой следующий шаг. Когда я уже близко, я начинаю вытаскивать ножи изпод своего пояса, собираясь плыть, удержать его и каким-то образом притащить сюда.

Финник кладет руку мне на плечо.

- Я возьму его.

Подозрение вспыхивает во мне. А вдруг все это всего лишь уловка. Чтобы заслужить мое доверие, а потом уплыть и утопить Пита.

- Я сама, - настаиваю я.

Но Финник бросает все свое оружие на землю.

- Лучше не напрягаться. В твоём положении, - говорит он, опускаясь и глядя мой живот.

Ой, точно. Я же, предположительно, беременна, думаю я. Пока я пытаюсь понять, что же это теперь означает и как я должна вести себя, както играть или что-то еще, Финник подбегает к краю воды.

- Прикрой меня, - говорит он и исчезает, ныряя просто безупречно.

Я поднимаю свой лук, собираясь отражать любое нападение со стороны Рога изобилия. Но никто, кажется, не заинтересован нас преследовать.

Я абсолютно уверена, Глосс, Кашмир, Энобария и Брут уже собрались, уже оформили договор и теперь набирают оружие. Быстрый обзор остальной части арены показывает, что большинство трибутов попрежнему в ловушке собственных металлических пластин. Хотя нет, не все, кто-то стоит слева от меня, точно напротив Пита. Мэг. Но она не пытается добраться до Рога изобилия или бежать. Вместо этого она шлепается в воду и начинает плыть в мою сторону, возвышаясь своей седовласой головой над волнами. Ну, да, она стара, но,

полагаю, после восьмидесяти лет проживания в Дистрикте4, она может держаться наплаву.

Финник уже добрался до Пита и теперь, взяв его на буксир, плывет обратно, одной рукой обхватив его грудную клетку, другой продвигая их обоих сквозь волны, гребя ей с легкими шлепками. Пит не сопротивляется. Не знаю, что Финник сказал или сделал, чтобы убедить его отдать свою жизнь в его руки... возможно, показал ему браслет. Или, может быть, было достаточно одного вида меня, ждущей здесь. Когда они достигают песка, я помогаю Питу выбраться на сушу.

- И снова здравствуй, - говорит он мне, целуя. - У нас есть союзники.

- Да. Как и хотел Хеймитч, - отвечаю я.

- Напомни мне, мы с кемнибудь еще сделки заключали? - спрашивает Пит.

- Думаю, только с Мэг, - произношу я, кивая в сторону пожилой женщины, упорно пробивающейся к нам.

- Ну, я не могу бросить Мэг, - говорит Финник. - Она одна из немногих людей, кому я на самом деле нравлюсь.

- У меня нет проблем с Мэг, - отвечаю я. - Особенно теперь, когда я вижу арену. Ее рыболовные крючки, вероятно, лучший способ добывания еды для нас.

- Китнисс захотела ее в союзники в первый же день, - говорит Пит.

- Китнисс имеет невероятно хороший вкус, - произносит Финник. Он тянется одной рукой к воде и вытаскивает Мэг так, будто она весит не больше щенка.

Она дает некоторый комментарий, который, как мне кажется, включает в себя слово «баланс», затем хлопывает по своему поясу.

- Смотрите, а ведь она права. Коекто это понял. - Финник указывает на Бити. Он только качается на волнах, но держит голову над водой.

- Что? - спрашиваю я.

- Пояса. Это устройства для плавания, - поясняет Финник. - То есть вам придется продвигаться самому, но они помешают вам утонуть.

Я почти прошу Финнику подождать, чтобы взять Бити и Вайрис с собой, но Бити в трех спицах от нас, а Вайрис я вообще не вижу. Насколько я понимаю, Финник убьет их так же быстро, как и трибута из Пятого, так что, вместо этого я предлагаю двигаться. Я вручаю Питу лук, колчан со стрелами и нож, остальное цепляю на себя. Но Мэг тянет меня за рукав и лепечет что-то, видимо, прося, чтобы я отдала ей шило. Довольная, она засовывает его в голенище своего сапога и тянет руки к Финнику. Он перебрасывает сеть через плечо, следом поднимает Мэг вверх и хватается за зубец свободной рукой, и мы бежим от Рога избытка.

Как только заканчивается песок, резко начинают возвышаться деревья. На самом деле это не лес. Во всяком случае, не тот, который я знаю. Джунгли. Иностранное, почти устаревшее слово приходит мне на ум. Наверно, я слышала его на предыдущих Играх или научилась от отца. Большинство деревьев мне незнакомо, у них гладкие стволы и почти нет ветвей. Земля под ногами очень черная и потрескавшаяся, часто незаметная под переплетенными лозами красочных цветов. В то время как солнце раскаленное и яркое, воздух теплый и влажный, и у меня возникает ощущение, что я никогда здесь не высохну. Тонкая синяя ткань моего комбинезона позволяет морской воде с легкостью испаряться, но одежда уже начинает прилипать ко мне изза пота.

Пит берет на себя инициативу, прорубая заросли своим большим ножом. Я позволяю Финнику идти вторым, потому что, хотя он и самый сильный из нас, у него на руках Мэг. Кроме того, как бы ловко он не обращался с трезубцем, его оружие меньше подходит джунглям, чем мое. Не так много времени, учитывая крутой подъем и жару, уходит на то, чтобы получить отдышку. Но мы с Питом много тренировались, а Финник в такой потрясающей физической форме, что даже с Мэг на плечах, он просит передышки только после того, как мы проходим около мили. [22] И то, я думаю, это скорее для Мэг, чем для него самого.

Листва скрыла колесо из вида, так что я залезаю на дерево, которое гнется, словно резиновое, чтобы выяснить, что происходит. Но потом жалею об этом.

Вокруг Рога избытка земля кажется кровотокающей; у воды пурпурный цвет. Тела лежат на песке и плавают в море, но на таком расстоянии, учитывая, что все одеты совершенно одинаково, я не могу разобрать, кто жив, а кто мертв. Все, что я могу увидеть, - это что несколько крошечных синих фигурок еще борются. Ладно, на что я рассчитывала? Что та цепь из победителей, стоящих рука к руке вчера вечером, приведет к своего рода всеобщему перемирию на арене? Нет, я никогда не верила в это. Но я полагала, я надеялась, что люди могли бы показать некоторую... Что? Сдержанность? Нежелание, по крайней мере. Прежде чем начинать резню. Ведь вы все знали друг друга, думаю я. Вы действовали как друзья.

У меня здесь есть только один настоящий друг. И он не из Четвертого Дистрикта.

Я позволяю легкому влажному бризу охладить мои щеки, пока я принимаю решение. Несмотря на браслет, я должна покончить с этим и застрелить Финника. У этого союза на самом деле нет никакого будущего. И он слишком опасен, чтобы его отпускать. Теперь, когда у нас есть это неуверенное доверие, возможно, это единственный шанс для меня убить его. Я легко могу выстрелить ему в спину, пока мы идем. Это, конечно, подло, но разве не будет еще подлее, если я подожду? Узнаю его получше? Буду больше ему должна? Нет, сейчас самое время. Я бросаю последний взгляд на борющиеся фигуры, окровавленный песок, чтобы укрепить свое решение, и затем соскальзываю на землю.

Но когда я приземляюсь, я вижу, что Финник шел в ногу с моими мыслями. Как будто он знает, что то, что я видела, затронет меня. Он держит один из его трезубцев поднятым в небрежно защитном положении.

- Ну и что там происходит, Китнисс? Они все держатся за руки? Дают клятву отказа от насилия? Бросают оружие в море, не повинуясь Капитолию? - спрашивает Финник.

- Нет, - говорю я.

- Нет, - повторяет Финник. - Потому что, что бы ни случилось в прошлом, оно в прошлом. И никто на этой арене не стал победителем случайно. - Он бросает взгляд на Пита на мгновение. - Кроме, возможно, Пита.

Финник знает все, что знаем мы с Хеймитчем. О Пите. Который на самом деле в глубине души намного лучше, чем все остальные здесь. Финник заколол того трибута из Пятого, не моргнув глазом. И сколько времени потребовалась мне, чтобы самой стать смертельно опасной? Я стреляла в Энобарию, Глосса и Брута именно для того, чтобы убить. Пит хотя бы попробовал бы поговорить с ними сначала. Показал бы, что возможен более широкий союз. Но для чего? Финник прав. Я права. Люди на это арене были коронованы не за сострадание.

Я удерживаю его взгляд, оценивая, насколько он быстр по сравнению со мной. Рассчитываю время, которое потребуется на то, чтобы моя стрела попала ему в голову, и время, которое уйдет у него на пробивание моего тела трезубцем. Я могу видеть, что он ждет, что я сделаю первый шаг. Вычисляет, должен ли он сначала защититься или сразу перейти к нападению. Я чувствую, как мы оба работаем над этим решением, когда Пит преднамеренно встает между нами.

- Так сколько погибло? - спрашивает он.

Отойди, идиот, думаю я. Но он остается стоять четко между нами.

- Сложно сказать, - отвечаю я. - Как минимум шестеро, полагаю. И они все еще сражаются.

- Давайте продолжим путь, нам необходима вода, - говорит он.

Пока не было никакого признака пресного ручья или водоема, только морская вода, непригодная для питья. Снова я думаю о прошлых Играх, на которых я чуть не умерла от обезвоживания.

- Лучше найти ее быстрее, - говорит Финник. - Нам нужно будет спрятаться, когда остальные будут охотиться на нас сегодня ночью.

Мы. Нас. Охота. Ладно, возможно, решение убить Финника было несколько преждевременным. Пока он был полезен. И у него действительно есть штамп одобрения Хеймитча. И кто знает, что может произойти ночью? Если придется, в худшем случае, я могу убить его во сне. Так что, я упускаю этот момент. И Финник тоже.

Отсутствие воды усиливает мою жажду. Я внимательно смотрю по сторонам, пока мы продолжаем свой путь вверх, но безуспешно. После приблизительно еще одной мили я вижу конец линии деревьев и предполагаю, что мы добрались до вершины холма.

- Возможно, с другой стороны нам повезет больше. Найдем источник или еще что-то.

Но здесь нет никакой другой стороны. Я понимаю это раньше остальных, даже несмотря на то, что я дальше всех от вершины. Мои глаза замечают висящий в воздухе и покрытый рябью квадрат, похожий на искаженное оконное стекло. Сначала я думаю, что это блики от солнца или испарения, идущие от земли. Но оно остается на месте, не перемещается, когда я двигаюсь. И тогда я связываю квадрат с Бити и Вайрис в Тренировочном центре и понимаю, какой обман перед нами. Предупреждающий крик только затрагивает мои губы, когда нож Пита взлетает, чтобы разрубить лозу.

Резкий неожиданный звук. На мгновение деревья исчезают, и я вижу открытое пространство на небольшом участке голой земли. Затем Пита отшвыривает назад от силового поля, а Финник и Мэг падают на землю.

Я мчусь туда, где он неподвижно лежит на сплетении виноградных лоз.

- Пит?

Чувствуется запах опаленных волос. Я снова зову его по имени, слегка тряся его, но он не реагирует. Мои пальцы прикасаются к его губам, из которых не выходит теплый воздух, хотя всего несколько минут назад он тяжело дышал. Я прижимаю ухо к его груди, к месту, к которому я всегда прислоняю свою голову, туда, где, я

знаю, я услышу сильный, устойчивый стук его сердца.

Вместо этого я слышу тишину.

Глава 20

- Пит! - пронзительно кричу я. Я трясу его сильнее, даже бью по лицу, но это бесполезно. Его сердце не бьется. Я лечу в пропасть. - Пит!

Финник помогает Мэг опереться о дерево и отталкивает меня в сторону.

- Дай я. - Его пальцы касаются шеи Пита, потом передвигаются к костям в его ребрах и позвоночнике. Затем он зажимает ноздри Пита.

- Нет! - воплю я, кидаясь на Финника, убежденная, что он собирается удостовериться, что Пит умер, уничтожить любую надежду на то, что жизнь может к нему вернуться. Рука Финника поднимается и ударяет мне в грудную клетку так сильно, что я отлетаю прямо в ствол стоящего рядом дерева. На мгновение я оглушена болью, я пытаюсь восстановить дыхание, когда вижу, как Финник снова закрывает нос Пита. С места, на котором сижу, я вытягиваю стрелу, кладу ее на тетиву и уже собираюсь запустить, когда меня поражает вид Финника, целующего Пита. Это очень странно, даже для Финника, так что, я останавливаю свою руку. Нет, он не целует его. Он закрыл нос Пита, но запрокинул ему голову и открыт рот, он вдвухает воздух ему в легкие. Я вижу это, я на самом деле вижу, как грудь Пита то поднимается, то опускается. Затем Финник расстегивает молнию на верхней части комбинезона Пита и начинает надавливать на место рядом с его сердцем своими ладонями. Теперь, когда мое потрясение улеглось, я понимаю, что он пытается сделать.

Очень редко я видела, как мама пробует это. Если твое сердце останавливается в Дистрикте 12, мало вероятно, что твоя семья успеет доставить тебя к моей маме вовремя. Так что, ее пациенты обычно обожженные, раненные или просто больные. Ну, или голодающие, конечно.

Но в мире Финника все иначе. Независимо оттого, что он делал сейчас, он делал это раньше. Определенный ритм и метод. И я замечаю, что опускаю стрелу на землю и наклоняюсь, отчаянно ища какиенибудь признаки успеха. Проходят минуты агонии, в то время как мои надежды исчезают. Примерно в тот момент, когда я решаю, что уже слишком поздно, и Пит мертв, ушел, больше никогда не вернется, он выдает небольшой кашель, а Финник отклоняется.

Я оставляю свое оружие в грязи, бросаясь к нему.

- Пит, - говорю я нежно. Я убираю влажные светлые волосы с его лба и нахожу пульс, стучащий на шее у меня под пальцами. Его ресницы дрожат, поднимаясь, и его глаза встречают мои.

- Осторожно, - слабо произносит он. - Впереди силовое поле.

Я смеюсь, но по щекам у меня катятся слезы.

- Похоже, намного более сильное, чем то, на крыше Тренировочного центра, - говорит он. - Но все же я в порядке. Просто слегка тряхануло.

- Ты был мертв! Твое сердце остановилось! - взрываюсь я, прежде чем думаю, хорошая ли это идея. Я захлопываю свой рот рукой, потому что начинаю издавать те ужасные звуки, которые появляются, когда я рыдаю.

- Ну, зато теперь оно, кажется, работает, - говорит он. - Оно в порядке, Китнисс. - Я киваю, но звуки не прекращаются. - Китнисс? - теперь Пит волнуется обо мне, что добавляет во все это еще больше безумия.

- Все нормально. Это просто ее гормоны, - произносит Финник. - Изза ребенка.

Я поднимаю взгляд и смотрю на него, сидящего на коленях, но все еще слегка задыхающегося от подъема, жары и усилий, приложенных для возвращения Пита из мертвых.

- Нет. Это не... - начинаю я, но обрываюсь, разражаясь еще более истеричными рыданиями, что, кажется, только подтверждает то, что сказал Финник о ребенке. Он встречает мои глаза, и я смотрю на него сквозь слезы. Это глупо, я знаю. То, что все его старания делают меня настолько раздосадованной. Все, что я хотела, это помочь Питу выжить, но я не смогла, а Финник смог, и я должна быть благодарной. И я благодарна. Но я так разозлена потому, что это означает, что я всегда буду должна Финнику Одейру. И как я теперь смогу убить его во сне?

Я ожидаю увидеть самодовольное или саркастическое выражение на его лице, но его взгляд странно насмешлив. Он переводит взгляд от меня к Питу, как будто пытается чтото понять, затем немного трясет

головой, словно пытается очистить ее.

- Как ты? - спрашивает он Пита. - Думаешь, сможешь идти дальше?

- Нет, ему нужно отдохнуть, - говорю я. Из моего носа ужасно течет, а у меня нет даже клочка ткани, чтобы использовать его как платок. Мэг срывает мох со ствола дерева и протягивает мне. Я в таком состоянии, что даже не спорю. Я громко сморкаюсь и стираю слезы со своего лица. Это хороший мох. Впитывающий и удивительно мягкий.

Я замечаю золотой отблеск на груди Пита. Я тянусь и достаю круг, висящий на цепочке у него на шее. На нем выгравирована моя сойкапересмешница.

- Это твой символ? - спрашиваю я.

- Да. Ты же не возражаешь против того, что я использовал твою сойкупересмешницу? Мне хотелось, чтобы мы соответствовали, - говорит он.

- Нет, конечно, не возражаю, - я вымучиваю улыбку. Пит, появившийся на арене, носящим сойкупересмешницу, является и благословением, и проклятием. С одной стороны, это должно окрылить мятежников в дистриктах. С другой стороны, трудно представить, что президент Сноу упустит это из виду, и, значит, работа по сохранению Пита живым становится сложнее.

- То есть, получается, вы хотите разбить лагерь прямо здесь? - спрашивает Финник.

- Я сомневаюсь, что это хороший выбор, - отвечает Пит. - Пребывание здесь. Без воды. Без защиты. Я действительно чувствую себя нормально. Мы могли пойти медленно.

- Медленно будет лучше, чем совсем никак. - Финник помогает Питу подняться на ноги, пока я стараюсь взять себя в руки. С тех пор, как я встала сегодня утром, я наблюдала за тем, как Цинну избили до полусмерти, попала на еще одну арену и видела смерть Пита. Тем не менее, я рада, что Финник продолжает разыгрывать карту беременности для меня, потому что с точки зрения спонсоров, я не слишком хорошо справляюсь со всеми вещами.

Я проверяю свое оружие, которое, я и так это знаю, находится в идеальном состоянии, но это помогает мне взять все под контроль.

- Я пойду первая, - объявляю я.

Пит начинает возражать, но Финник обрывает его:

- Нет, позволь ей это. - Он хмурится, глядя на меня. - Ты же поняла, что там было силовое поле, не так ли? Прямо в последнюю секунду. Ты хотела предупредить. - Я киваю. - Как ты это поняла?

Я колеблюсь. Показывать, что я знаю хитрость Бити и Вайрис в распознавании силового поля, может быть опасно. Я не знаю, заметили ли распорядители Игр, как те двое указали мне на это, или нет. Так или иначе, у меня есть очень ценная информация. А если они узнают об этом, они смогут изменить силовое поле таким образом, что я не смогу больше видеть этот изъян. Поэтому я лгу:

- Не знаю. Как будто я могу слышать это. Слушайте. - Мы все замолкаем. Здесь звуки насекомых, птиц, ветра, листвы.

- Я ничего не слышу, - говорит Пит.

- Да нет же, - настаиваю я. - Это похоже на то, как по забору Дистрикта12 бежит ток, только тише. - Все снова внимательно прислушиваются. Я делаю вид, что тоже пытаюсь, хотя на самом деле услышать тут ничего нельзя. - Вот! - говорю я. - Разве вы не слышите? Звук идет справа, оттуда, где ударило Пита.

- Я тоже ничего не слышу, - произносит Финник. - Но если тебе это удастся, то ты, определенно, должна идти первая.

Я решила играть до конца.

- Это поразительно, - говорю я, поворачивая голову из стороны в сторону, будто озадаченная. - Я могу слышать это только левым ухом.

- Тем, которое восстанавливали врачи? - спрашивает Пит.

- Да, - отвечаю я, а потом пожимаю плечами. - Вероятно, они сделали работу даже лучше, чем предполагали. Знаете, иногда я действительно слышу этой стороной необычные вещи. Те, у которых звука быть не должно. Вроде крыльев насекомых. Или снега, падающего на землю. - Прекрасно. Теперь все внимание будет обращено на хирургов, которые восстанавливали мое ухо после Игр в прошлом году, и именно им придется объясняться, почему я могу слышать так же хорошо, как летучая мышь.

- Ты, - говорит Мэг, подталкивая меня вперед, чтобы я пошла первая. Так как мы путешествуем медленно, Мэг предпочитает идти, опираясь на ветвь, из которой Финник быстро соорудил трость для нее. Он также сделал трость и для Пита, потому что, несмотря на все его заявления, видно, что единственное, что хочется Питу, -

лечь. Финник идет последним, что ж, хотя бы кто-то прикрывает наши спины.

Пока я иду, силовое поле слева от меня, потому что это должно быть той стороной, где у меня ухо супермена. Но так как я все это придумала, я срезаю связки орехов, которые висят, как виноград, на соседнем дереве, и бросаю их влево, пока иду. Это правильное решение, потому что я чувствую, что не замечаю пятна, свидетельствующие о силовом поле, чаще, чем замечаю их. Всякий раз, когда орех попадает в силовое поле, он начинает дымиться и падает к моим ногам, почерневший и с треснутой скорлупой.

Через несколько минут я слышу чмокающий звук позади себя и разворачиваюсь, чтобы увидеть, как Мэг очищает орех от скорлупы и закидывает его себе в уже полный рот.

- Мэг! - кричу я. - Выплюни это. Они могут быть ядовитыми.

Она что-то бормочет и игнорирует меня, облизывая губы с явным удовольствием. Я смотрю на Финника, обращаясь за помощью, но он только смеется.

- Вот, полагаю, так мы и узнаем, - говорит он.

Я иду дальше, размышляя о Финнике, который спасает старую Мэг, но позволяет ей есть странные орехи. На того, на кого Хеймитч поставил штамп одобрения. Того, кто вернул Пита из мертвых. Почему Финник не позволил Питу умереть? Тот был бы мертв на сто процентов. Я никогда бы и не предположила, что восстановление Пита было во власти Финника. И почему он был столь настроен объединиться со мной? Тоже желая убить меня, если до этого дойдет. Но если мы будем драться, он оставит выбор мне.

Я продолжаю идти, бросая орехи, иногда мельком видя силовое поле, пытаюсь найти место слева, где мы сможем пройти, сбежать от Рога избытка и, надеюсь, найти воду. Но после часа или около того, я понимаю, что это бесполезно. Мы не сможем пройти влево. На самом деле силовое поле, кажется, сопровождает нас на протяжении всего изогнутого пути. Я останавливаюсь и оборачиваюсь, смотря на хромающую Мэг и блестящего от пота Пита.

- Давайте сделаем перерыв, - говорю я. - Мне нужно взглянуть сверху.

Я выбираю дерево, которое кажется выше остальных. Я цепляюсь за ветки, стараясь держаться как можно ближе к стволу, насколько это вообще возможно. Не говоря уже о том, как эти ветви гнутся, будто резиновые. Тем не менее, я поднимаюсь выше разумного, потому что мне нужно кое-что увидеть. Когда я цепляюсь за участок ствола, не шире саженица, покачиваясь назад и вперед на ветру, мои подозрения подтверждаются. Я вижу причину, по которой мы не сможем повернуть налево, никогда не сможем. С этого неустойчивого пункта наблюдения я могу впервые рассмотреть арену полностью. Идеальный круг. С идеальным колесом посередине. Небо над окружностью джунглей равномерно окрашено в розовый цвет. И я думаю о том, что смогла заметить в нем один или два этих вибрирующих квадрата, трещин в броне, как называли из Бити и Вайрис, потому что они обнаруживают то, что должно быть скрыто, и, следовательно, являются слабостью. Просто чтобы быть совершенно уверенной, я пускаю стрелу в пустое пространство над линией деревьев. Вспышка света и проблеск настоящего голубого неба, стрела падает обратно в джунгли. Я спускаюсь, чтобы сообщить остальным дурные вести.

- Силовое поле держит нас в ловушке в кругу. В куполе, если быть точным. Я не знаю, насколько он высок. Все, что нас окружает, - Рог избытка, море и джунгли. Круг очень точный. Очень симметричный. И не очень большой.

- Ты видела какую-нибудь воду? - спрашивает Финник.

- Только морскую, там, где мы начали Игры, - отвечаю я.

- Должен быть какой-то другой источник, - говорит Пит, хмурясь. - Иначе мы все будем мертвы буквально за несколько дней.

- Ну, листва довольно плотная. Возможно, где-то тут есть водоемы или ручьи, - говорю я с сомнением. Я инстинктивно понимаю, что Капитолий хотел бы закончить эти не получившие популярность Игры как можно быстрее. Плутарху Хевенсби уже, вероятно, был отдан приказ избавиться от нас всех поскорее. - Но в любом случае, нет смысла пытаться выяснить, что находится с той стороны холма, потому что ответ - ничего.

- Должна быть питьевая вода между силовым полем и колесом, - настаивает Пит. Мы все знаем, что это означает. Возвращение обратно вниз. К профи и кровопролитию. С Мэг, едва способно передвигаться, и Питом, слишком слабым, чтобы бороться.

Мы решаем спуститься на пару сотен ярдов и продолжить идти по кругу. Посмотреть, может, на этом уровне есть какая-нибудь вода. Я попрежнему иду впереди, иногда кидая орехи влево, но теперь мы в основном вне досягаемости силового поля. Палящее солнце светит на нас, превращает воздух в пар, играет с нашими глазами. К полудню становится очевидно - Мэг и Пит больше идти не могут.

Финник выбирает место для разбивки лагеря примерно в десяти ярдах от силового поля, утверждая, что мы сможем использовать его в качестве оружия, отправляя в него наших врагов, если они нападут. Затем они с Мэг рвут стебли травы, растущей пятифутовыми пучками, и начинают сплетать из них коврики. Так как, кажется, Мэг не страдает от вредного воздействия орехов, Пит собирает связки и поджаривает их, заставляя отскакивать от силового поля. Он методично снимает скорлупу, складывая ядра на лист. Я стою на страже, беспокойная, разгоряченная и мокрая, переполненная всеми эмоциями сегодняшнего дня.

Пить. Я так хочу пить. Наконец я не могу больше этого выдержать.

- Финник, почему бы тебе не постоять на страже, а я пока еще похожу вокруг, поищу воду? - спрашиваю я. Никому не нравится идея о том, что я пойду куда-то одна, но угроза обезвоживания нависает над нами. - Не волнуйся, я не далеко, - говорю я Питу.

- Я тоже пойду.

- Нет, я собираюсь поохотиться, если получится, - отвечаю я, не добавляя: «А ты не можешь пойти, потому что слишком шумишь». Но это подразумевается. Он отпугнул бы добычу и подверг бы меня опасности своим тяжелым шагом. - Я не надолго.

Я двигаюсь украдкой сквозь деревья, радуясь, что земля позволяет мне шагать беззвучно. Я держу свой путь вниз по диагонали, но не нахожу ничего, кроме все той же роскошной зелени.

Стрельба пушек останавливает меня. Изначальное кровопролитие около Рога изобилия должно быть закончено. Теперь можно понять, сколько трибутов погибло в результате него. Я считаю выстрелы, каждый из которых соответствует одному мертвому победителю. Восемь. Не столько, сколько в прошлом году. Но это кажется еще большим, потому что я знаю все их имена.

Внезапно ослабевшая, я прислоняюсь к дереву, чтобы отдохнуть, чувствуя, что жара вытягивает влагу из моего тела, как губка. Даже глотать уже трудно, усталость подкрадывается ко мне. Я глажу рукой свой живот, надеясь, что какая-нибудь сочувствующая моей беременности женщина станет моим спонсором, и Хеймитч сможет прислать немного воды. Не везет. Я сползаю на землю.

Сидя неподвижно, я начинаю замечать животных: странных птиц с блестящим оперением, древесных ящериц с блестящими синими языками и когото, похожего на помесь крысы и опоссума, цепляющегося на ветвях рядом со стволом. Я стреляю в одного из последних, чтобы лучше рассмотреть.

Это уродливый... ладно, большой грызун, покрытый серой в крапинку шерсткой и двумя опасно выглядящими передними зубами, выступающими над его нижней губой. Пока я потрошу и очищаю его, я замечаю кое-что еще. Его морда мокрая. Как у животного, которое пило из водоема. Взволнованная, я залажу на дерево, служившее ему домом, и медленно кручусь по спирали. Он не может быть далеко, водоем этого существа.

Ничего. Я не нахожу ничего. Ни росинки. В конце концов, зная, что Пит будет волноваться за меня, я возвращаюсь в лагерь, более разгоряченная и разбитая, чем когда-либо до этого.

Когда я подхожу, я вижу, как остальные преобразовали это место. Мэг и Финник сделали своего рода хижину из ткани, которую создали из травы, открытую с одной стороны, но с тремя стенами, полом и крышей. Мэг также сплела несколько мисок, которые Пит заполнил жареными орехами. Их лица поворачиваются ко мне с надеждой, но я качаю головой.

- Нет. Никакой воды. А вот это тот, кто знал, где она есть, - говорю я, поднимая вверх выпотрошенного грызуна, чтобы все видели. - Он пил не так давно до того, как я застрелила его, сидящего на дереве, но я не смогла найти его источник. Клянусь, я охватила каждый дюйм земли в радиусе тридцати ярдов.

- Мы можем его съесть? - спрашивает Пит.

- Я не знаю наверняка. Но его мясо не особо отличается от мяса белки. Его надо приготовить... - Я колеблюсь, думая, как развести огонь здесь с полного нуля. Если даже у меня получится, есть еще дым, о котором тоже надо думать. Мы все слишком близко друг к другу на этой арене, нет никакого шанса скрыть его.

У Пита есть другая идея. Он берет тарелку с мясом грызуна, насаживает его на острую палку, как на вертел, и кидает в силовое поле. Резкое шипение, и палка прилетает обратно. Кусок мяса обуглился по краям, но отлично приготовился внутри. Мы аплодируем ему, а потом быстро останавливаемся, вспоминая, где мы.

Белое солнце тонет в розовом небе, когда мы собираемся в хижине. Я все еще подозрительно отношусь к орехам, но Финник говорит, что Мэг узнала их по другим Играм. Я не потрудилась провести хоть немного времени в секции распознавания съедобных растений, потому что в прошлом году это для меня было довольно легко. Теперь я жалею, что не делала этого. Безусловно, вокруг меня было бы меньше незнакомых растений. И я, вероятно, знала бы, что можно есть. Тем не менее, Мэг выглядит хорошо, а она ела орехи в течение

нескольких часов. Так что, я беру один и откусываю маленький кусочек. У него легкий, немного сладкий аромат, напоминающий мне каштан. Я решаю, что это нормально. Жесткий и подгоревший грызун, но при этом удивительно сочный. Действительно, это неплохая еда для нашего первого дня на арене. Если бы у нас еще было, чем ее запить.

Финник задает много вопросов о грызуне, которого мы решили назвать древесной крысой. Как высоко он сидел, как долго я следила за ним, прежде чем выстрелить, и что он делал? Не припомню, чтобы он что-то делал. Обнюхивал круживших рядом насекомых или что-то еще.

Я боюсь ночи. Во всяком случае, плотно сотканная трава обеспечивает некоторую защиту от того, что крадется по джунглям после полуночи. Но прежде чем солнце скрывается за горизонтом, бледная луна поднимается в небо, оставляя вещи достаточно видимыми. Наш разговор затихает, потому что мы знаем, это вот-вот начнется. Мы садимся в линию перед входом в хижину, и Пит берет меня за руку.

Небо проясняется, когда появляется герб Капитолия, словно плавающий в воздухе. Пока я слушаю звуки гимна, я думаю, что Финнику и Мэг будет труднее. Но это оказывается достаточно трудным и для меня. Смотреть на лица восьми мертвых победителей, спроектированных на небо.

Мужчина из Пятого, которого Финник заколол трезубцем, появляется первым. Это значит, что все трибуты из Первого, Второго, Третьего и Четвертого живы: профи, Бити с Вайрис и, конечно же, Финник и Мэг. За мужчиной из Пятого следует наркоман из Шестого, Сесилия и Вуф из Восьмого, оба из Девятого, женщина из Десятого и Сидер из Одиннадцатого. Возвращается герб Капитолия и заключительные звуки музыки, а затем небо становится совершенно темным, не считая луны.

Никто не разговаривает. Я не могу притворяться, что знала их очень хорошо. Но я думаю о тех трех детях, которые хватались за Сесилию, когда ее забирали, о доброте Сидера по отношению ко мне при нашем знакомстве. Даже мысль о наркомане со стеклянными глазами, расписывающем мои щеки желтыми цветами, причиняет мне острую боль. Они все мертвы. Они все ушли.

Не знаю, как долго мы, возможно, просидели бы здесь, если бы не прибытие серебряного парашюта, скользящего вниз сквозь листву, чтобы приземлиться перед нами. Никто не берет его.

- Чей он, как думаете? - спрашиваю я наконец.

- Неизвестно, - говорит Финник. - Почему бы не позволить Питу претендовать на него, раз уж он чуть не умер сегодня?

Пит развязывает веревку и раскрывает шелковый круг. С парашютом приземлился маленький металлический объект, назначение которого я не знаю.

- Что это? - спрашиваю я. Никто не знает. Мы передаем это из рук в руки, по очереди исследуя. Это полая металлическая трубочка, немного сужающаяся на одном конце. На другом у нее сгиб. Она кажется неясно знакомой. Часть, которая могла отпасть от велосипеда, карниза, от чего угодно, на самом деле.

Пит дует в один конец, чтобы понять, не издает ли она звук. Не издает. Финник засовывает в нее свой мизинец, проверяя, не оружие ли это. Бесполезно.

- Ты можешь ловить этим рыбу, Мэг? - спрашиваю я. Мэг, которая может ловить рыбу практически всем, чем угодно, качает головой.

Я беру трубку и перекаत्याю ее туда сюда на своей ладони. Пока мы союзники, Хеймитч будет работать с ментором Дистрикта 4. Он приложил руку к выбору этого подарка. Значит, он ценен. Даже спасителен. Я вспоминаю, как в прошлом году ужасно хотела пить, но он не посылал мне воду, потому что знал, что я смогу найти ее, если попробую. Подарки Хеймитча или их отсутствие несут в себе важные сообщения. Я почти слышу его рычание: «Используй свои мозги, если они, конечно, у тебя есть». Что же это?

Я стираю пот со своих глаз и смотрю на подарок в лунном свете. Я двигаю его туда и сюда, рассматривая с разных углов, закрывая и открывая концы. Пытаюсь понять, для чего он мне. Наконец, в отчаянии, я втыкаю его в грязь.

- Я сдаюсь. Может, если мы объединимся с Вайрис и Бити, они смогут в этом разобраться.

Я ложусь, прикасаясь своей разгоряченной щекой к коврику из травы, гневно смотря на вещь. Пит растирает напряженное место между моими плечами, и я позволяю себе немного расслабиться. Интересно, почему арена не остыла теперь, когда солнце зашло. Интересно, что происходит у нас дома.

Прим. Мама. Гейл. Мадж. Я думаю о них, наблюдающих за мной дома. По крайней мере, я надеюсь, что они дома. Не арестованы Тредом. Не наказаны, как Цинна. Как Дариус. Наказанные изза меня. Все.

Я начинаю страстно хотеть к ним, в свой дистрикт, в свои леса. Хорошие леса, с крепкими деревьями, кучей еды, добычей, которая не является жуткой. Бегущими ручьями. Прохладными ветрами. Нет, холодными

ветрами, чтобы сдуть эту душную жару. Я вызываю в своем воображении такой ветер, позволяя ему заморозить мои щеки и сделать мои пальцы окоченевшими, и внезапно металлическая штуковина, наполовину закопанная в землю, обретает название.

- Втулка! - восклицаю я, вскакивая.

- Что? - спрашивает Финник.

Я вытаскиваю трубочку из земли и очищаю ее. Подставляю к узкому концу руку, словно чашу, прикрывая его, и смотрю на выступ. Да, я видела такую раньше. Давно, в холодный, ветреный день, когда я была в лесах с отцом. Вставленную в дырку, проделанную в стволе клена. Проводник для сока, который тек в наше ведро. Кленовый сироп может сделать даже наш обыкновенный хлеб лакомством. После того, как папа умер, я не знала, что случилось с теми несколькими втулками, которые у него были. Спрятаны где-то в лесах, вероятно. Никогда не найдутся.

- Это втулка. Чтото вроде крана. Надо поместить ее в дерево и из нее пойдет сок. - Я смотрю на жилистые деревья вокруг. - Ну, в нормальное дерево.

- Сок? - спрашивает Финник. У них рядом с морем нормальных деревьев тоже нет.

- Чтобы сделать сироп, - говорит Пит. - Но здесь может быть в деревьях чтото другое.

Все сразу встает на свои места. Наша жажда. Отсутствие источников. Острые передние зубы древесной крысы и ее влажная морда. В этих деревьях может быть только одна вещь. Финник направляется к фактически каменному зеленому дереву, чтобы воткнуть в его ствол втулку.

- Подожди, ты можешь сломать ее. Нам сначала надо просверлить отверстие, - говорю я.

Вокруг нет ничего, чем можно было бы сверлить, поэтому Мэг предлагает ее шило. И Пит вдавливают его в кору на два дюйма. Они с Финником по очереди втыкают в отверстие шило и нож, пока оно не становится достаточно широким для втулки. Я аккуратно втискиваю ее, и все мы отступаем в ожидании.

Поначалу ничего не происходит. Затем капли воды начинают скатываться из выступа, попадая на ладонь Мэг. Она слизывает их и протягивает руку за добавкой.

Регулируя втулку, мы получаем тонкую струю. Мы меняемся, подставляя свои рты под кран, смачивая наши высохшие языки. Мэг приносит корзинку, трава в которой сплетена так плотно, что она удерживает воду. Мы наполняем корзинку и передаем ее по кругу, делая глубокие глотки, а позже, с наслаждением, умываем свои лица. Как и все здесь, вода очень теплая, но сейчас не время быть разборчивым.

Без нашей жажды, которая отвлекала нас, мы понимаем, как устали, и начинаем готовиться ко сну. В прошлом году я всегда старалась сделать так, чтобы все мои вещи были собраны, если мне придется быстро убираться с места посреди ночи. В этом году нет никакого рюкзака, чтобы подготовиться. Только оружие, которое, так или иначе, мне будет не сложно схватить. Затем я думаю о втулке и вытаскиваю ее из ствола дерева. Я отрываю листья от жесткой лозы и надежно привязываю втулку к своему поясу.

Финник предлагает сидеть на страже первым, и я позволяю ему, зная, что это должен быть кто-то из нас двоих, пока Пит не отдохнет. Я ложусь рядом с Питом на пол хижины, веля Финнику разбудить меня, когда он устанет. Вместо этого я просыпаюсь спустя несколько часов от чего-то, похожего на удары в колокол. Бом! Бом! Это не совсем то, как звонят у нас в Доме Правосудия на Новый год, но довольно похоже, настолько, что я узнаю это. Пит и Мэг продолжают спать, несмотря на звук, но у Финника такой же внимательный вид, как и у меня. Удары прекращаются.

- Я насчитал двенадцать, - говорит он.

Я киваю. Двенадцать. Что это значит? Один удар для каждого дистрикта? Может быть. Но зачем?

- Что это значит, как считаешь?

- Без понятия, - отвечает он.

Мы ждем дальнейших инструкций, возможно, сообщений от Клавдия Темплсмита. Приглашения на пир. Только одна вещь слышна в отдалении. Ослепляющий разряд электричества ударяет в высокое дерево, а затем начинают сверкать молнии. Полагаю, это признаки дождя, источника воды для тех, у кого нет ментора, столь же умного, как Хеймитч.

- Иди спать, Финник. В любом случае сейчас моя очередь сидеть на страже, - говорю я.

Финник колеблется, но никто не может бодрствовать вечно. Он располагается около входа в хижину, сжимая трезубец в одной руке, и погружается в беспокойный сон.

Я сижу со своим заряженным луком, смотря в джунгли, которые призрачно бледны и зелены в лунном свете. Примерно после часа сверканье молний прекращается. Тем не менее, я могу слышать приближающийся дождь, который барабанит по листьям на расстоянии в несколько сотен ярдов. Я жду, когда он достигнет нас, но этого

не происходит.

Звук пушки заставляет меня вздрогнуть, хотя на моих спящих товарищей он не производит особого впечатления. Нет смысла будить их изза этого. Еще один победитель мертв. Я даже не позволяю себе задаться вопросом, кто он.

Неуловимый дождь внезапно выключается, как шторм, который был в том году на арене.

Спустя мгновение после его остановки, я вижу туман, тихо скользящий со стороны недавнего ливня. Обычная реакция. Испарения от прохладного дождя, думаю я. Он продолжает приближаться в устойчивом темпе. Завитки тянутся вперед, а затем клубятся, словно пальцы, как будто они тянут за собой остальных. Пока я смотрю на это, я чувствую, как волосы на моей шее встают дыбом. Чтото не то с этим туманом. Движение переднего края слишком ровное, чтобы быть естественным. А если оно не естественное...

Тошнотворно сладкий запах начинает вторгаться в мои ноздри, а я подбегаю к остальным, крича им, чтобы вставали.

За пару секунд, которые уходят на то, чтобы разбудит их, я начинаю покрываться волдырями.

Глава 21

Мелкие жгучие уколы. Везде, где капельки тумана касаются моей кожи.

- Бегите! - кричу я остальным. - Бегите!

Финник мгновенно просыпается и вскакивает, чтобы бороться с врагом. Но когда он замечает стену тумана, он закидывает все еще спящую Мэг на спину и убегает. Пит тоже на ногах, но не настолько проворен. Я хватаю его за руку и начинаю тащить через джунгли, следом за Финником.

- Что это? Что это? - повторяет он в замешательстве.

- Какойто туман. Ядовитый газ. Быстрее, Пит! - убеждаю я. Я могу сказать, что, сколько бы он ни отрицал это в течение дня, последствия удара силового поля были существенны. Он двигается медленнее, намного медленнее, чем обычно. И спутанные лианы, и подлесок, которые иногда нарушают мой баланс, выводят его из равновесия на каждом шагу.

Я оглядываюсь назад, на стену тумана, распространяющегося по прямой во всех направлениях, насколько я могу видеть. Ужасный порыв сбежать, бросить Пита, чтобы спасти себя, возникает во мне. Это было бы гораздо проще: бежать на полной скорости, может быть, даже залезть на дерево, выше линии тумана, который простирается вверх примерно на сорок футов. Я вспоминаю, как сделала это, когда в прошлых Играх на арене появились переродки. Поднялась и подумала о Пите, только когда уже достигла Рога изобилия. Но в этот раз я ощущаю ужас от мысли о том, чтобы бросить его внизу, и остаюсь с ним. В этот раз мое выживание не является целью. А выживание Пита является. Я думаю о взглядах, прикованных к телевизионным экранам в дистриктах, ждущих, сбегу ли я по желанию Капитолия или буду руководствоваться своими правилами.

Я сильно сжимаю пальцы Пита и говорю:

- Следи за моими ногами. Просто постарайся наступать туда, куда наступаю я. - Это помогает, мы, кажется, движемся намного быстрее, но этого не достаточно, чтобы догнать остальных, и туман кусает нас за пятки. Капли отделяются от пара. Они обжигают, но не как огонь. Меньше ощущений горячего и больше сильной боли, как от химических веществ, находящихся нашу плоть, цепляющихся за нее и проникающих сквозь кожу. Наши комбинезоны совсем не помогают. Мы могли бы с тем же успехом быть завернуты в тонкую бумагу для защиты.

Финник, который поначалу только быстро бежал, останавливается, когда понимает, что у нас проблемы. Но это не та вещь, с которой мы можем бороться, только избегать. Он громко нас подбадривает, пытаясь помочь двигаться вперед, и мы используем звук его голоса как руководство, что хоть немного помогает.

Искусственная нога Пита цепляется за узел ползучего растения, и он растягивается на земле, прежде чем я могу поймать его. Пока я помогаю ему встать, я узнаю кое о чем гораздо более страшном, чем волдыри, и более изнурительном, чем ожоги. Левая сторона его лица обвисает, так, словно каждая мышца в нем отмерла. Веко опускается, фактически скрывая глаз. Уголок рта направлен вниз.

- Пит... - начинаю я. И в этот момент я ощущаю, как мою руку сводит судорогами.

Со своими химикатами туман делает гораздо больше, чем огонь: он нацелен на наши нервы. Новый вид страха пробегает сквозь все мое тело, и я рывком тащу Пита вперед, что только заставляет его еще раз оступиться. К

тому времени, когда я ставлю его на ноги, обе мои руки безудержно трясут. Туман движется к нам, он в ярде [23] от нас. Чтото не так с ногами Пита, он пытается идти, но они двигаются спазматически, словно у марионетки.

Я чувствую, как он наклоняется вперед, и понимаю, что Финник вернулся за нами и берет Пита на буксир. Я подставляю свое плечо, которое все еще кажется неконтролируемым мной, под руку Пита и делаю все возможное, чтобы подстроиться под быстрый шаг Финника. Между нами и туманом расстояние в десять ярдов, когда Финник останавливается.

- Это бесполезно. Мне придется нести его. Ты сможешь взять Мэг? - спрашивает он меня.

- Да, - говорю я уверенно, хотя ощущаю, как ноет мое сердце. Это правда, что Мэг весит не больше семидесяти фунтов, [24] но я и сама не особо крупная. Тем не менее, я уверена, что таскала гораздо более тяжелые грузы. Если бы только мои руки перестали подкакивать. Я сажусь на корточки, и она перемещается мне на плечи, так же, как она едет на Финнике. Я медленно выпрямляю ноги, я смогу справиться с ней. Финник закидывает Пита за спину, и мы двигаемся вперед, Финник первый, я следом, он прорубает путь.

Туман идет за нами, спокойный, устойчивый и ровный, не считая цепких щупалец. Хотя мой инстинкт велит мне бежать непосредственно от него, Финник перемещается по диагонали вниз по холму. Он старается держаться на расстоянии от газа, ведя нас к воде, которая окружает Рог изобилия. Да, вода, думаю я, пока кислотные капли проникают глубже в меня. Теперь я так рада, что не убила Финника, иначе как бы я вытащила Пита отсюда живым? Так рада иметь когото еще на своей стороне, даже если это временно.

Это не вина Мэг, что я падаю. Она делает все, что может, чтобы быть легким пассажиром, но дело в том, что этот вес все равно больше, чем тот, с которым я могу справиться. Особенно теперь, когда моя правая нога, кажется, одеревенела. Первые два раза, когда я падаю на землю, мне удается подняться, но в третий раз я не могу уговорить свою ногу сотрудничать. Как бы я ни старалась встать, у меня не получается, и Мэг сходит на землю передо мной. Я кручусь, пытаюсь использовать лозы и стволы, чтобы подняться.

Финник возвращается ко мне, Пит свешивается с него.

- Это бесполезно, - говорю я. - Можешь взять их обоих? Идите вперед, я догоню. - Довольно сомнительное обещание, но я говорю это со всей уверенностью, которую получается собрать.

Я могу видеть глаза Финника, зеленные в лунном свете. Я могу видеть их так ясно, словно днем. Почти как у кошки: с отражающим эффектом. Возможно, это потому, что они блестят от слез.

- Нет, - говорит он. - Я не могу нести их обоих. Мои руки не работают. - Это правда, его руки неудержимо дергаются. Они пусты. Из трех трезубцев у него остался один, и тот находится у Пита. - Мне жаль, Мэг, я не могу сделать этого.

То, что происходит потом, случается настолько быстро, что я даже не могу помешать этому. Мэг поднимается, оставляет поцелуй на губах Финника и хромает прямо в туман. Мгновенно ее тело охвачено дикими искривлениями, и она опускается на землю в ужасном танце.

Мне хочется кричать, мое горло горит огнем. Я делаю один бесполезный шаг в ее сторону, когда слышу выстрел пушки, понимая, что ее сердце остановилось, она мертва.

- Финник? - зову я хрипло, но он уже уходит, продолжает свое отступление от тумана. Перетаскивая свою нерабочую ногу, я иду, шатаюсь, за ним, не имея ни малейшего понятия, что еще можно сделать.

Время и пространство теряют смысл, поскольку туман, похоже, вторгается в мой мозг, делая все вокруг нереальным. Какаято глубоко сидящая животная потребность выжить заставляет меня идти за Финником и Питом, продолжать передвигаться, несмотря на то, что я, вероятно, уже мертва. Часть меня мертва или, определенно, умирает. И Мэг мертва. Это то, что я знаю, или, может быть, мне кажется, что знаю, потому что в этом вообще нет никакого смысла.

Лунный свет сверкает на бронзовых волосах Финника, вспышки жгучей боли разрывают меня, нога превращается в дерево. Я следую за Финником, пока тот не падает на землю вместе с Питом, попрежнему сидящим на нем. Я, похоже, не могу остановить свое движение и просто иду вперед до тех пор, пока не спотыкаюсь об их распростертые тела и не падаю в общую кучу. Вот оно, то, где и как мы все умрем, думаю я. Но мысль абстрактна и гораздо менее тревожна, чем агония моего тела. Я слышу, как стонет Финник, и пытаюсь оттащить себя от остальных. Теперь я вижу стену тумана, которая стала жемчужнобелой. Может, это изза того, что мои глаза не могут сфокусироваться, или изза лунного света, но туман кажется изменяющимся. Да, он становится все толще, как будто прижимается к стеклу и вынужден сгущаться. Смотреть мне все труднее, но я вижу, что пальцашупальца больше не высовываются из него. На самом деле, он вообще остановился. Как и другие ужасы, которые я видела на арене, оно достигло конца своей территории. Или распорядители Игр

решили не убивать нас пока.

- Он остановился, - пытаюсь сказать я, но из моего распухшего горла выходит только ужасный каркающий звук. - Он остановился, - говорю я снова, и в этот раз у меня, вероятно, получается более четко, потому что Пит и Финник поворачивают головы в сторону тумана. Теперь он начинает медленно подниматься вверх, будто засасываемый в небо. Мы наблюдаем за ним, пока его полностью не затягивает, не остается ни единого клочка.

Пит откатывается от Финника, который переворачивается на спину. Мы лежим там, задыхаясь, подергиваясь, в наши разумы и тела вторгся яд. Спустя несколько минут Пит неопределенно указывает наверх:

- Обезны.

Я смотрю и нахожу пару, которая, как я предполагаю, является обезьянами. Я никогда не видела живую обезьяну, они не водятся в лесах у нас дома. Но я, вероятно, видела их изображения, или на одних из Игр, потому что, когда я вижу этих существ, в голову мне приходит то же слово. Мне кажется, у них оранжевый мех, хотя трудно сказать, и они размером примерно с половину взрослого человека. Я считаю обезьян хорошим знаком. Конечно, они не бродили бы вокруг, если воздух был бы смертелен. Некоторое время мы спокойно наблюдаем друг за другом, люди и обезьяны. Затем Пит встает на колени и ползет вниз по склону. Все мы начинаем ползти, потому что ходьба сейчас представляется таким же подвигом, как полет. Мы ползем, пока лозы не сменяются узкой полосой песчаного пляжа и теплой водой, окружающей Рог избылия, в которой мы моем свои лица. Я отдергиваюсь, словно от огня.

Соль на рану. Впервые я понастоящему понимаю это выражение, потому что соль в воде делает боль в моих ранах настолько ослепляющей, что я почти теряю сознание. Но есть и другое ощущение - вытягивания. Я экспериментирую, осторожно помещая руку в воду. Мучительно, да, но в меньшей степени. И сквозь синюю воду я вижу молочное белое вещество, выходящее из ран на коже. С той же скоростью, с какой уменьшается белизна, уходит боль. Я расстегиваю ремень и сдираю свой комбинезон, который теперь не сильно отличается от продырявленной тряпки. Моя обувь и нижняя одежда необъяснимо не повреждены. Потихоньку я опускаю в воду по небольшому кусочку тела, пока яд вытекает из моих ран. Пит, кажется, делает то же самое. Но Финник, отступивший от воды после первого же прикосновения, лежит ничком на песке, не желая или не имея сил очистить себя.

Наконец, после того, как я пережила худшее, открывая свои глаза под водой, вдыхая воду носом, очищая его, и неоднократно полоща горло, я в состоянии помочь Финнику. К моей ноге потихоньку возвращается чувствительность, но руки все еще судорожно дергаются. Я не могу перетащить Финника в воду, да и, вероятно, боль может убить его. Так что, я зачерпываю пригоршни и выливаю их ему на руки. Так как он не под водой, яд выходит из его ран так же, как входил, клубами дыма, которого я изо всех сил стараюсь избегать. Пит приходит в себя достаточно, чтобы помочь мне. Он разрезает комбинезон Финника и где-то находит две раковины, которые сохраняют воду гораздо лучше, чем наши ладони. Мы концентрируемся на смачивании рук Финника, потому что они наиболее сильно повреждены, и, хотя из них выходит очень много белого вещества, он не замечает этого. Он просто лежит там, закрыв глаза, иногда издавая случайный стон.

Я озираюсь с возрастающим пониманием того, в каком опасном положении мы находимся. Вокруг ночь, но луна дает слишком много света, чтобы мы были скрыты. Нам невероятно повезло, что на нас до сих пор никто не напал. Мы смогли бы заметить их, идущих от Рога избылия, но если все четыре профи нападут на нас, они нас одолеют. Даже если они сначала нас и не заметили, то стоны Финника скоро нас выдадут.

- Нам следует опустить его в воду, - шепчу я. Но мы не можем положить его туда лицом вниз, не пока он находится в таком положении. Пит кивает на его ноги. Каждый из нас берет по одной, и мы разворачиваем его на сто восемьдесят градусов, начиная тянуть в море. По несколько дюймов за раз. Лодыжки. Ждем пару минут. Икры. Ждем. Колени. Облака белого пара выходят из его тела, и он стонет. Мы продолжаем постепенно обезвреживать яд. Я замечаю, что чем дольше сижу в воде, тем лучше себя чувствую. Не только моя кожа, но и разум, и мышечный контроль начинают восстанавливаться. Я вижу, что лицо Пита возвращается к нормальному состоянию, глаз открывается, рот избавляется от кошмарной гримасы.

Финник начинает постепенно оживать. Он открывает глаза, сосредотачиваясь на нас, осознавая, что ему помогают. Я кладу его голову на свои колени, и мы позволяем ему мокнуть около десяти минут, погруженным полностью до шеи. Пит и я обмениваемся улыбками, когда видим, как Финник поднимает свою руку над водой.

- Осталась только твоя голова, Финник. Это хуже всего, но ты будешь чувствовать себя намного лучше потом, если сможешь потерпеть, - говорит Пит. Мы помогаем ему сесть и позволяем сжимать наши руки, пока он чистит свои глаза, нос и рот. Его горло все еще слишком болит, чтобы говорить.

- Я собираюсь взять воду из дерева, - говорю я. Мои пальцы берутся с поясом и находят втулку, попрежнему

привязанную виноградной лозой.

- Позволь мне сначала проделать отверстие, - отвечает Пит. - Останься с ним. Ты целитель.

Это шутка, думаю я. Но не произношу этого вслух, потому что у Финника и так достаточно проблем. От тумана ему досталось больше всех, хотя я не понимаю почему. Может, потому что он самый крупный, или потому, что он тратил больше сил, чем остальные. И, конечно, Мэг. Я все еще не понимаю того, что случилось там. Почему он оставил ее, чтобы нести Пита? Почему она не только не стала спорить, но и побежала прямо навстречу смерти, не колеблясь ни секунды. Это было потому, что она была настолько стара, что ее дни были в любом случае сочтены? Или она думала, что у Финника окажется больше шансов на победу, если у него в союзниках будем мы с Питом? Измученный взгляд на лице Финника говорит мне, что сейчас не лучшее время для расспросов.

Вместо этого я пытаюсь собраться. Я снимаю брошь в виде сойкипересмешницы с разорванного комбинезона и прикалываю ее к своей майке. Пояс для плавания, должно быть, устойчив к кислоте, потому что он выглядит как новый. Я умею плавать, поэтому он мне не особо нужен, но Брут смог заблокировать им мою стрелу, так что, я надеваю его, считая, что он сможет дать мне некоторую защиту. Я распускаю свои волосы и расчесываю их пальцами, ощущая, что их количество уменьшилось, потому что капельки тумана повредили их. Затем я заплетаю оставшиеся в косу.

Пит нашел хорошее дерево приблизительно в десяти ярдах от берега. Мы едва видим его, но зато хорошо слышим звук его ножа, стучащего по стволу. Интересно, что случилось с шилом. Мэг или обронила его, или взяла с собой в туман. Так или иначе, его нет.

Я отодвигаюсь немного дальше от отмели, плавая поочередно то на животе, то на спине. Если морская вода излечила Пита и меня, она поможет и Финнику. Он тоже начинает медленно двигаться, проверяя состояние своего тела, а потом и плавать. Но не так, как я, а с ритмичными ударами и даже в темпе. Это похоже на то, как будто какое-то странное морское животное возвращается к жизни. Он ныряет и выплывает на поверхность, выпуская воду изо рта, используя какие-то необычные винтообразные движения, которые вызывают у меня головокружение даже от наблюдения за ними. И затем, после того, как он пробыл под водой так долго, что я уже решила, что он утонул, его голова появляется прямо передо мной, а я вздрагиваю.

- Не делай так, - говорю я.

- Как? Не всплывать или не оставаться под водой? - спрашивает он.

- И то, и другое. Неважно. Просто лежи в воде и приходи в себя, - говорю я. - Или, если ты уже чувствуешь себя нормально, пойдём помогать Питу.

За короткое время, которое потребовалось, чтобы достичь края джунглей, я замечаю изменения. Может, это изза многих лет охоты, или, может, мое восстановленное ухо действительно слышит немного лучше, чем кто-либо мог предположить, но я ощущаю массу тел, балансирующих над нами. Им не нужно издавать какие-то звуки или кричать. Достаточно обычного дыхания.

Я касаюсь руки Финника, и он прослеживает мой пристальный взгляд вверх. Я не знаю, как они пришли так тихо. Может, они и не были тихими. Мы были поглощены восстановлением своих тел.

За это время они собрались. Не пять или десять, а множество обезьян перемещаются по деревьям джунглей. Пара, которую мы видели, когда сбежали от тумана, была чем-то вроде приветственного комитета. А эта команда выглядит угрожающе.

Я кладу на свой лук две стрелы, а Финник перемещает свой трезубец в руке.

- Пит, - говорю я так спокойно, насколько это вообще возможно. - Мне тут нужна твоя помощь кое с чем.

- Хорошо, минутку. Мне кажется, у меня получилось, - отвечает он, попрежнему занятый деревом. - Ага, точно. Втулка у тебя?

- Да. Но мы нашли кое-что, на что тебе необходимо взглянуть, - продолжаю я сдержанным голосом. - Просто спокойно иди в нашу сторону, тогда ты не всполошишь их.

По некоторым причинам я не хочу, чтобы он заметил обезьян или даже посмотрел в их сторону. Есть существа, которые интерпретируют контакт глаза в глаза как агрессию.

Пит поворачивается к нам, задыхаясь от своей работы над деревом. Тон моей просьбы настолько странный, что он предупреждает его о том, что что-то не так.

- Хорошо, - говорит он небрежно. Он начинает пробираться сквозь джунгли, и, хотя я знаю, что он пытается не шуметь, это никогда не было его сильной стороной, даже когда обе его ноги были здоровы. Но все нормально, он передвигается, обезьяны остаются на своих местах. Он уже в пяти ярдах от берега, когда чувствует их. Его глаза поднимаются всего на секунду, но это как будто взрывает бомбу. Обезьяны становятся кричащей

оранжевой массой и несутся к нему.

Я никогда не видела, чтобы животные двигались так быстро. Они соскальзывают с лиан так, словно те смазаны жиром. Прыгают на невероятные расстояния с дерева на дерево. Зубы обнажены, шерсть дыбом, когти выскакивают, словно складные ножи. Я, конечно, не знакома с обезьянами, но животные, созданные природой, ведут себя не так.

- Переродки! - выплевываю я.

Я знаю, каждая стрела на счету, так и есть. В жутком свете я сбиваю обезьяну за обезьяной, целясь в глаза, сердце или горло, так, чтобы каждый выстрел означал смерть. Тем не менее, этого было бы недостаточно, если бы Финник не пронизывал зверей, словно рыбу, отбрасывая их в сторону, а Пит не рубил их своим ножом. Я чувствую когти на своей ноге и спине, прежде чем кто-то убивает нападающего. Воздух становится тяжелее из-за запахов растоптанных растений, крови и затхлости, исходящей от обезьян. Пит, Финник и я встаем в треугольник в нескольких ярдах друг от друга, спиной к спине. Мое сердце обрывается, когда пальцы достают последнюю стрелу. Но затем я вспоминаю, что у Пита тоже есть колчан. А он не стреляет, он орудует ножом. Я достаю свой собственный нож, но обезьяны быстры, настолько быстры, что я вряд ли буду успевать реагировать.

- Пит! - кричу я. - Твои стрелы!

Пит поворачивается, чтобы посмотреть на мое затруднительное положение, и тянется к своему колчану, когда это случается. Обезьяна прыгает с дерева ему на грудь. У меня нет ни одной стрелы, никакой возможности выстрелить. Я могу слышать глухой стук трезубца Финника, пронзающего другого животного, и понимаю, что его оружие занято. Руку с ножом Пита не дееспособна, потому что он пытается достать колчан. Я бросаю свой нож в надвигающегося переродка, но существо делает сальто, уклоняясь от клинка, не меняя траектории своего полета.

Безоружная, беззащитная, я делаю единственное, что приходит мне в голову. Я бегу к Питу, чтобы оттолкнуть его на землю и защитить его тело своим, но понимаю, что не успею.

А она успевает. Материализуясь, будто из воздуха. В одно мгновение ее нет, а в следующее она уже стоит, шатаясь, перед Питом. Уже окровавленный рот открыт в пронзительном высоком крике, зрачки расширены так, что глаза кажутся черными дырами.

Безумная наркоманка из Дистриктаб вскидывает свои худые, как у скелета, руки в сторону обезьяны, словно собираясь обнять ее, а та вонзает свои зубы прямо ей в грудь.

Глава 22

Пит бросает колчан и втыкает свой нож в спину обезьяны, нанося удар за ударом, пока та не разжимает свою челюсть. Он отшвыривает переродка ногой, готовясь к следующему. Теперь у меня есть его стрелы и заряженный лук. Финник за моей спиной тяжело дышит, но он не особо занят.

- Сюда! Давайте! Сюда! - кричит Пит в гневе. Но что-то случилось с обезьянами. Они уходят, забираясь на деревья, и исчезают в джунглях, как будто какой-то не слышимый нами голос отозвал их. Голос распорядителей Игр, говорящий им, что этого достаточно.

- Забирай ее, - говорю я Питу. - Мы прикроем тебя.

Пит аккуратно поднимает наркоманку и несет ее оставшиеся ярды до берега, пока мы с Финником держим свое оружие наготове. Но, если не считать оранжевых тел, лежащих на земле, обезьяны ушли. Пит кладет наркоманку на песок. Я разрезаю ткань на ее груди, открывая четыре глубокие колотые раны. Кровь медленно сочится из них, заставляя их выглядеть менее смертельными, чем они есть на самом деле. Настоящее повреждение внутри. По положению отверстий я могу сделать вывод, что животное задело какой-то жизненно важный орган, легкие, а может, даже сердце.

Она лежит на песке, задышавшись, словно рыба без воды. Обвислая болезненно-зеленая кожа, ее ребра выпирают, как у умирающего от голода ребенка. Естественно, она могла позволить себе пищу, а к морfliю, полагаю, обратилась для того же, для чего Хеймитч обратился к выпивке. Все в ней говорит о том, что она уходит: ее тело, ее жизненная энергия, ее отсутствующий взгляд в глазах. Я держу одну из ее дергающихся рук, размышляя, трясется она от яда, который поражал наши нервы, от нападения переродка или от отсутствия наркотика, который был ее средством к существованию. Нет ничего, что мы могли бы сделать. Только

оставаться с ней, пока она умирает.

- Я буду следить за деревьями, - говорит Финник, прежде чем уйти. Мне бы тоже хотелось уйти, но она сильнее сжимает мою руку, так, что мне бы пришлось отдирать ее пальцы, а у меня не хватит сил быть настолько жестокой. Я думаю о Руте, о том, что я, возможно, могла бы спеть песню или что-то еще. Но я даже не знаю имени наркоманки, не говоря уже о том, нравятся ли ей песни. Я только знаю, что она умирает.

Пит садится с другой стороны от нее и гладит ее волосы. То, что он начинает говорить тихим голосом, кажется почти бессмысленным, но его слова не для меня.

- С моей коробкой красок дома, я могу создать всевозможные цвета. Розовый. Столь же бледный, как кожа ребенка. Или столь же глубокий, как ревень. Зеленый, как весенняя трава. Голубой, переливающийся, как лед на воде.

Наркоманка смотрит Питу в глаза, прислушиваясь к его словам.

- Один раз я провел три дня, смешивая краску, пока не нашел правильный оттенок для солнечного света на белом меху. Видишь ли, я думал, что он должен быть желтым, но это, на самом деле, гораздо больше. Слои цветов всех видов. Один за другим, - говорит Пит.

Дыхание наркоманки замедляется, остаются только совсем неглубокие вдохивыдохи. Ее свободная рука размазывает кровь на груди теми мелкими кружащими движениями, которыми она так любила рисовать.

- Я до сих пор не смог изобразить радугу. Они появляются так быстро и так же быстро исчезают. Мне всегда не хватает времени, чтобы поймать их. Только немного синего цвета здесь, фиолетового там. И затем они снова исчезают. Превращаются в воздух, - продолжает Пит.

Наркоманка кажется загипнотизированной словами Пита. Очарованной. Она поднимает трясущуюся руку и рисует что-то, как мне кажется, похожее на цветок, на щеке Пита.

- Спасибо, - шепчет он. - Он выглядит прекрасно.

На мгновение лицо наркоманки озаряется улыбкой, и она издает краткий визг. Затем ее окровавленная рука падает обратно на грудь, она делает последний вдох, и стреляет пушка. Хватка на моей руке исчезает.

Пит относит ее к воде. Он возвращается и садится рядом со мной. Наркоманку некоторое время несет течением к Рогу избылия, а потом появляется планолет, и приспособление с четырьмя «когтями» захватывает ее и поднимает в ночной небо. Ее больше нет.

Финник присоединяется к нам, в его кулаке зажаты мои стрелы, все еще влажные от крови обезьян. Он кладет их на песок рядом со мной.

- Я подумал, что ты, возможно, захочешь их вернуть.

- Спасибо, - говорю я.

Я подхожу к воде и отмываю запекшуюся кровь со своего оружия, своих ран. Когда я возвращаюсь в джунгли, чтобы сорвать мох и вытереться, тела обезьян исчезли.

- Куда они делись? - спрашиваю я.

- Мы точно не знаем. Лозы переместились, и они исчезли, - отвечает Финник.

Мы смотрим на джунгли, оцепеневшие и истощенные. В наступившей тишине я замечаю, что в местах, где капли от тумана коснулись моей кожи, появилась корка. Они перестали болеть и начали чесаться. Сильно. Я стараюсь думать об этом, как о хорошем признаке. Они начали заживать. Я поворачиваюсь к Питу и Финнику, и вижу, что они оба чешут свои поврежденные лица. Да, даже красота Финника омрачилась в эту ночь.

- Не чешитесь, - говорю я, сама ужасно желая это сделать. Но я знаю, что такой совет дала бы моя мама. - Вы только занесете инфекцию. Как думаете, безопасно опять попробовать добыть воду?

Мы снова идем к дереву, которое прокалывал Пит. Я и Финник стоим с поднятым оружием, пока он работает, всовывая втулку, но не появляется никакой угрозы. Пит выбрал хорошую прожилку, вода из втулки начинает течь, как из крана. Мы утоляем свою жажду, позволяя теплому водяному потоку течь по нашим зудящим телам. Мы заполняем несколько раковин питьевой водой и возвращаемся к берегу.

Вокруг попрежнему ночь, хотя рассвет не может быть позднее, чем через несколько часов. Если, конечно, распорядители Игр не захотят, чтобы было иначе. Я говорю:

- Я покараюлю некоторое время.

- Нет, Китнисс, лучше я, - произносит Финник. Я смотрю в его глаза, на его лицо и понимаю, что он изо всех сил сдерживает слезы. Мэг. Наименьшее, что я могу сделать для него сейчас, это дать ему возможность побыть наедине с самим собой, чтобы оплакать ее.

- Хорошо, Финник, спасибо, - говорю я.

Я ложусь на песок рядом с Питом, который мгновенно засыпает. Я смотрю в темноту, размышляя над тем, как

все изменилось всего за день. Еще вчера утром Финник был в моем списке убийств, а теперь я готова спать, пока он охраняет меня. Он спас Пита и позволил Мэг умереть, не знаю почему. Но я точно знаю, что никогда не смогу сравнить уровень наших долгов друг другу. Все, что я могу сделать сейчас, это уснуть, позволив ему горевать в тишине. Что я и делаю.

Когда я снова открываю глаза, уже утро. Пит попрежнему рядом со мной. Мы накрыты ковром из травы, защищающим наши лица от солнечного света. Я сажусь и вижу, что руки Финника не остались без работы. Две сотканые миски заполнены водой. В третьей миске из моллюсков.

Финник сидит на песке и открывает раковины камнем.

- Они лучше, когда свежие, - говорит он, доставая тельце из раковины и засовывая его в рот. Его глаза все еще опухшие, но я делаю вид, что не замечаю этого.

Мой желудок начинает урчать от запаха еды, и я тянусь за одним моллюском. Но вид моих ногтей, под которыми находится запекающаяся кровь, останавливает меня. Я чесала свою израненную кожу во сне.

- Знаешь, если ты будешь чесаться, то занесешь инфекцию, - произносит Финник.

- Это то, что я слышала, - говорю я.

Я вхожу в море и отмываюсь от крови, пытаюсь понять, что я ненавижу больше, боль или зуд. Надоело! Я топаю обратно на берег, поднимаю лицо вверх и рычу:

- Эй, Хеймитч, если ты не слишком пьян, ты бы мог прислать нам что-нибудь для нашей кожи.

Это почти забавно, как быстро надо мной возникает парашют. Я протягиваю руку, и тюбик приземляется прямо на нее.

- Как раз вовремя, - говорю я, но не могу удержаться от угрюмого выражения на своем лице. Хеймитч. Что бы только я ни отдала за пять минут разговора с ним.

Я плюхаюсь на песок рядом с Финником и отворачиваю крышку от тюбика. Внутри густая темная мазь с резким запахом смеси сосновых игл и смолы. Я морщусь нос, пока выжимаю небольшой шарик лечебного крема и начинаю втирать его в свою ногу. Звук удовольствия вырывается из моих губ, когда эта вещь избавляет меня от зуда. А еще она окрашивает мою поврежденную кожу в кошмарный серозеленый цвет. Когда я перехожу ко второй ноге, я бросаю тюбик Финнику, который следит за мной с сомнением.

- Это выглядит так, будто ты разлагаешься, - говорит он. Но я полагаю, зуд побеждает, потому что спустя минуту Финник тоже начинает намазывать свою кожу. Действительно, сочетание струпьев и мази выглядит отвратительно. Я не могу сдержать веселья из-за его страданий.

- Бедный Финник. Это на самом деле первый раз в твоей жизни, когда ты не выглядишь хорошеньким? - говорю я.

- Должно быть. Совершенно новые ощущения. Как ты справляешься с ними все эти годы? - спрашивает он.

- Просто избегай зеркал. Ты забудешь об этом, - отвечаю я.

- Нет, если буду продолжать смотреть на тебя, - говорит он.

Мы самостоятельно намазываем нижние части наших тел и даже по очереди втираем мазь в спины друг друга, где майки не защитили нашу кожу.

- Я собираюсь разбудить Пита, - сообщаю я.

- Нет, подожди, - говорит Финник. - Давай сделаем это вместе. Поместим наши лица прямо перед его.

Ну, в моей жизни осталось так мало места для развлечений, что я соглашаюсь. Мы садимся с обеих сторон от Пита и наклоняемся, пока наши лица не оказываются в дюймах от его носа, и трясем его.

- Пит, Пит, проснись, - говорю я мягким, монотонным голосом.

Его веки трепещут, открываясь, а потом он подпрыгивает так, будто мы нанесли ему удар ножом.

- Ааа!

Мы с Финником откидываемся на песок, дико смеясь. Каждый раз, когда мы пытаемся остановиться, мы смотрим на попытки Пита поддерживать презрительное выражение лица, и это происходит с новой силой. К тому времени, когда мы берем себя в руки, я начинаю думать, что Финник Одейр оказался вполне нормальным. По крайней мере, не таким пустым и важничающим, как я думала. Не все так плохо, на самом деле. И как только я прихожу к этому выводу, на землю прилетает новый парашют с ломтем хлеба. Вспоминая, как в прошлом году подарки Хеймитча часто присылались в качестве сообщений, я делаю для себя пометку. Дружи с Финником. Будешь получать еду.

Финник вертит хлеб в своих руках, исследуя корку. Немного собственнически. В этом нет ничего удивительного. У ломтя зеленый оттенок, который обычно имеет хлеб из Дистрикта 4 из-за водорослей. Мы все знаем, что это его. Возможно, он понимает, какой драгоценностью является этот подарок, или думает о том, что,

возможно, больше никогда не увидит другого хлеба. Может быть, с этой корочкой связаны какие-то воспоминания о Мэг. Но все, что он говорит:

- Он подойдет к моллюскам.

В то время, как я помогаю Питу втирать в кожу мазь, Финник ловко очищает мясо моллюсков. Мы все собираемся и едим восхитительно сладкие тельца с соленым хлебом из Дистрикта4.

Мы выглядим просто чудовищно - мазь, кажется, заставляет струпать шелушиться - но я рада лекарству. Не только потому, что оно помогает от зуда, но и потому, что оно защищает от этого палящего белого солнца в розовом небе. По его положению я вычисляю, что сейчас примерно десять утра, то есть мы на арене уже сутки. Одиннадцать из нас мертвы. Тринадцать живы. Десять скрываются где-то в джунглях. Три или четыре профи. Я действительно не испытываю желания вспоминать, кто остальные.

Для меня джунгли быстро превратились из места защиты в зловещую ловушку. Я знаю, что когда-нибудь мы будем вынуждены вернуться туда, охотясь или будучи добычей, но прямо сейчас я планирую держаться нашего небольшого бережка. И я не слышу предложений от Пита или Финника поступить иначе. Какого-то время джунгли кажутся почти неизменными, гудящими, мерцающими, но не выставляющими напоказ свои опасности. А затем где-то на расстоянии раздается крик. Недалеко от нас деревья в джунглях начинают вибрировать. Огромная волна поднимается на вершине холма, над деревьями, и, ревя, спускается по склону. Она ударяет в морскую воду с такой силой, что, даже несмотря на то, что мы стоим далеко от края берега, прилив затопляет нас по колени, захватывая некоторые из наших вещей. Мы трое успеваем собрать все, прежде чем их унесет в море, кроме разъяренных химикатами комбинезонов, но они настолько испорчены, что нас не волнует, потеряем мы их или нет.

Стреляет пушка. Мы видим, как планолет появляется над тем местом, где началась волна, и поднимает тело между деревьями. Двенадцать, думаю я.

Водяной круг постепенно успокаивается, поглотив гигантскую волну. Мы кладем свои вещи назад, на влажный песок, и собираемся вновь усесться, когда я замечаю их. Три фигуры, примерно в двух спицах от нас, идут, спотыкаясь, по берегу.

- Там, - говорю я спокойно, кивая в сторону новоприбывших. Пит и Финник следуют за моим пристальным взглядом. Как будто по команде, все мы отходим в тень джунглей.

Трио в плохой форме, это сразу видно. Один фактически тащит другого, а третий как-то странно идет, кружа и петляя. Они полностью кирпично-красного цвета, словно их окунули в краску и оставили сушиться.

- Кто это? - спрашивает Пит. - Или что? Переродки?

Я вытаскиваю стрелу, готовясь к нападению. Но все, что происходит, - тот, которого тянули, обрушивается на берег. Тянувший в расстройстве топает ногой по земле, очевидно, теряя самообладание, поворачивается и толкает кружащего.

Лицо Финника сияет:

- Джоанна! - зовет он и бежит к красным фигурам.

- Финник! - слышу я в ответ голос Джоанны.

Мы с Питом обмениваемся взглядами.

- Ну, и что теперь? - спрашиваю я.

- Мы не можем оставить Финника, - отвечает он.

- Полагаю, нет. Тогда идем, - говорю я недовольно, потому что, даже если бы у меня был список союзников, Джоанны Мейсон в нем, определенно, не было бы. Мы двое топчем по берегу туда, где Финник и Джоанна только что встретились. Когда мы подходим ближе, я вижу ее товарищей и застываю в замешательстве. На земле на спине лежит Бити, а ноги Вайрис снова начали заплетаться.

- Гайка и Вольт? - говорит Пит, не менее озадаченный. - Я обязан узнать, как такое случилось.

Когда мы добираемся до них, Джоанна машет в сторону джунглей и что-то очень быстро рассказывает Финнику.

- Мы думали, что это дождь, ну, понимаешь, изза молний. Но когда он начал капать, это оказалось кровью. Густой, горячей кровью. Мы не могли видеть, мы не могли говорить, не набрав полный рот. Мы только бродили вокруг, пытаясь выйти из него. Именно тогда Блайта ударило силовое поле.

- Мне жаль, Джоанна, - говорит Финник. Около минуты у меня уходит на то, чтобы понять, кто такой Блайт. Я думаю, он был напарником Джоанны из Дистрикта7, но я не помню, видела ли я его. Задумавшись об этом, я пришла к выводу, что он не показывался на тренировках.

- Да. Ну, он, конечно, не значил слишком много для меня, но он был из дома, - произносит она. - И он оставил

меня наедине с этими двумя. - Она подталкивает Бити, который находится в полубессознательном состоянии, носком ботинка. - Он получил нож в спину у рога изобилия. А она...

Все мы смотрим на Вайрис, которая кружит невдалеке, покрытая высохшей кровью, и бормочет:

- Тиктак, тиктак.

- Да, мы знаем. Тиктак. Гайка в шоке, - говорит Джоанна. Это, кажется, тянет Вайрис в ее сторону, и она наклоняется к Джоанне, которая резко толкает ее на берег. - Просто лежи, а?

- Отстань от нее, - огрызаюсь я.

Джоанна сужает свои карие глаза, смотря на меня с ненавистью.

- Отстать от нее? - шипит она. Она выскакивает вперед, прежде чем я могу отреагировать, и дает мне такую сильную пощечину, что у меня из глаз сыплются звезды. - Кто, потвоему, тащил их из тех истекающих кровью джунглей для тебя? Ты... - Финник перекидывает ее извивающееся тело через плечо и несет в воду, окуная ее раз за разом, пока она выкрикивает в мою сторону понастоящему оскорбительные вещи. Но я не стреляю. Изза того, что она с Финником, и изза ее слов о том, что она тащила их для меня.

- Что она имеет в виду? Что тащила их для меня? - спрашиваю я Пита.

- Я не знаю. Ты на самом деле хотела их в союзники сначала, - напоминает он мне.

- Да, хотела. Сначала. - Но это ничего не объясняет. Я смотрю вниз на неподвижное тело Бити. - Но у меня не будет их долго, если мы ничего не сделаем.

Пит поднимает Бити на руки, а я беру ладонь Вайрис, и мы возвращаемся к нашему небольшому лагерю на берегу. Я усаживаю Вайрис на отмель, так, чтобы она могла немного отмыться, но она лишь сжимает свои руки вместе и иногда бормочет:

- Тиктак.

Я расстегиваю пояс Бити и нахожу тяжелый металлический цилиндр, привязанный к нему лозой. Я не могу сказать, что это, но раз он считал, что его нужно хранить, я не собираюсь быть тем, кто это потеряет. Я бросаю его на песок. Одежда Бити приклеилась к нему кровью, так что, Пит держит его в воде, пока я пытаюсь ее снять. На то, чтобы стащить комбинезон, уходит немало времени, а потом мы обнаруживаем, что все его белье также насквозь пропитано кровью. У нас нет выбора, кроме как раздеть его до гола, чтобы вымыть, но, надо сказать, на меня это не производит такого впечатления, как раньше. На нашем кухонном столе в этом году лежало очень много обнаженных мужчин. Через какое-то время к этому начинаешь привыкать.

Мы раскидываем коврик Финника и кладем Бити на живот, так, чтобы можно было исследовать его спину. Рана, примерно шести дюймов [25] длиной, располагается от его лопаток до ребер. К счастью, она не очень глубокая. Хотя он потерял много крови, что можно определить по бледности его кожи, и она все еще сочится из раны.

Я сижу на корточках, пытаюсь думать. С чем я могу поработать? Морская вода? Я чувствую себя, как мама, когда ее первой частью лечения было прикладывание к ранам снега. Я смотрю в джунгли. Могу поспорить, что там есть целая аптека, если бы я только знала, как ее использовать. Но это не мои растения. Тогда я думаю о мхе, который Мэг дала мне, чтобы я высморкалась.

- Скоро вернусь, - говорю я Питу.

К счастью, такой мох довольно распространен в джунглях. Я отрываю целую охапку от ближайших деревьев и приношу его на берег. Я делаю плотную подкладку из мха, кладу ее на порез Бити и привязываю это к его телу при помощи лиан. Мы даем ему немного воды, а затем оттаскиваем в тень джунглей.

- Думаю, это все, что мы можем сделать, - говорю я.

- Это хорошо. Ты хорошо обращаешься со всеми этими лекарственными материалами, - отвечает Пит. - Это у тебя в крови.

- Нет, - говорю я, качая головой. - Мне досталась кровь отца. - Та, которая начинает закипать при виде охоты, а не эпидемии. - Я собираюсь заняться Вайрис.

Я беру немного мха, чтобы использовать его как губку, и присоединяюсь к Вайрис на отмели. Она не сопротивляется, пока я избавляюсь от ее одежды и смываю кровь с ее кожи. Но ее глаза распахнуты от страха, и когда я обращаюсь к ней, она не отвечает, только повторяет со все большей настойчивостью:

- Тиктак.

Она действительно, кажется, пытается сказать мне что-то, но без Бити, который способен перевести ее мысли, я не понимаю.

- Да. Тиктак, тиктак, - говорю я. Это, похоже, немного успокаивает ее. Я стираю ее комбинезон, пока на нем не остается ни следа крови, и помогаю ей влезть в него обратно. Он не поврежден, как были наши. Ее пояс тоже в

порядке, так что, я закрепляю и его. Затем я прижимаю ее белье вместе с нательной одеждой Бити камнями и оставляю отмокать.

Когда я заканчиваю полоскать комбинезон Бити, блестящая, чистая Джоанна и шелушащийся Финник присоединяются к нам. Пока Джоанна пьет воду и ест моллюски, я пытаюсь уговорить Вайрис сделать то же самое. Финник рассказывает о тумане и обезьянах бесцветным, почти машинальным голосом, избегая самых важных деталей истории.

Каждый предлагает сторожить, пока остальные отдыхают, но, в конце концов, именно мы с Джоанной остаемся бодрствовать. Я, потому, что действительно чувствую себя отдохнувшей, а она, потому, что просто отказывается ложиться. Двое из нас сидят в тишине на берегу, пока остальные спят.

Джоанна внимательно смотрит на Финника, чтобы убедиться, что он на самом деле заснул, а затем поворачивается ко мне.

- Как вы потеряли Мэг?

- В тумане. Финник нес Пита. А я некоторое время несла Мэг. Потом я не смогла поднять ее. А Финник сказал, что у него не получится взять их обоих. Она поцеловала его и отправилась прямо в отраву, - говорю я.

- Она был ментором Финника, ты знала? - произносит Джоанна обвиняющим голосом.

- Нет, я не знала, - отвечаю я.

- Она была частью его семьи, - говорит она через некоторое время, но в ее словах уже меньше яда.

Мы наблюдаем за тем, как вода омывает белье.

- Ну, так что ты делала с Гайкой и Вольтом? - спрашиваю я.

- Я же сказала тебе, я тащила их для тебя. Хеймитч утверждал, что мы станем союзниками, если я приведу их к тебе, - говорит Джоанна. - Это ведь то, что ты сказала ему, верно?

Нет, думаю я. Но киваю головой, соглашаясь.

- Спасибо, я ценю это.

- Я надеюсь на это. - Она смотрит на меня, переполняемая ненавистью, так, словно я самая большая обуза в ее жизни. Интересно, это похоже на то, как будто у тебя есть старшая сестра, которая тебя понастоящему ненавидит?

- Тиктак, - слышу я позади себя. Я поворачиваюсь и вижу, как Вайрис начинает уползать. Ее взгляд сосредоточен на джунглях.

- О, прекрасно, она вернулась. Ладно. Я иду спать. Вы с Гайкой можете охранять вместе, - говорит Джоанна. Она отходит и ложится рядом с Финником.

- Тиктак, - шепчет Вайрис. Я подвожу ее к себе и заставляю лечь, поглаживая ее руку, чтобы успокоить. Она засыпает, беспокойно шевелясь и иногда выдавая свою фразу: - Тиктак.

- Тиктак, - соглашаюсь я мягко. - Время ложиться. Тиктак. Время спать.

Прямо над нами светит солнце. Наверно, полдень, думаю я рассеянно. Не то, чтобы это имело значение. Справа по ту сторону воды я вижу яркую вспышку, будто молния попадает в дерево, и гроза начинается снова. Прямо в том же самом месте, что и вчера ночью. Ктото, вероятно, двинулся в эту зону, вызвал атаку. Я сижу некоторое время, смотря на молнию и сохраняя спокойствие Вайрис, убаюканной своего рода умиротворенным плеском воды. Я думаю о том, как вчера ночью молния началась только после того, как звонил колокол. Двенадцать ударов.

- Тиктак, - произносит Вайрис, на мгновение просыпаясь и тут же снова засыпая.

Двенадцать ударов вчера ночью. Словно это была полночь. Потом молния. А теперь солнце прямо над нами. И молния.

Медленно я встаю и рассматриваю арену. Молния там. В следующей части был кровавый дождь, под который попали Джоанна, Вайрис и Бити. Мы были в третьей секции, прямо рядом с ними, когда появился туман. И как только он был высосан, обезьяны начали собираться в четвертой. Тиктак. Моя голова поворачивается в другую сторону. Несколько часов назад, около десяти, та волна пришла из второй секции, слева от той части, в которой сейчас вспыхивает молния. В полдень. В полночь. В полдень.

- Тиктак, - говорит Вайрис во сне. Когда молния прекращается, а кровавый дождь начинается с правой стороны от нее, ее слова внезапно обретают смысл.

- Ох, - выдыхаю я. - Тиктак. - Мой взгляд охватывает полный круг арены, и я понимаю, что она права. - Тиктак. Это часы.

Часы. Я почти могу видеть, как стрелки двигаются по кругу разделенной на двенадцать секторов арены. Каждый час начинается новый ужас, новое оружие распорядителей Игр и заканчивается предыдущее. Молния, кровавый дождь, туман, обезьяны - это первые четыре часа. В десять - волна. Я не знаю, что происходит в других семи, но я знаю, что Вайрис права.

В данный момент идет кровавый дождь, а мы на пляже обезьяньего сегмента, слишком близко к туману, на мой взгляд. Остаются ли все эти атаки в пределах джунглей? Не обязательно. С волной было не так. Если тот туман выйдет из джунглей, или вернуться обезьяны...

- Вставайте, - приказываю я, тряся Пита, Финика и Джоанну. - Поднимайтесь, нам нужно идти. - Тем не менее, у меня есть достаточно времени, чтобы рассказать им о своей теории насчет часов. О тиктак Вайрис и о том, как движение невидимых стрелок вызывает смертоносную силу в каждой секции.

Кажется, я убедила всех, кто в сознании, кроме Джоанны, которая, естественно, настроена против всего, что я предлагаю. Но даже она соглашается, что лучше перестраховаться, чем потом жалеть.

Пока остальные собирают наши небольшие пожитки и засовывают Бити обратно в его комбинезон, я бужу Вайрис. Она просыпается с испуганным «тиктак».

- Да, тиктак, часы арены. Это часы, Вайрис, ты была права, - говорю я. - Ты была права.

Облегчение затопляет ее лицо, я полагаю, потому, что кто-то наконец понял то, что она знает, вероятно, с первого боя колокола.

- Полночь.

- Это начинается в полночь, - соглашаюсь я.

Какоето воспоминание изо всех сил пытается всплыть у меня в голове. Я вижу циферблат. Нет, это часы, лежащие на ладони Плутарха Хевенсби. А потом моя сойкапересмешница вспыхивает на мгновение и исчезает. Предаваясь воспоминаниям, я понимаю, что это походит на то, как будто он давал мне подсказку об арене. Но зачем ему это? В тот момент я была не большим трибутом в этих Играх, чем он. Возможно, он думал, что это поможет мне как ментору. Или, возможно, этот план был все время.

Вайрис кивает на кровавый дождь.

- Одинтридцать, - говорит она.

- Точно. Одинтридцать. А в два ужасно ядовитый туман начнется там, - произношу я, указывая на соседние джунгли. Поэтому сейчас нам нужно переместиться в более безопасное место. - Она улыбается и покорно встает. - Хочешь пить? - Я протягиваю ей сотканную миску, и она выпивает примерно четверть. Финник дает ей последний кусок хлеба, и она грызет его. Со своей неспособностью нормально общаться она снова функционирует.

Я проверяю свое оружие. Привязываю втулку и тюбик с лекарством к поясу лианой.

Бити все еще не в себе, но когда Пит пытается поднять его, он возражает.

- Вайри, [26] - произносит он. - Она прямо здесь, - говорит ему Пит. - Вайрис в порядке, она тоже идет.

Но Бити все равно сопротивляется:

- Вайри, - настаивает он.

- О, я знаю, что он хочет, - говорит Джоанна нетерпеливо. Она пересекает берег и берет цилиндр, который мы сняли с его пояса, пока купали его. Он покрыт толстым слоем высохшей крови. - Эту ничего не стоящую вещь. Это какойто провод или чтото вроде. Именно так его ранили. Добрался до Рога изобилия, чтобы взять это. Я не знаю, что это за оружие. Думаю, можно втянуть его часть и использовать как гарроту [27] или нечто подобное. Но вы можете представить Бити, душащего когото таким образом?

- Он победил на своих Играх с проводом. Устанавливая его как электрические ловушки, - говорит Пит. - Это лучшее оружие, которое у него могло быть.

Есть нечто странное в том, что Джоанна не сложила все это вместе. Чтото здесь не является правдой. Подозрительно.

- Как же ты это не вычислила? - произношу я. - Ты же дала ему прозвище Вольт, и все такое.

Джоанна смотрит на меня, опасно сужая глаза.

- Да, это было действительно глупо с моей стороны, не так ли? - говорит она. - Полагаю, я была слишком занята, поддерживая твоих маленьких друзей. Пока ты... что? Смотрела, как умирает Мэг?

Мои пальцы сжимаются на рукоятке ножа на моем поясе.

- Давай. Попробуй. Меня не волнует, что ты залетела, я разорву тебе горло, - говорит Джоанна.

Я знаю, что не могу убить ее прямо сейчас. Но это только вопрос времени. Между Джоанной и мной. Прежде чем одна из нас прибьет другую.

- Может, нам всем лучше быть осторожными и смотреть, куда ступаем? - говорит Финник, стреляя в меня глазами. Он берет катушку и кладет ее на грудь Бити. - Вот твой провод, Вольт. Смотри, куда ты сможешь его включить.

Пит поднимает теперь податливого Бити.

- Куда теперь?

- Я бы хотел пойти к Рогу избылиия и осмотреться. Только чтобы удостовериться, что мы и правда на часах, - говорит Финник. Это кажется таким же хорошим планом, как и любой другой. Кроме того, я бы не возражала взглянуть на оружие снова. И теперь нас шестеро. Даже если не брать в расчет Бити и Вайрис, у нас есть четыре хороших бойца. Это так отличается, от того, как я в прошлом году была на арене сама за себя и делала все самостоятельно. Да, это прекрасно - иметь союзников, пока ты можешь игнорировать мысль о том, что тебе придется их убить.

Бити и Вайрис, вероятно, найдут способ умереть самостоятельно. Если нам придется бежать от чего-то, как далеко они уйдут? Джоанну, будем откровенны, я смогу легко убить, когда речь пойдет о безопасности Пита. Или, может, даже для того, чтобы просто заткнуть ее. То, что мне действительно нужно, так это чтобы кто-то вывел из Игры Финника вместо меня, потому что я не думаю, что смогу сделать это сама. Не после всего, что он сделал для Пита. Я размышляю о вероятности его столкновения с профи. Это ужасно, я знаю. Но какой у меня выбор? Теперь, когда нам известно о часах, он, вероятно, не погибнет в джунглях, поэтому кто-то вынужден будет столкнуться с необходимостью убить его в бою.

Иза того, что думать об этом так отвратительно, мои мысли изо всех сил стараются уйти от этой темы. Но единственное, что отвлекает меня от моего нынешнего положения, - это фантазии об убийстве президента Сноу. Не слишком милые мечтания для семнадцатилетней девушки, полагаю, но очень удовлетворяющие.

Мы спускаемся к ближайшей полоске песка, с осторожностью приближаясь к Рогу избылиия, на тот случай, если профи все-таки скрываются там. Я в этом сомневаюсь, потому что мы были на берегу в течение многих часов, а тут никто не проявлял никаких признаков жизни. Область безлюдна, как я и ожидала. Остались только золотой Рог и груды оружия.

Когда Пит кладет Бити в тень от Рога избылиия, тот зовет Вайрис. Она приседает около него, а он сует ей в руки катушку провода.

- Почисти его, сможешь? - спрашивает он.

Вайрис кивает и несется к воде. Она начинает тихонько напевать какую-то забавную детскую песенку о мышке, которая поднималась к часам. Она должна быть для детей, но, кажется, это делает ее счастливой.

- О! Только не эта песня... Опять, - говорит Джоанна, закатывая глаза. - Это продолжалось в течение многих часов, прежде чем она начала тикать.

Внезапно Вайрис выпрямляется и указывает на джунгли:

- Два, - говорит она.

Я слежу за направлением ее пальца, туда, где стена тумана только что начала просачиваться на берег.

- Да, смотрите, Вайрис права. Два часа. Туман начался.

- С точностью часового механизма, - говорит Пит. - Ты, должно быть, очень умна, Вайрис, раз распознала это. Вайрис улыбается и возвращается к пению и мытью катушки.

- О, она более чем умна, - произносит Бити. - Она обладает интуицией. - Все мы поворачиваемся, чтоб посмотреть на Бити, который, кажется, возвращается к жизни. - Она может ощущать вещи раньше, чем кто-либо. Как канарейка в ваших угольных шахтах.

- О чем это он? - спрашивает Финник.

- О птице, которую мы спускаем в шахты, чтобы она предупредила нас, если воздух загрязнен, - объясняю я.

- И что она делает, умирает? - спрашивает Джоанна.

- Сначала она прекращает петь. И вам сразу же следует уйти. Но если воздух слишком загрязнен, да, она умирает. И вы тоже. - Я не хочу говорить об умирающих певчих птицах. Они напоминают мне о смерти отца и Руты, и смерти Мейсли Доннер, и ее птички, которую унаследовала моя мама. О, отлично, а теперь я вообще думаю о Гейле, находящемся глубоко под землей в тех ужасных шахтах, с угрозой президента Сноу, нависшей над его головой. Как легко там это все обставить несчастным случаем. Замолкающая канарейка, искра и больше ничего.

Я возвращаюсь к представлению убийства президента.

Несмотря на то, что она раздражена изза Вайрис, Джоанна такая же довольная, как я видела ее когда то на арене. В то время, как я добавляю к своему запасу стрелок, она ходит вокруг, пока не находит два смертельно выглядящих топора. Это кажется мне странным выбором, пока я не вижу, как она бросает один с такой силой, что он врезается в немного размягченное солнцем золото Рога изобилия. Ну, конечно. Джоанна Мейсон. Дистрикт7. Древесина. Держу пари, она начала кидать топор раньше, чем ходить. Это смахивает на Финника с его трезубцем. Или Бити с его проводом. Руту со знанием растений. Я осознаю, что это еще одно неудобство, с которым приходилось сталкиваться трибутам из Дистрикта12 все эти годы. Мы не спускаемся в шахты до восемнадцати лет. А большинство других трибутов изучают промышленность своего дистрикта с детства. В шахтах ты делаешь вещи, которые могли бы пригодиться на Играх. Владение киркой. Умение взрывать вещи. Это дает преимущество. Так, как дала его мне охота. Но мы начинаем учиться всему слишком поздно.

Пока я разбираюсь с оружием, Пит садится на корточки, рисуя что то своим ножом на большом гладком листе, который он принес из джунглей.

Я смотрю ему через плечо и вижу, что он создает карту арены. В центре Рог изобилия на круге с двенадцатью полосами песка, отходящими от него. Это походит на пирог, нарезанный на двенадцать равных кусков. Следующий круг изображает воду, а за ним немного больший по размеру - джунгли.

- Смотри, как размещен Рог изобилия, - говорит он мне.

Я рассматриваю Рог и понимаю, что он имеет в виду.

- Его хвост указывает на двенадцать часов, - произношу я.

- Именно. Значит, это вершина наших часов, - отвечает он и быстро нацарапывает циферблат с числами от одного до двенадцати. - С двенадцати до часу - зона молний. - Он рисует крошечный знак молнии в соответствующей части, затем идет по часовой стрелке, добавляя кровавый дождь, туман и обезьян в последующих секциях.

- И с десяти до одиннадцати - волна, - говорю я. Он добавляет и ее. В этот момент к нам присоединяются Финник и Джоанна, вооруженные до зубов трезубцами, топорами и ножами. - Вы замечали что нибудь странное в других местах? - спрашиваю я Джоанну и Бити, потому что они, возможно, могли видеть то, что нам не удалось. Но все, что они видели, - это ливни крови. - Полагаю, там может быть все, что угодно.

- Я собираюсь отметить те зоны, где, как мы знаем, проходит оружие распорядителей Игр, так что, мы просто можем избегать этих мест, - говорит Пит, проводя диагональные линии тумана и волны. Потом он отстраняется. - Ну, это в любом случае намного больше, чем мы знали сегодня утром.

Мы все киваем, соглашаясь, и в этот момент я кое что замечаю. Тишину. Наша канарейка прекратила петь.

Я не жду. Я достаю стрелу, пока поворачиваюсь, чтобы увидеть, как Глосс, с которого стекает вода, бросает Вайрис на землю, на ее горле порез, дарящий нам ярко красную улыбку. Моя стрела попадает в его правый висок, и в тот момент, когда я тянусь, за новой, Джоанна хоронит лезвие своего топора в груди Кашмир. Финник сбивает трезубцем копьё Брута, которое тот запускает в Пита, и получает нож Энобарии в бедро. Если бы тут не было Рога изобилия, за который они могли нырнуть, они были бы мертвы, оба трибута из Дистрикта2. Я выступаю вперед, собираясь преследовать их. Бум. Бум. Бум. Пушки извещают нас о том, что нет никакого способа помочь Вайрис, никакой потребности заканчивать с Глоссом и Кашмир. Мои союзники и я оббегаем горн, собираясь преследовать Брута и Энобарии, несущихся по полоске песка в сторону джунглей.

Внезапно под моими ногами начинает дрожать земля, и я падаю на песок. Круг земли, на котором находится Рог изобилия, быстро вращается, понастоящему быстро, и я могу видеть, как джунгли превращаются в одно сплошное пятно. Я чувствую, что центробежная сила тянет меня к воде, и зарываю свои руки и ноги в песок, пытаюсь каким то образом остаться на движущейся земле. Изза летящего песка и головокружения, мне приходится зажмуриться. На самом деле нет ничего, чтобы я могла сделать, кроме как держаться. Без замедления мы останавливаемся.

Кашляя и чувствуя тошноту, я медленно сажусь, находя своих товарищей в точно таком же состоянии. Финник, Джоанна и Пит удержались. Три трупа сброшены в морскую воду.

После того, как мы потеряли песню Вайрис, прошло не больше одной двух минут. Мы сидим там, задыхаясь, очищая свои рты от песка.

- Где Вольт? - говорит Джоанна. Мы вскакиваем на ноги. Один обход вокруг Рога изобилия, который мы совершаем, шатаясь, подтверждает, что он пропал. Финник находит его в воде примерно в двадцати ярдах от нас, едва удерживающегося на поверхности, и плывет за ним.

В этот момент я вспоминаю про провод и про то, как он был важен для Бити. Я в отчаяние смотрю вокруг. Где

он? Где он? И затем я замечаю его, он все еще зажат в руке Вайрис, которая плавает далеко на воде. Внутри у меня все сжимается оттого, что я должна сделать дальше.

- Прикройте меня, - говорю я остальным. Я отбрасываю свое оружие и мчусь по самой близкой к ее телу полосе песка. Не медля ни секунды, я ныряю в воду и плыву к ней. Краем глаза я замечаю, как над нами появляется планолет, «клешня» начинает опускаться, чтобы забрать ее. Но я не останавливаюсь. Я продолжаю грести с такой скоростью, с которой только могу, надеясь, что все не закончится тем, что я врежусь в ее тело. Подплывая, я задыхаюсь, но стараюсь не глотать воду, запачканную кровью, струящейся из ее раны на голе. Она плавает на спине, поддерживаемая поясом и смертью, уставившись на беспощадное солнце. Когда я прорываюсь через воду, мне приходится буквально вырывать катушку из ее пальцев, потому что ее предсмертная хватка была очень сильной. Нет ничего, что я могла бы сделать после, я закрываю ее глаза, шепчу слова прощания и уплываю. К тому времени, когда я кидаю катушку на песок и вылезаю из воды, ее тела уже нет. Но я все еще могу чувствовать ее кровь, смешанную с морской солью.

Я направляюсь обратно к Рогу избылия. Финник вернул Бити живым, хотя тот немного нахлебался. Он сидит и выплевывает воду. Он догадался держать свои очки, так что, хотя бы может видеть. Я кладу моток провода ему на колени. Он блесит от чистоты, никакой крови не осталось вообще. Бити распутывает часть мотка и протягивает его между пальцев. Впервые я рассматриваю это, и оно не похоже ни на один провод, который я знаю. Он бледнозолотого цвета и тонкий, как волос. Интересно, какой он длины. Это должны быть мили материала, чтобы заполнить такую большую катушку. Но я не спрашиваю, потому что знаю, что он думает о Вайрис.

Я смотрю на спокойные лица остальных. Теперь Финник, Джоанна и Бити, каждый потеряли своих партнеров из Дистрикта. Я подхожу к Питу и обнимаю его. Некоторое время мы все стоим в тишине.

- Давайте убираться с этого вонючего острова, - говорит Джоанна наконец. Мы смотрим на наше оружие, которое мы в основном сохранили. К счастью, лианы здесь крепкие: и втулка, и тубик с лекарством, обернутые тканью от парашюта, все еще прикреплены к моему поясу. Финник снимает свою майку и перевязывает ей рану от ножа Энобарии на своем бедре, она не глубокая. Бити считает, что сможет идти теперь сам, если мы пойдём не очень быстро, так что, я помогаю ему встать. Мы решаем отправиться по двенадцатичасовой линии песка. Это должно обеспечить нам часы спокойствия и держать нас подальше от любых отвратительных осадков. И затем Пит, Финник и Джоанна разворачиваются в трех разных направлениях.

- Двенадцать часов, верно? - говорит Пит. - Хвост указывает на двенадцать.

- До того, как они начали вращать нас, - отвечает Финник. - Я следил за солнцем.

- Солнце всего лишь сообщает тебе, Финник, что оно подходит к четырем, - произношу я.

- Думаю, точка зрения Китнисс заключается в том, что то, что нам известно, сколько времени, не означает, что мы знаем, где четыре часа находятся на арене. У вас может быть только общее представление о направлении. Если вы не считаете, что они переместили и кольцо джунглей, - говорит Бити.

Нет, точка зрения Китнисс более приземиста, чем это заключение. Теория, сформулированная Бити, выходит далеко за рамки моего замечания о солнце. Но я лишь киваю, как будто так и думала.

- Да, таким образом, любой из этих путей может привести к двенадцати часам, - говорю я.

Мы ходим вокруг Рога избылия, тщательно исследуя джунгли. Их единообразие озадачивает. Я помню высокое дерево, которое брало на себя первую молнию в двенадцать часов, но у каждого сектора есть такое дерево. Джоанна предлагает идти по следам Брута и Энобарии, но они были занесены или смыты. Нет никакой возможности, понять, где что.

- Мне не следовало говорить о часах, - произношу я с горечью. - Теперь они лишили нас и этого преимущества.

- Только временно, - отвечает Бити. - В десять мы снова увидим волну и выйдем на след.

- Да, но они могут перепроектировать всю арену, - говорит Пит.

- Это не имеет значения, - говорит Джоанна нетерпеливо. - Ты должна была сказать нам, иначе мы никогда не переместили бы свой лагерь из первого места, идиотка. - Как ни странно, только ее логичный, хотя и унижительный, ответ утешает меня. Да, я должна была сказать им, чтобы заставить их двигаться. - Пошлите, я хочу пить. Ни у кого нет приятного чувства выпотрошенности?

Мы наугад выбираем путь и идем по нему, не понимая, на какой номер мы нарвались. Когда мы доходим до джунглей, мы всматриваемся в них, пытаюсь разобраться, что нас там ждет.

- Ладно, это не может быть обезьяньим часом. И я не вижу там ни одной, - говорит Пит. - Поэтому я собираюсь пойти проколоть дерево.

- Нет, теперь моя очередь, - возражает Финник.

- Ну, я хотя бы прикрою тебя, - говорит Пит.

- Это может сделать Китнисс, - произносит Джоанна. - Ты нужен, чтобы нарисовать другую карту. Та была смыта. - Она отрывает от дерева большой лист и вручает ему.

На мгновение я начинаю подозревать, что они пытаются разделить нас и убить. Но в этом нет смысла. Я буду более полезна, если пойду с Финником к деревьям, а Пит будет более полезным, если останется с Джоанной. Таким образом, я слеую за Финником примерно на пятнадцать ярдов в джунгли, где он находит подходящее дерево и начинает удар за ударом проделывать в нем отверстие своим ножом.

Пока я стою там с оружием наготове, меня не оставляет чувство беспокойства, что чтото происходит, и это както связано с Питом. Я вспоминаю весь свой путь с того момента, как прозвучал гонг, ища источник своего дискомфорта. Финник, забирающий Пита с его металлической пластины. Финник, приводящий Пита в себя после удара силового поля, изза которого остановилось его сердце. Мэг, идущая в туман, чтобы Финник мог нести Пита. Наркоманка, бросающаяся перед ним, чтобы закрыть его от обезьяны. Сражение с профи было слишком быстрым, но это не помешало Финнику заблокировать копье, летящее в Пита, вместо того, чтобы защититься самому от ножа Энобарии, направленного ему в ногу. И даже сейчас Джоанна заставляет Пита рисовать карту на берегу, вместо того, чтобы подвергаться риску в джунглях.

Нет никого сомнения. По непонятным мне причинам некоторые победители пытаются спасти его, даже если это означает, что они должны пожертвовать собой.

Я поражена. Впервых, это моя работа. Ввторых, в этом нет никакого смысла. Победить может только один из нас. Так почему они выбрали Пита, чтобы защищать? Что такого Хеймитч мог сказать им, что такого пообещать, что они решили поместить жизнь Пита выше своей собственной?

Я знаю, по какой причине я собираюсь спасти Пита. Он мой друг, и это мой способ бросить вызов Капитолию, разрушить его ужасные Игры. Но если бы я на самом деле не была с ним никак связана, что могло заставить меня хотеть спасти его, предпочесть его самой себе? Конечно, он отважный, но мы все были достаточно отважны, чтобы пережить Игры. Его хорошие качества трудно не заметить, но все же... и затем я думаю об этом, о том, что Пит делает лучше, чем все остальные. Он умеет использовать слова. Он стер все возможные границы на обоих интервью. И, может быть, это потому, что те самые хорошие качества могут управлять толпой, нет, страной, обратить их на свою сторону одним простым предложением.

Я вспоминаю, как думала о том, что именно этим даром должен обладать лидер нашей революции. Неужели Хеймитч убедил в этом остальных? Что у языка Пита гораздо больше сил против Капитолия, чем у любого физического воздействия, на которое способны остальные. Я не знаю. Это попрежнему кажется мало вероятным для некоторых трибутов. Я имею в виду, мы же говорим о Джоанне Мейсон. Но чем еще можно объяснить их решительные действия по сохранению Пита в живых?

- Китнисс, ты дашь мне втулку? - Вопрос Финника возвращает меня в реальность. Я разрезаю лозу, которая привязывает металлическую втулку к моему поясу, и протягиваю трубку ему.

И в этот момент я слышу крик. Полный страха и боли. Кровь застывает у меня в жилах. Я бросаю втулку, забываю, где я и что вокруг, я только знаю, что я обязана добраться до нее, защитить ее. Я бегу, как сумасшедшая, невзирая на опасности, разрывая лозы и ветви, все, что попадается мне на пути, все, что мешает мне добраться до нее.

Добраться до моей маленькой сестры.

Глава 24

Где она? Что они с ней делают?

- Прим! - выкрикиваю я. - Прим!

В ответ я слышу лишь другой отчаянный крик.

Как она оказалась здесь? Почему она является частью Игр?

Лозы бьют по моему лицу и рукам, а те, что внизу, ловят мои ноги. Но я становлюсь ближе к ней. Ближе. Уже очень близко. Пот течет по моему лицу, он жжет заживающие кислотные раны. Я задыхаюсь, пытаюсь вобрать в себя хоть немного горячего, влажного воздуха, в котором, кажется, отсутствует кислород. Прим издает звук, такой потерянный, непоправимый звук, что я даже не могу представить, что они сделали, чтобы вызвать его.

- Прим! - Я прорываюсь сквозь стену зелени на небольшую поляну, и звук повторяется надо мной. Надо мной? Я скидываю голову. Я отчаянно смотрю на ветви, но ничего не нахожу. - Прим? - говорю я умоляюще. Я слышу ее, но не могу увидеть. Ее следующий вскрик раздается ясно, словно колокольчик, и не может быть никакой ошибки в источнике. Он выходит из уст маленькой черной хохлатой птички, сидящей на ветке приблизительно в десяти футах над моей головой. И затем я понимаю.

Это сойкаговорун.

Я никогда не видела ни одной раньше, я думала, они больше не существуют, мгновение, пока я прислоняюсь к дереву, ощущая острую боль в боку, я исследую ее. Переродок, предшественник, отец. Я представляю в уме пересмешницу, объединяю ее с сойкаговоруну, и, да, я могу представить, как у них получилась сойкапересмешница. Здесь нет ничего, кроме птицы, оказавшейся переродком. Ничего, кроме звуков, похожих на голос Прим, вытекающих из ее рта. Я заставляю ее замолчать, пронизывая стрелой ее горло. Птица падает на землю. Я достаю стрелу и скручиваю ей шею, чтобы воздать ей по полной. Затем я выкидываю эту отвратительную вещь в джунгли. Никакая сила голода никогда не заставит меня съесть это.

Это не было реально, убеждаю я себя. Так же, как волкипереродки в том году не были на самом деле мертвыми трибунами. Это только садистская уловка распорядителей Игр.

Финник вваливается на поляну, чтобы найти меня вытирающей свою стрелу мхом.

- Китнисс?

- Все в порядке. Я в порядке, - говорю я. Хотя я вовсе не чувствую себя «в порядке». - Я думала, что услышала свою сестру, но... - Пронзительный вопль обрывает меня. Другой голос, не Прим, возможно, молодой женщины. Я не узнаю его. Но это производит на Финника мгновенный эффект. Его лицо бледнеет, и я могу на самом деле видеть, как его зрачки расширяются от страха. - Финник, подожди, - говорю я, собираясь разубедить его, но он уже убегает. Несется в поисках жертвы, так же не думая, как я искала Прим. - Финник, - зову и зову я, понимая, что он не будет останавливаться и ждать меня, чтобы я дала ему разумное объяснение. Таким образом, все, что я могу сделать, - это следовать за ним.

Не составляет труда выследить его, даже притом, что он двигается очень быстро, потому что он оставляет совершенно очевидный протоптанный след. Но птица по меньшей мере в четверти мили от нас, большая часть этого пути в гору, и к тому времени, когда я достигаю его, я задыхаюсь. Он бежит вокруг гигантского дерева. Ствол, должно быть, четыре фута в диаметре, и ветки не растут даже на высоте двадцати футов. Вопли женщины раздаются откудато изза листвы, но сойкаговорун не видно. Финник тоже кричит, все повторяя и повторяя:

- Энни! Энни!

Он полностью охвачен паникой, совершенно недостижимый, поэтому я делаю то, что сделала бы, так или иначе. Я взбираюсь на соседнее дерево, нахожу сойкаговоруну и поражаю птицу стрелой. Она падает вниз, приземляясь прямо перед Финником. Он поднимает ее, потихоньку сопоставляя все события, но когда я спускаюсь, чтобы присоединиться к нему, он выглядит еще более отчаянным, чем когда-либо.

- Все нормально, Финник. Это всего лишь сойкаговорун. Они сыграли с нами злую шутку, - объясняю я. - Это не понастоящему. Это не твоя... Энни.

- Нет, это не Энни. Но это ее голос. Сойкиговоруну подражают тому, что слышат. Где они взяли эти крики, Китнисс? - произносит он.

Я могу почувствовать, как бледнеют мои собственные щеки, когда я понимаю, о чем он.

- О, Финник, ты же не думаешь, что они...

- Да. Думаю. Это именно то, о чем я думаю, - говорит он.

Передо мной изображение Прим в белой комнате, привязанной к столу, пока фигуры в масках и халатах выпытывают у нее эти звуки. Гдето они мучают или мучили ее, получая эти звуки. Мои колени подгибаются, и я падаю на землю. Финник пытается сказать мне что-то, но я не слышу его. То, что я слышу, является другой птицей, начинающей кричать гдето вдалеке слева от меня. На сей раз это голос Гейла.

Финник ловит мою руку прежде, чем я смогу сбежать.

- Нет. Это не он. - Он начинает тянуть меня с горы к берегу. - Мы уходим отсюда. - Но голос Гейла полон такой боли, что я не могу удержаться от борьбы, чтобы добраться до него. - Это не он, Китнисс! Это переродок! - кричит Финник на меня. - Ну же! - Он двигает меня вперед, наполовину ведя, наполовину неся, пока я не осознаю то, что он сказал. Он прав, это еще одна сойкаговорун. Я не могу помочь Гейлу, найдя ее. Но это не меняет того факта, что это голос Гейла и гдето, ктото, когда-то заставил его вот так кричать.

Я прекращаю бороться с Финником и, как в ту ночь с туманом, убегая от того, чему не могу противостоять.

Того, что может причинить мне вред. Только на этот раз ранят мое сердце, а не тело. Это, должно быть, еще одно оружие часов. Четыре часа, полагаю. Когда стрелки доходят до четырех, обезьяны разбегаются по домам, а в игру выступают сойкиговоруны. Финник прав: уйти - это единственное что мы можем сделать. Хотя не будет ничего, что Хеймитч мог бы послать мне и Финнику, чтобы мы оправились от ран, которые нанесли нам птицы.

Я замечаю Пита и Джоанну, стоящих у линии деревьев, и переполняюсь смесью облегчения и гнева. Почему Пит не пришел, чтобы помочь мне? Почему никто не пошел за нами? Даже сейчас он не решается на это, его руки подняты, ладони приложены рупором к губам, но нет слов, доходящих до нас. Почему?

Стена настолько прозрачна, что мы с Финником врезаемся в нее на полном ходу и падаем на землю. Мне повезло. Все самое худшее пришлось на мое плечо, в то время как первый удар достался лицу Финника, и теперь из его носа хлещет кровь. Это то, почему Пит и Джоанна, даже Бити, который, как я вижу, печально качает головой, стоя за ними, не пришли нам на помощь. Невидимый барьер блокирует область перед ними. Это не силовое поле. Мы можем касаться твердой, гладкой поверхности, где угодно. Но нож Пита и топор Джоанны не могут пройти сквозь него. Я даже без проверки знаю, что стена тянется по всему периметру зоны «с четырех до пяти». Что мы пойманы в ловушку, будто крысы, пока не кончится час.

Пит кладет свою руку на поверхность, и я помещаю свою собственную напротив его, так, словно могу чувствовать ее через стену. Я вижу, как двигаются его губы, но я не могу слышать его, не могу слышать ничего за пределами нашего сектора. Я пытаюсь разобрать, что он говорит, но не могу сосредоточиться, таким образом, я просто смотрю на его лицо, прилагая все усилия, чтобы не потерять рассудок.

Затем птицы начинают прибывать. Одна за другой. Рассаживаются на соседних ветвях. И тщательно организованный ужасный хор начинает литься из их уст. Финник сдается сразу, горбясь на земле и зажимая уши руками так, будто собирается раздавить себе череп. Я пытаюсь бороться некоторое время. Отправляю свои стрелы в ненавистных птиц. Но каждый раз, когда одна падает замертво, другая быстро занимает его место. И наконец я тоже сдаюсь, сворачиваясь рядом с Финником, пытаюсь заблокировать мучительные звуки, издаваемые Прим, Гейлом, мамой, Мадж, Рори, Виком, даже Позы, беспомощной маленькой Позы...

Я понимаю, что это закончилось, когда чувствую руки Пита на себе, чувствую, как меня поднимают и несут из джунглей. Но я попрежнему держу глаза зажмуренными, а руками закрываю уши, мои мышцы слишком сильно затекли, чтобы я могла отпустить. Пит держит меня на своих коленях, произнося утешительные слова и нежно укачивая. Проходит не мало времени, прежде чем я ослабляю свою железную хватку. И когда я это делаю, начинается дрожь.

- Все в порядке, Китнисс, - шепчет Пит.

- Ты не слышал их, - отвечаю я.

- Я слышал Прим. В самом начале. Но это была не она, - говорит он. - Это была сойкаговорун.

- Это была она. Гдето. Сойкаговорун просто повторила это, - говорю я.

- Нет. Они только хотят, чтобы ты так думала. Точно так же, как я задавался вопросом, были ли это действительно глаза Диადемы в том переродке в прошлом году. Но это не были глаза Диадемы. И это не было голосом Прим. А если и было, они взяли его с интервью или еще откуда-то и исказили звук. Сделали это из того, что она когда-то говорила, - произносит он.

- Нет, они мучили ее, - отвечаю я. - Она может быть мертва.

- Китнисс, Прим не мертва. Как они могли убить Прим? Мы почти дошли до победной восьмерки. И что тогда? - говорит Пит.

- Еще семь из нас умрут, - отвечаю я безнадежно.

- Нет, я про дом. Что происходит, когда остаются только восемь трибутов? - Он поднимает мой подбородок, так, чтобы я смотрела на него. Вынуждает меня установить визуальный контакт. - Что происходит? С финальной восьмеркой?

Я понимаю, что он пытается помочь мне, поэтому я заставляю себя думать.

- С финальной восьмеркой? - повторяю я. - Они берут интервью у их родственников и друзей дома.

- Правильно, - говорит Пит. - Они берут интервью у всей твоей семьи и всех твоих друзей. А смогут они это сделать, если всех убили?

- Нет? - спрашиваю я, все еще не уверенная.

- Нет. Поэтому мы знаем, что Прим жива. Она будет первой, у кого они возьмут интервью, верно? - спрашивает он.

Я хочу верить ему. Ужасно хочу. Вот только... те голоса...

- Сначала Прим. Потом твоя мама. Твой кузен Гейл, Мадж, - говорит он. - Это был обман, Китнисс. Ужасный.

Но мы единственные, кому они могут причинить боль. Мы одни в Играх. Без них.

- Ты действительно веришь в это? - спрашиваю я.

- Да, действительно верю, - говорит Пит. Я вздрагиваю, думая о том, что Пит может заставить любого поверить во что угодно. Я смотрю на Финника, обращаясь за поддержкой, и вижу, что он слушает Пита, его слова.

- Ты веришь в это, Финник? - спрашиваю я.

- Это может быть правдой. Я не знаю, - говорит он. - Они могли сделать это, Бити? Взять чейто обычный голос и сделать его...

- О, да. Это совсем не сложно, Финник. Наши дети изучают подобную технику в школе, - отвечает Бити.

- Конечно, Пит прав. Вся страна обожают маленькую сестренку Китнисс. Если бы они действительно убили ее таким образом, они, вероятно, тут же получили бы восстание, - решительно заявляет Джоанна. - Они ведь не хотят этого, так? - Она вскидывает свою голову и кричит: - Восстание целой страны? Не хотелось бы чегонибудь вроде этого!

Мой рот широко открыт от потрясения. Никто и никогда не говорил ничего подобного на Играх. Несомненно, они вырежут Джоанну при редактировании. Но я слышала ее и теперь никогда не смогу думать о ней так, как раньше. Она никогда не получала никаких наград за доброту, но она, определенно, бесстрашная. Или сумасшедшая. Она поднимает несколько раковин и отправляется к джунглям.

- Я за водой, - говорит она.

Я не могу ничего с собой поделаться и хватаю ее за руку, когда она проходит мимо.

- Не ходи туда. Птицы... - Я помню, что они должны были уйти. Но я попрежнему не хочу, чтобы кто-то был там. Даже она.

- Они не причинят мне боли. Я не такая, как вы все. Не осталось никого, кого бы я любила, - говорит Джоанна, нетерпеливо вырывая руку из моей хватки. Когда она приносит мне раковину с водой, я беру ее с тихим кивком благодарности, понимая, как она бы презирала жалость в моем голосе.

Пока Джоанна запасает воду и поднимает мои стрелы, а Бити что-то делает со своим проводом, Финник отправляется к воде. Мне тоже надо вымыться, но я остаюсь в руках Пита, попрежнему слишком дрожа, чтобы двигаться.

- Кого они использовали против Финника? - спрашивает Пит.

- Какуюто Энни, - отвечаю я.

- Должно быть, Энни Креста, - говорит он.

- Кто это? - спрашиваю я.

- Энни Креста. Девушка, которую добровольно заменила Мэг. Она победила около пяти лет назад, - говорит Пит.

Это было в то лето, когда умер мой отец, когда мне пришлось начать кормить свою семью, когда я изо всех сил боролась с голодом.

- Я не особо помню те Игры, - отвечаю я. - Это было в год землетрясения?

- Ага. Энни была той, которая сошла с ума, когда ее партнер из дистрикта был обезглавлен. Она убежала и спряталась. Но землетрясение разрушило дамбу, и большая часть арены была затоплена. Она победила, потому что плавала лучше всех.

- Она поправилась после? - спрашиваю я. - Я имею в виду ее разум?

- Не знаю. Я не помню, чтобы когда-нибудь видел ее на Играх снова. Но она не выглядела слишком стойкой во время Жатвы в этом году.

Так вот, кого, в кого влюблен Финник, думаю я. Не в кого-то из своих фанатовлюбовников в Капитолии. А в бедную сумасшедшую девушку из дома.

Выстрел пушки собирает нас всех вместе на берегу. Планолет появляется в месте, которое мы оцениваем как зону «с шести до семи». Мы наблюдаем за тем, как «клешне» приходится спускаться пять раз, чтобы забрать части одного разорванного тела. Невозможно понять, кто это был. Независимо оттого, что случается в шесть часов, я не хочу этого знать.

Пит рисует новую карту на листе, добавляя «СГ» для соекговороунов в зоне «с четырех до пяти» и пишет просто «чудовище» там, где мы видели трибута, собранного по частям. Мы теперь знаем, чего ожидать от семи из двенадцати часов. И если и есть что-то хорошее в нападении соекговороунов, так это то, что мы снова знаем, где находимся на циферблате.

Финник плетет еще одну корзинку для воды и сеть для ловли рыбы. Я быстро купаюсь и намазываю свою

кожу еще одним слоем лекарства. А затем сижу у воды и чищу рыбу, пойманную Финником, наблюдая, как солнце скрывается за горизонтом. Уже восходит яркая луна, наполняя арену теми странными сумерками. Мы собираемся приступить к нашему ужину из сырой рыбы, когда начинается гимн. А затем лица...

Кашмир. Глосс. Вайрис. Мэг. Женщина из Дистрикта5. Наркоманка, отдавшая жизнь за Пита. Блайт. Мужчина из Дистрикта10.

Восемь мертвых. Плюс восемь с первой ночи. Две трети из нас уничтожены за полтора дня. Должно быть, это рекорд.

- Они действительно истребляют нас, - говорит Джоанна.

- Кто остался? Кроме нас пяти и Дистрикта2? - спрашивает Финник.

- Чэф, - говорит Пит, не задумываясь. Наверно, он бдительно следил за ним изза Хеймитча.

Спускается парашют с кучей квадратных маленьких булочек.

- Они из твоего дистрикта, верно, Бити? - спрашивает Пит.

- Да, из Третьего, - говорит он. - Сколько там?

Финник считает, переворачивая каждую в руках, прежде чем аккуратно их сложить. Я не знаю, что у Финника с хлебом, но он кажется поглощенным своим занятием.

- Двадцать четыре, - говорит он.

- Две дюжины, получатся? - спрашивает Бити.

- Двадцать четыре, именно, - отвечает Финник. - И как мы должны делить их?

- Давайте каждый возьмет по три, а те, кто будут еще живы во время завтрака, могут устроить голосование за остальные, - говорит Джоанна. Я не знаю, почему это заставляет меня улыбнуться. Наверно, потому что это верно. Когда я смеюсь, Джоанна смотрит на меня почти одобряющим взглядом. Нет, не одобряющим, а возможно, немного довольным.

Мы ждем, пока гигантская волна не затапливает зону «с десяти до одиннадцати», дожидаясь, пока отступит вода, и затем отправляемся на тот берег, чтобы разбить лагерь. Теоретически у нас должны быть двенадцать часов полной безопасности от джунглей. Здесь слышен какойто неприятный щелкающий хор, вероятно, от какихто злобных насекомых, исходящий из зоны «с одиннадцати до двенадцати». Независимо оттого, что звук остается в пределах джунглей, мы держимся вдали от той части берега в случае, если они только и ждут хорошей возможности прорваться к нам.

Я не знаю, как Джоанна все еще держится на ногах. Она спала только около часа с тех пор, как начались Игры. Мы с Питом добровольно вызываемся сторожить первые часы, потому что мы являемся самыми отдохнувшими и потому, что хотим некоторое время побыть наедине. Остальные мгновенно засыпают, хотя сон Финника очень беспокоен. Время от времени я слышу, как он бормочет имя Энни.

Мы с Питом сидим на влажном песке, отвернувшись друг от друга, мои правые плечо и бедро прижаты к его. Я слежу за водой, пока он наблюдает за джунглями, так лучше для меня. В моей голове все еще звучат голоса соекговорунов, которые, к сожалению, не могут заглушить насекомые. Через какоето время я откидываю голову ему на плечо. Чувствую, как его рука гладит мои волосы.

- Китнисс, - говорит он мягко. - Нет никакого смысла притворяться, будто мы не понимаем, что каждый из нас пытается сделать.

Да, полагаю, в этом нет смысла, но обсуждать это тоже не весело. Ну, во всяком случае, не для нас. Зрители Капитолия будут приклеены к экранам, чтобы не пропустить ни одного несчастного слова.

- Я не знаю, какую, как ты думаешь, сделку вы с Хеймитчем заключили, но ты должна знать, что он тоже дал мне обещание. - Конечно, я знаю это. Он сказал Питу, что поможет ему поддержать меня, чтобы тот ни о чем не подозревал. - Так что, мы можем предположить, что одному из нас он солгал.

Это привлекает мое внимание. Двойная сделка. Двойное обещание. И только Хеймитч знает, какое из них правдивое. Я поднимаю голову и встречаюсь с глазами Пита.

- Почему ты говоришь об этом сейчас?

- Потому что я не хочу, чтобы ты забывала, насколько различны наши обстоятельства. Если ты умираешь, а я выживаю, для меня не будет никакой жизни в Дистрикте12. Ты вся моя жизнь. - Я начинаю возражать, но он кладет палец мне на губы. - Для тебя это подругому. Я не говорю, что это не будет тяжело. Но у тебя есть и другие люди, ради которых стоит жить.

Пит вытаскивает цепочку с золотым кругом, висящую у него на шее. Он держит ее в лунном свете, так, что я могу ясно видеть сойкупересмешницу. Затем его большой палец скользит вдоль выемки, которую я не замечала раньше, и открывает круг. Он не сплошной, как мне казалось, это медальон. А в нем фотографии. На правой

стороне смеющиеся мама и Прим. А с левой - Гейл. Почти улыбающийся.

Нет ничего в мире, что могло сломить меня быстрее в тот момент, чем эти лица. После того, как я услышала их днем... это идеальное оружие.

- Ты нужна своей семье, Китнисс, - говорит Пит.

Моя семья. Мама. Сестра. И мой выдуманный кузен Гейл. Но замысел Пита очевиден. Тот, в котором Гейл - действительно моя семья, или будет когданибудь ей, если я выживу. Тот, в котором я выйду за него замуж. Таким образом, Пит дарит мне свою жизнь и Гейла одновременно. Чтобы сообщить мне, что у меня никогда не должно быть сомнений по этому поводу.

Все, что хочет Пит, чтобы я взяла это у него.

Я жду, что он упомянет ребенка, чтобы сыграть на камеры, но он не делает этого. И тогда я понимаю, что ничего из того, что он сказал, не является частью Игр. Что он говорит мне правду о том, что чувствует.

- Никто на самом деле не нуждается во мне, - говорит он, и в его голосе нет никакой жалости к себе. Это правда, что его семья не нуждается в нем. Они оплачат его, как и кучка друзей. Но они переживут. Даже Хеймитч при помощи огромного количества белого ликера переживет. Я понимаю, что есть только один единственный человек, который никогда не сможет восстановиться, если Пит умрет. Я.

- Я нуждаюсь, - произношу я. - Ты нужен мне. - Он выглядит расстроенным, глубоко вздыхая, как будто собираясь начать долгий спор, но это бесполезно, вообще не имеет смысла, потому что он будет продолжать говорить о Прим и моей маме, а я только запутаюсь. Так что, прежде чем он начнет разговор, я останавливаю его поцелуем.

Я чувствую это снова. То, что я чувствовала лишь однажды. В том году в пещере, когда я пыталась заставить Хеймитча прислать нам пищу. Я целовала Пита около тысячи раз во время тех Игр и после. Но был только один поцелуй, который заставил меня почувствовать, как шевелится что-то глубоко внутри. Только один, который заставил меня желать еще. Но рана на моей голове начала кровоточить, и он заставил меня лечь.

На этот раз нет ничего, кроме нас самих, чтобы прервать нас. И после нескольких попыток Пит сдается, отказываясь от разговора. Внутри меня растет ощущение тепла, которое идет из груди вниз по моему телу, вдоль рук и ног, заполняя все мое существо. Вместо того чтобы удовлетворять меня, поцелуи имеют обратный эффект - заставляют меня хотеть большего. Я считала, что могу быть экспертом в области голода, но этот вид совершенно новый.

Первый удар молнии, попадающей в полночь точно в дерево, приводит нас в чувство. А еще он будет Финника. Тот садится с резким вскриком. Я вижу, как его пальцы зарываются в песок, пока он убеждает себя, что кошмар, который он видел, не был реальностью.

- Я больше не смогу уснуть, - говорит он. - Один из вас должен отдохнуть. - В этот момент он, кажется, замечает выражения наших лиц и способ, которым мы обернуты вокруг друг друга. - Или вы оба. Я могу следить один.

Пит все же не позволяет ему этого.

- Это слишком опасно, - говорит он. - Я не устал. Ты ложись, Китнисс. - Я не возражаю, потому что мне действительно надо поспать, если я хочу, чтобы у меня было какоенибудь средство для сохранения его в живых. Я позволяю ему отвести меня к остальным. Он надевает цепочку с медальоном мне на шею, а затем кладет руку на то место, где должен был бы быть наш ребенок. - Знаешь, ты будешь великолепной матерью, - говорит он. Он целует меня в последний раз и возвращается к Финнику.

Его обращение к ребенку сигнализирует, что наш перерыв от Игр закончен. Он знает, что зрители будут задаваться вопросом, почему он не использовал самый убедительный аргумент из своего арсенала. Это должно подействовать на спонсоров.

Но когда я растягиваюсь на песке, я думаю, могло ли это быть чем-то большим? Вроде напоминания о том, что когданибудь я смогу иметь детей от Гейла? Ну, тогда это было ошибкой. Потому что именно это никогда не было частью моего плана.

К тому же, если только один из нас сможет быть родителем, для всех очевидно, что это должен быть Пит.

Пока я засыпаю, я пытаюсь представить мир, где-то в будущем, в котором нет ни Игр, ни Капитолия. Место, похожее на луг из той песни, которую я пела Руте, пока та умирала. Место, где ребенок Пита будет в безопасности.

Когда я просыпаюсь, я испытываю недолгое, восхитительное чувство счастья, которое какимто образом связано с Питом. Счастье, конечно, является чемто совершенно нелепым в этом месте, потому что, если вещи пойдут своим чередом, через пару дней я буду мертва. Мне повезет, если у меня получится устранить оставшихся игроков, включая себя, и добиться того, чтобы Пит был коронован как победитель Двадцатипятилетия Подавления. Тем не менее, чувство такое неожиданное и такое приятное, что я цепляюсь за него хотя бы на пару мгновений, прежде чем твердый песок, жаркое солнце и моя зудящая кожа потребуют возвращения к реальности.

Все уже встали и наблюдают за тем, как на берег спускается парашют. Я присоединяюсь к ним. Это еще одна поставка хлеба. Точно такая же, как та, что мы получили вчера вечером. Двадцать четыре булочки из Дистрикта3. Теперь у нас всего тридцать три. Каждый из нас берет по пять, восемь остается про запас. Никто не говорит об этом, но восемь прекрасно поделиться после следующей смерти. Так или иначе, при свете дня шутка о том, кто будет потом есть эти булочки, утрачивает свой юмор.

Как долго мы сможем сохранять свой союз? Не думаю, что ктото ожидал, что число трибутов сократиться так скоро. Что, если я не права в том, что остальные защищают Пита? Что если все это было лишь случайностями, или стратегией завоевать наше доверие, чтобы сделать нас легкой добычей, а если я вообще не понимаю, что происходит? Стоп, никаких «если» на этот счет. Я не понимаю, что происходит. А раз я не понимаю, самое время нам с Питом убираться отсюда.

Я сажусь на песок рядом с Питом, чтобы съесть свои булочки. По какойто причине мне трудно смотреть на него. Может, это изза поцелуев прошлой ночью, хотя в том, что мы двое целуемся, нет ничего нового. Для него это, наверно, даже не было чемто особенным. Может, это изза того, как мало у нас осталось времени. И как мы разберемся со своими противоречащими друг другу намерениями, когда дело дойдет до того, что нам придется решать, кто переживет эти Игры?

После еды я беру его за руку и тащу к воде.

- Пошли. Я буду учить тебя плавать. - Мне нужно отвести его подальше от других, чтобы мы смогли обсудить наше отделение. Мы должны будем быть очень находчивы, потому что, как только остальные поймут, что мы расторгаем договор, мы сразу же станем мишенями.

Если бы я действительно учила его плавать, я заставила бы его снять пояс, потому что тот держит его на воде. Но какое значение это имеет теперь? Так что, я лишь показываю ему основной гребок и велю практиковаться, плавая туда сюда в воде по пояс. Сначала я замечаю, как Джоанна настороженно следит за нами, но, в конце концов, она теряет к нам интерес и уходит, чтобы вздремнуть. Финник плетет новую сеть из лиан, а Бити играет со своим проводом. Я понимаю, что время пришло.

Пока Пит плавает, я замечаю коечто еще. Мои оставшиеся струпья начинают отшелушиваться. Осторожно потирая горсткой песка свою руку, я счищаю последние чешуйки и открываю под ними новую кожу.

Я останавливаю тренировку Пита под предлогом демонстрирования ему, как избавиться от оставшихся струпьев, и, пока мы очищаем себя, я затрагиваю тему побега.

- Слушай, осталось всего восемь. Помоему, самое время уходить, - говорю я очень тихо, хотя и сомневаюсь, что ктото из трибутов сможет меня услышать.

Пит кивает, и я вижу, что он рассматривает мое предложение. Взвешивает все за и против, наши шансы.

- Вот, что я тебе скажу, - говорит он. - Давай останемся, пока не погибнут Брут и Энобария. Я думаю, Бити пытается соорудить какуюто ловушку для них. А потом, я обещаю, мы уйдем.

Я не совсем уверена. Но если мы уйдем сейчас, у нас будут две компании соперников. Может быть, даже три, потому что, кто знает, что там с Чэфом. Да еще часы. И надо подумать о Бити. Джоанна привела его только изза меня, и если мы уйдем, она, конечно же, убьет его. А потом я вспоминаю. Я не могу защитить и Бити. Победитель может быть только один, и это должен быть Пит. Я обязана с этим смириться. Я обязана принимать только те решения, которые связаны с его выживанием.

- Хорошо. Мы останемся, пока профи не будут мертвы. Но потом - это все. - Я поворачиваюсь и машу Финнику. - Эй, Финник, иди сюда! Мы выяснили, как снова сделать тебя хорошеньким!

Трое из нас отскребают все струпья со своих тел, помогая друг другу очистить спины, и выходят из воды такими же розовыми, как небо. Мы снова намазываемся лекарством, потому что кожа кажется еще слишком тонкой для солнечного света, но теперь это и в половину не так ужасно, как раньше, к тому же, будет хорошим камуфляжем в джунглях.

Бити подзывает нас и, оказываясь, за все эти часы игры с проводом он действительно придумал план.

- Я думаю, все мы согласны, что наше следующая работа состоит в том, чтобы убить Брута и Энобариию, - говорит он мягко. - Я сомневаюсь, что они снова нападут на нас открыто, когда мы настолько превосходим их численностью. Мы могли бы разыскать их, но мне кажется, это опасная и утомительная работа.

- Думаешь, они поняли про часы? - спрашиваю я.

- Если и нет, то скоро поймут. Ну, возможно, не так определенно, как мы. Но они должны знать, что хотя бы некоторые из зон подвержены нападению и что эти нападения периодически повторяются. Кроме того, тот факт, что наш последний бой был прерван вмешательством распорядителей Игр, тоже не остался незамеченным ими. Мыто знаем, что это была попытка дезориентировать нас, но они должны задаваться вопросом, для чего это было сделано, и такие мысли тоже могут привести их к выводу, что арена - это часы, - говорит Бити. - Таким образом, я думаю, что лучшим выходом для нас будет устроить свою собственную западню.

- Подожди. Дай мне разбудить Джоанну, - говорит Финник. - Она будет просто в бешенстве, если посчитает, что пропустила чтото важное.

- Или нет, - бормочу я, потому что она всегда в бешенстве, но я не останавливаю его, так как сама бы я очень рассердилась, если бы меня не посвятили в план.

Когда она присоединяется к нам, Бити отодвигает нас всех немного назад, чтобы у него было пространство для работы на песке. Он быстро рисует круг и делит его на двенадцать частей. Это арена, созданная не аккуратными черточками Пита, а грубыми линиями человека, чей ум занят совсем другим.

- Если бы вы были Брутом и Энобарией, зная то, что вы сейчас знаете, где бы вы чувствовали себя в наибольшей безопасности? - спрашивает Бити. В его голосе нет ничего покровительствующего, но я все же не могу сдержать мысли о том, что он напоминает мне школьного учителя, объясняющего что-то детям на уроке. Может быть, это из-за разницы в возрасте, а возможно, Бити просто в миллион раз умнее каждого из нас.

- Там, где мы сейчас. На берегу, - отвечает Пит. - Это самое безопасное место.

- Так почему они не на берегу? - спрашивает Бити.

- Потому что здесь мы, - произносит Джоанна нетерпеливо.

- Именно. Мы здесь, заявили свои права на берег. Теперь куда бы вы пошли? - продолжает Бити.

Я думаю о смертельно опасных джунглях и занятом берегу.

- Я бы спряталась на краю джунглей. Так я могла бы сбежать от нападения. И так я могла бы следить за нами.

- А еще есть, - говорит Финник. - В джунглях полно странных существ и растений. Но, наблюдая за нами, я узнал бы, что морепродукты можно употреблять в пищу.

Бити улыбается нам так, будто мы превысили все его ожидания.

- Да, хорошо. Вы действительно понимаете. Теперь вот, что я предлагаю. Двенадцатичасовой удар. Что случается именно в полдень и полночь?

- Молния поражает дерево, - говорю я.

- Да. Так вот, что я предлагаю. В то время, которое будет у нас между тем, как молния ударит в полдень и как она ударит в полночь, мы тянем мой провод от того дерева в соленую морскую воду, которая, естественно, обладает высокой проводимостью. Когда молния ударит, электричество пойдет вниз по проводу, и не только в воду, но и на весь ближайший берег, который будет все еще влажным от девятичасовой волны. Любой, контактирующий с этими поверхностями в тот момент, будет мгновенно убит электрическим током, - объясняет Бити.

Мы все стоим в тишине, пока перевариваем план Бити. Для меня это кажется немного фантастическим, даже невозможным. Но почему? Я же установила тысячи ловушек. Разве это не просто большая западня, но только по большей части с научным компонентом? Может это сработать? Как можем подвергать это сомнению мы, трибуты, обученные добывать рыбу, древесину и уголь? Что мы знаем об использовании небесной силы?

Пит берет удар на себя.

- Этот провод действительно сможет провести такую огромную силу, Бити? Он выглядит настолько хрупким, словно может сгореть.

- О, он сможет. Но не до тех пор, пока ток не пройдет через него. Он будет как фитиль. Только по нему пойдет электричество.

- Откуда ты знаешь? - спрашивает Джоанна, очевидно не убежденная.

- Я изобрел его, - говорит Бити, как будто немного удивленный. - Это не совсем провод в привычном смысле. Равно как и молния здесь на самом деле не настоящая молния, а деревья - не деревья. Ты знаешь о деревьях больше, чем любой из нас, Джоанна. Скажи, оно было бы уже разрушено? - говорит Бити.

- Да, - отвечает Джоанна хмуро.
- Не волнуйтесь о проводе, все будет так, как я говорю, - уверяет Бити нас.
- И где будем мы, когда это произойдет? - спрашивает Финник.
- Достаточно глубоко в джунглях, чтобы быть в безопасности, - отвечает Бити.
- Но профи тоже будут в безопасности, если они не окажутся в это время около воды, - говорю я.
- Верно, - соглашается Бити.
- А все морепродукты сварятся, - произносит Пит.
- Вероятно, более чем сварятся, - отвечает Бити. - Скорее всего мы лишимся этого источника пищи навсегда.

Но вы же нашли какие-то съедобные вещи в джунглях, верно, Китнисс?

- Да. Орехи и крысы, - говорю я. - И у нас есть спонсоры.
- Хорошо. Тогда я не вижу в этом проблемы, - говорит Бити. - Но так как мы союзники, и это потребует усилий от каждого из нас, следует нам попробовать или нет, решать вам четверым.

Мы походим на школьников. Неспособные понять его теорию, разобравшиеся только в элементарных проблемах, большинство из которых вообще не имеет непосредственного отношения к его плану. Я смотрю на смущенные лица остальных.

- Почему бы и нет? - говорю я. - Если даже у нас не получится, хуже не будет. А если это сработает, у нас есть хороший шанс убить их. И даже если не сработает и мы уничтожим только морепродукты, Брут и Энбария тоже теряют их как источник пищи.

- Я за то, чтобы попробовать, - говорит Пит. - Китнисс права.

Финник смотрит на Джоанну, приподнимая брови. Он не примет решение без нее.

- Хорошо, - говорит она наконец. - Это лучше, чем выслеживать их в джунглях, так или иначе. И я сомневаюсь, что они смогут разобрать наш план, раз уж мы сами его понять не можем.

Бити хочет осмотреть дерево молнии, прежде чем он станет его использовать. Судя по солнцу, сейчас приблизительно девять утра. Нам в любом случае придется скоро уйти со своего берега. Таким образом, мы собираем лагерь и направляемся к берегу, граничащему с сектором молний, и заходим в джунгли. Бити все еще слишком слаб, чтобы идти в гору самостоятельно, поэтому Финник и Пит несут его по очереди. Я позволяю Джоанне идти первой, потому что дорога до дерева довольно прямая, и я не думаю, что она сможет заплутать. Кроме того, я могу нанести гораздо больше поражений со своим колчаном стрел, чем она с двумя топорами, поэтому я лучше буду прикрывать тылы.

Густой, душный воздух давит на меня. Ничего не менялось с начала Игр. Хотела бы я, чтобы Хеймитч перестал посылать нам хлеб из Дистрикта³ и снабдил бы нас какими-нибудь вещами из Дистрикта⁴, потому что из меня вылились ведра пота за последние два дня, и, хотя у меня была рыба, я жаждала соли. Лед был бы другой хорошей идеей. Или холодный напиток. Я благодарна за воду из деревьев, но она такой же температуры, как море, и воздух, и другие трибуны, и я. Мы все просто одно большое, горячее варено.

Когда мы уже близко к дереву, Финник предлагает мне пойти первой.

- Китнисс может слышать силовое поле, - объясняет он Бити и Джоанне.

- Слышать его? - спрашивает Бити.

- Только тем ухом, которое восстанавливал Капитолий, - говорю я. Угадайте, кому я не заморочила голову этой своей историей? Бити. Потому что, естественно, он помнит, что сам показал мне, как определять силовое поле, и, вероятно, силовое поле вообще нельзя услышать. Но по какой-то причине он не подвергает сомнению мое заявление.

- Тогда нужно во что бы то ни стало позволить Китнисс идти первой, - говорит он, на мгновение делая паузу, протирая свои очки. - Силовое поле - это не игрушки.

Дерево молнии определяется безошибочно, словно башня оно возвышается над другими. Я нахожу связку орехов и заставляю всех ждать, пока я медленно двигаюсь вверх по склону, бросая орехи перед собой. Но я вижу силовое поле почти сразу же, даже раньше, чем орех попадает в него, потому что оно всего в пятнадцати ярдах от меня. Мои глаза, просматривающие растительность до этого, замечают вибрирующий квадрат высоко, справа от меня. Я бросаю орех прямо перед собой и слышу, как он шипит в подтверждение.

- Просто держитесь ниже дерева молний, - говорю я остальным.

Мы разделяем обязанности. Финник охраняет Бити, пока тот исследует дерево. Джоанна идет за водой, Пит собирает орехи, а я охочусь невдалеке. У древесных крыс, похоже, нет страха перед людьми, таким образом, я с легкостью подстреливаю трех. Звук десятичасовой волны напоминает мне, что я должна вернуться к остальным, что я и делаю, а затем потрошу свою добычу. Потом я черчу линию по грязи в нескольких шагах от силового

поля как напоминание о том, что надо держаться подальше, и мы с Питом приступаем к жарке орехов и кусочков крысы.

Бити все еще возится с деревом, я не знаю, что он делает, наверно, проводит измерения и все такое. Один раз он отрывает щепку от коры, подходит к нам и бросает ее в силовое поле. Она отлетает от него и опускается на землю, пылая. Через несколько мгновений она возвращается к своему обычному цвету.

- Так, это объясняет многое, - произносит Бити. Я смотрю на Пита и прикусываю губу, пытаюсь удержаться от смеха, потому что это вообще ничего и никому не объясняет, кроме самого Бити.

Примерно в это время мы начинаем слышать щелкающий звук, долетающий из сектора, смежного с нашим. Это значит, что уже одиннадцать. Звук намного громче в джунглях, чем он был вчера на берегу. Мы все внимательно прислушиваемся.

- Он не механический, - говорит Бити убежденно.

- Мне кажется, это насекомые, - произношу я. - Может быть, жуки.

- Ктото с клешнями, - добавляет Финник.

Звук усиливается, как будто наши тихие слова предупредили его о близости живой плоти. Что бы ни издавало тот щелчок, я уверена, оно могло бы ободрать нас до костей за считанные секунды.

- В любом случае нам надо отсюда убираться, - говорит Джоанна. - Осталось меньше часа до запуска молний.

И все же мы не уходим далеко. Только до такого же дерева в секции кровавого дождя. У нас своего рода пикник, мы садимся на землю и съедаем нашу пищу из джунглей, ожидая удара, означающего полдень. По просьбе Бити я залажу на дерево, пока щелчки начинают затихать. Когда молния ударяет, она великолепна, даже отсюда, даже в ярком солнечном свете. Она полностью охватывает далекое дерево, что заставляет его светиться белоголубым, а окружающий воздух потрескивать от электрических разрядов. Я скатываюсь вниз и сообщаю о своих открытиях Бити, который, кажется довольным, несмотря на то, что я объясняю не слишком научно.

Мы идем по кругу к десятичасовому берегу. Песок гладкий и влажный, чистый после недавней волны. Бити на самом деле отдает нам день, пока сам работает с проводом. Потому что это его оружие, и остальная наша часть должна полностью подчиняться его знаниям, у нас возникает странное чувство, что нас отпустили из школы пораньше. Сначала мы сменяемся, по очереди засыпая у края джунглей, но к вечеру все мы бодрствуем и взволнованы. Мы решаем, раз это, возможно, наш последний шанс поесть морепродукты, устроить своего рода пир. Под руководством Финника мы ловим рыбу, собираем моллюсков и даже ныряем за устрицами. Последняя часть мне нравится больше всего, не потому, что я люблю устрицы. Я както попробовала их в Капитолии, и мне не понравилась их слизкость. Но плавать внизу под водой восхитительно, словно ты оказываешься в другом мире. Очень прозрачная вода, косяки ярких рыб и украшающие песок странные морские цветы.

Джоанна стоит на страже, пока Финник, Пит и я чистим и раскладываем морепродукты. Пит только что открыл устрицу, когда я слышу, как он начинает смеяться.

- Эй, взгляните на это. - Он держит прекрасную сверкающую жемчужину размером с горошину. - Знаешь, если как следует надавить на уголь, он превращается в жемчуг, - серьезно говорит он Финнику.

- Нет, не превращается, - презрительно отвечает Финник. Я вспоминаю, что именно так невежественная Эффи Бряк представляла нас людям Капитолия в прошлом году, когда нас никто еще не знал. Как из угля после давления получается жемчуг, такой же судьбой обладаем и мы. Красота, которая получается из боли.

Пит споласкивает жемчужину в воде и вручает ее мне.

- Это тебе. - Я поднимаю ее на своей ладони и исследую ее переливающуюся поверхность в солнечном свете. Да, я буду хранить это. На оставшиеся часы своей жизни я спрячу его. Этот последний подарок Пита. Единственный, который я могу принять. Возможно, он даст мне силу в заключительный момент.

- Спасибо, - говорю я, зажимая ее в кулаке. Я спокойно смотрю в голубые глаза человека, который в настоящий момент является моим главным соперником, человека, который хочет спасти меня, жертвуя собой. И я обещаю самой себе, что разрушу его план.

Веселье исчезает из этих глаз, и они так напряженно смотрят в мои, как будто могут читать мысли.

- Медальон не сработал, не так ли? - говорит Пит, даже несмотря на то, что Финник здесь. Даже несмотря на то, что все могут это слышать. - Китнисс?

- Сработал, - отвечаю я.

- Но не так, как я хотел, - говорит он, отводя взгляд. После этого он смотрит только на устриц.

Как раз когда мы собираемся есть, парашют приносит два дополнения к нашей пище. Маленький горшочекпряного красного соуса и еще один раунд булочек из Дистрикта 3. Финник, естественно, немедленно считает их.

- Двадцать четыре, снова, - произносит он.

Теперь тридцать две булочки. Таким образом, каждый из нас берет по пять, остается семь, которые нельзя никак разделить поровну. Этот хлеб только для одного.

Соленое рыбное мясо, сочное моллюска. Даже устрицы кажутся вкусными, значительно улучшенные соусом. Мы наедаемся до такой степени, что никто уже не может проглотить ни кусочка, и даже тогда еще есть остатки. Они не сохраняются, поэтому мы бросаем всю оставшуюся пищу обратно в воду, так что, профи не смогут получить ее, когда мы уйдем. Никто не беспокоится о раковинах. Волна должна смыть их.

Теперь нам ничего не остается, кроме как ждать. Пит и я сидим у края воды, взявшись за руки, молча. Он все сказал вчера ночью, но это не изменило моего мнения, и ничего, что я могу сказать, не изменит его. Время для убеждающих подарков закончено.

Тем не менее, у меня есть жемчужина, завернутая вместе с втулкой и тубиком в парашют, прикрепленная к моему поясу. Надеюсь, она вернется вместе со мной в Дистрикт 12.

Конечно, мама и Прим догадаются отдать ее Питу, прежде чем похоронят мое тело.

Глава 26

Начинается гимн, но нет никаких лиц в небе сегодня. Аудитория будет беспокойной, жаждущей крови. Ловушка Бити, тем не менее, достаточно многообещающая, так что, распорядители Игр не посылают никаких нападений. Возможно, им просто самим интересно, сработает ли она.

Когда мы с Финником решаем, что уже около девяти, мы все уходим с нашего усыпанного раковинами берега, отправляясь к двенадцатичасовому сектору, и, не торопясь, идем к дереву молний при свете луны. Наши полные животы причиняют нам неудобство и заставляют задыхаться. Я начинаю жалеть о последней дюжине устриц.

Бити просит Финника помочь ему, а остальная наша часть стоит на страже. Прежде чем прикрепить провод к дереву, Бити приходится разворачивать катушку ярд за ярдом. Они с Финником намотали конец провода вокруг сломанной палки, положив ее на землю. А затем встали с обеих сторон от дерева, передавая катушку туда сюда, таким образом, обматывая провод вокруг ствола. Сначала это кажется незапланированным, но потом я вижу сложный лабиринт, появляющийся со стороны Бити. Интересно, имеет ли какое-то значение то, как намотан провод, или это просто сделано для размышления аудитории. Держу пари, большинство из них знает об электричестве столько же, сколько я, если не меньше.

Работа со стволом окончена, когда, как мы слышим, начинается волна. Я на самом деле никогда не обращала внимания на то, в какой момент с десяти до одиннадцати она прорывается. Сначала должно быть накапливание, а потом и само наводнение. Небо сообщает мне, что сейчас десять тридцать.

Теперь Бити рассказывает об остальной части плана. Так как мы двигаемся среди деревьев быстрее всех, он хочет, чтобы катушку взяли я и Джоанна, раскручивая провод, пока идем. Мы должны довести его до двенадцатичасового берега и спустить металлическую катушку в воду, убедившись, что она там останется. Затем побежать в джунгли. Если мы начнем сейчас, мы успеем добраться до безопасного места вовремя.

- Я хочу пойти с ними в качестве охранника, - немедленно произносит Пит. С того момента с жемчужиной, он меньше, чем когда-либо, желает позволить мне исчезнуть из его вида.

- Ты слишком медленный. Кроме того, ты будешь нужен мне на этом конце. Китнисс будет охранником, - говорит Бити. - У нас нет времени обсуждать это. Мне жаль. Если девочки хотят вернуться живыми, им нужно двигаться прямо сейчас. - Он вручает катушку Джоанне.

Мне этот план нравится еще меньше, чем Питу. Как я смогу защитить его на расстоянии? Но Бити прав. Со своей ногой Пит не сможет спуститься вовремя. Мы с Джоанной самые быстрые и лучше всех можем устоять на земле джунглей. У меня нет выбора. И если я и доверяю тут кому-то, кроме Пита, то это Бити.

- Все нормально, - говорю я Питу. - Мы только опустим катушку и сразу же вернемся.

- Не в сектор молний, - напоминает мне Бити. - Идите к дереву в зоне «с часу до двух». Если вы почувствуете, что вам не хватает времени, убегайте. И не вздумайте возвращаться на берег, пока я не смогу оценить размер ущерба.

Я беру лицо Пита в свои руки.

- Не волнуйся. Мы увидимся в полночь. - Я целую его и, прежде чем он сможет продолжить спорить, отступаю, поворачиваясь к Джоанне. - Готова?

- Почему нет? - говорит Джоанна, пожимая плечами. Она, очевидно, рада нашему объединению не больше меня. Но мы все пойманы в ловушку Бити. - Ты охранник, я разматывающий. Потом можем поменяться.

Без дальнейших разговоров мы начинаем спускаться. На самом деле мы вообще мало разговариваем. Мы двигаемся в довольно хорошем темпе, одна разматывает, другая ведет наблюдение. Примерно на полпути мы начинаем слышать щелчки, которые свидетельствуют о том, что уже одиннадцать.

- Лучше поторопиться, - говорит Джоанна. - Я хочу, чтобы между мной и водой было как можно больше пространства, когда ударит молния. На тот случай, если Бити что-то неправильно рассчитал.

- Я возьму катушку ненадолго, - говорю я. Раскатывать провод сложнее, чем охранять, а ее очередь была уже долгое время.

- Вот, - говорит Джоанна, передавая мне катушку.

Наши руки все еще находятся на металлическом цилиндре, когда мы чувствуем небольшую вибрацию. Тонкий золотой провод, до этого натянутый над нами, образует спутанные петли и кольца вокруг наших запястий. Затем отсоединенный конец закручивается вокруг наших ног.

Уходит всего несколько секунд, чтобы понять столь быстрый поворот событий. Мы с Джоанной смотрим друг на друга, ни одной из нас не надо произносить этого. Кто-то над нами обрезал провод. И они будут здесь в любой момент.

Моя рука освобождается от провода и только собирается дотянуться до стрелы, когда на мою голову обрушивается металлический цилиндр. Следующее, что я осознаю, я лежу на спине на виноградных лозах со страшной болью в левом виске. Перед глазами все размыто, я не могу сфокусироваться, я изо всех сил напрягаюсь, чтобы эти две луны, плавающие в небе, объединились. Мне трудно дышать, и я понимаю, что Джоанна сидит у меня на груди, прижимая мои плечи своими калениями.

Удар в левое предплечье. Я пытаюсь рвануться прочь, но я все еще выведена из строя. Джоанна вонзает что-то, полагаю, свой нож, в мое тело, поворачивая его вокруг оси. Мучительное ощущение разрыва и что-то теплое течет по моим запястьям, наполняя ладони. Она сильно ударяет по моей руке и заливает половину моего лица кровью.

- Просто лежи! - шипит она. Ее вес уходит с моего тела, и я остаюсь одна.

«Просто лежи? - думаю я. - Что? Что происходит?»

Мои глаза закрываются, ограждая меня от этого противоречивого мира, а я пытаюсь разобраться в ситуации.

Я могу думать только о Джоанне, пихающей Вайрис на берег.

- Просто лежи, а? - Но она не нападала на Вайрис, не так. И, в конце концов, я не Вайрис. Я не Гайка. - Просто лежи, а? - Эхо в моей голове.

Приближаются шаги. Две пары. Тяжелые, не пытающиеся скрывать свое местонахождение.

Голос Брута.

- Она хороша настолько, насколько мертва. Пошли, Энобария.

Ноги уходят в ночь.

Я? Я теряю сознание и тут же возвращаюсь, ища ответ. Действительно ли я хороша настолько, насколько мертва? Я нахожусь не в том положении, чтобы спорить. На самом деле даже рационально мыслить сложно. Это все, что я знаю. Джоанна напала на меня. Ударив меня цилиндром по голове. Порезала мою руку, вероятно, нанеся непоправимый ущерб венам и артериям, а затем Брут и Энобария появились прежде, чем она успела прикончить меня.

Союз окончен. У Финника и Джоанны скорее всего было соглашение избавиться от нас сегодня вечером. Я знала, что нам следовало уйти сегодня утром. Я не знаю, что насчет Бити. Но я, определенно, объект нападения, как и Пит.

Пит! Мои глаза в панике распахиваются. Пит ждет у дерева, ни о чем не подозревающий и неохраняемый. Может быть, Финник уже убил его.

- Нет, - шепчу я. Провод был обрезан профи и недалеко. Финник, Бити и Пит не могут знать, что ты произошло. Они могут только задаваться вопросом, что пошло не так, если провод внезапно перестал быть натянутым или его конец вообще вернулся обратно. Это не могло быть само по себе сигналом к убийству. Конечно, Джоанна сама решила, что это подходящее время, чтобы покончить с нами. Убить меня. Сбежать от профи. А затем ввести Финника в бой так скоро, насколько это вообще возможно.

Я не знаю. Я не знаю. Я только знаю, что я должна вернуться к Питу и спасти его. Это желание заполняет каждую клеточку моего тела, и я принимаю сидячее положение и, держась за дерево, поднимаюсь на ноги. Повезло, что мне есть, за что держаться, потому что джунгли раскачиваются из стороны в сторону. Без всякого

предупреждения я наклоняюсь вперед, и меня рвет морепродуктами, пока не остается ни одной устрицы в моем теле. Дрожащая и покрытая потом, я оцениваю свое физическое состояние.

Когда я поднимаю свою поврежденную руку, кровь брызгает мне в лицо, и окружающий мир делает еще один тревожный сдвиг. Я зажмуриваюсь и хватаюсь за дерево, пока вещи немного не стабилизируются. Тогда я делаю несколько неуверенных шагов в сторону соседнего дерева и отрываю мох, не пытаясь больше исследовать свою руку, я крепко перевязываю ее. Лучше. Определенно, лучше не видеть этого. Затем я позволяю своей руке попробовать прикоснуться к ране на голове. Огромная шишка, но не слишком много крови. Очевидно, у меня есть внутренние повреждения, но мне не грозит опасность истечь кровью до смерти. По крайней мере, не через голову.

Я вытираю свои ладони мхом и беру трясущейся левой рукой, которая повреждена, свой лук. Кладу стрелу на тетиву. Заставляю ноги передвигаться вверх по склону.

Пит. Мое последнее желание. Мое обещание. Спасти его. Мое сердце немного подскакивает, когда я понимаю, что он должен быть жив, потому что никакая пушка не стреляла. Возможно, Джоанна действовала одна, зная, что Финник примкнет к ней, когда ее намерения будут предельно ясны. Хотя трудно понять, что там у них происходит. Я вспоминаю, как он обратился к ней за поддержкой, когда мы решали насчет ловушки Бити. У них должен быть более глубокий союз, основанный на годах дружбы, и кто, знает на чем еще? Поэтому, раз Джоанна напала на меня, я больше не должна доверять Финнику.

Я осознаю это за пару секунд до того, как слышу, что кто-то бежит по склону ко мне. Ни Пит, ни Бити не могут перемещаться в таком темпе. Я ныряю за завесу из лиан, скрывающую меня как раз вовремя. Финник пролетает мимо, перепрыгивая через заросли, словно олень, его кожа темная от лекарства. Он скоро достигает места, где на меня напали, замечая кровь.

- Джоанна! Китнисс! - зовет он.

Я прячусь, пока он не уходит в направлении, которое взяли профи и Джоанна.

Я двигаюсь так быстро, как только могу, не заставляя мир вертеться. Моя голова пульсирует от быстрых ударов сердца. Насекомые, вероятно, возбужденные от запаха крови, усиливают свое шелканье, пока оно не превращается в непрерывный рев. Нет, подождите. Может, это у меня в ушах звенит от удара? Пока насекомые не замолкнут, узнать будет невозможно. Но когда затихнут насекомые, начнется молния. Я должна двигаться быстрее. Я должна добраться до Пита.

Выстрел пушки останавливает меня ненадолго. Кто-то умер. Я знаю, что со всеми бегающими вокруг, вооруженными и испуганными, это мог быть любой. Но кто бы то ни был, я понимаю, что смерть не зависит ни от кого здесь, в ночи. Люди будут сначала убивать, а уже потом задаваться вопросом о намерениях убитого. Я заставляю себя бежать.

Что-то ловит мои ноги, и я растягиваюсь на земле. Я чувствую, как это что-то обертывает меня, переплетая острыми волокнами. Сеть! Это, должно быть, одна из причудливых сетей Финника, помещенных, чтобы поймать меня в ловушку, а он сам где-то рядом, поджидает с трезубцем. Я пытаюсь вывернуться, но сеть лишь больше запутывается вокруг меня. А затем я мельком вижу это в лунном свете. В замешательстве я поднимаю свою руку и обнаруживая, что она запутана в мерцающих золотых нитях. Это не сеть Финника, это провод Бити. Я аккуратно поднимаюсь на ноги и вижу, что запнулась об обрезанный конец, который направлялся обратно к дереву молний. Медленно я отцепляю от себя провод и продолжаю подъем.

Хорошая новость: я на верном пути и не столь дезориентирована раной на голове, чтобы потерять чувство направления. Плохая новость: провод напомнил мне о приближающихся ударах молнии. Я все еще могу слышать насекомых, но не начинают ли они затихать?

Я держу провод в нескольких футах слева от себя в качестве гида, пока бегу, но стараюсь не касаться его. Если те насекомые исчезнут, а молния ударит в первое дерево, то энергия пойдет вниз, и все, кто каким-либо образом контактируют с проводом, погибнут.

Дерево плывет у меня перед глазами, его ствол украшен золотом. Я замедляюсь, пытаюсь двигаться с некоторой хитростью, но на самом деле то, что я все еще в вертикальном положении, уже большая удача. Я ищу признаки остальных. Никого. Никого здесь нет.

- Пит? - зову я тихонько. - Пит?

Я слышу тихий стон в ответ, я бросаюсь на звук и нахожу фигуру, лежащую чуть выше на земле.

- Бити! - восклицаю я. Я быстро падаю на колени около него. Стон, вероятно, был ненамеренным. Он без сознания, хотя я не вижу ран, кроме как выше сгиба локтя. Я хватаю горстку мха и неуклюже обертываю ее, пока пытаюсь привести его в себя. - Бити! Бити, что произошло? Кто тебя порезал? Бити! - Я трясу его так, как

ни в коем случае нельзя трясти пострадавшего. Он снова стонет и немного поднимает руку, чтобы избавиться от меня.

И тогда я замечаю, что он держит нож, один из тех, что нес Пит, который почему-то обернут проводом.

Озадаченная, я встаю и поднимаю провод, убеждаясь, что он идет обратно к дереву. У меня уходит мгновение, чтобы вспомнить, что Бити обмотал конец провода вокруг ветки и оставил ее на земле еще до того, как занялся самим деревом. Я думала у этого есть некое «электрическое» значение, которое потом можно будет использовать. Но это было не так. Тут, вероятно, все двадцатьдвадцать пять ярдов [28] до дерева.

Я бросаю взгляд вверх по склону и понимаю, что мы всего в паре шагов от силового поля. Сигнальный квадрат находится там же, где он был сегодня утром. Что сделал Бити? Он на самом деле попытался вставить нож в силовое поле, как случайно сделал Пит? И что он делал с проводом? Это был его запасной план? Если попытка наэлектризовать воду потерпит неудачу, направить энергию удара молнии в силовое поле? Что бы это дало, так или иначе? Ничего? Очень много? Поджарило бы нас всех? Силовое поле само по себе, думаю, должно обладать электроэнергией. То, в Тренировочном центре, было невидимым. Это, кажется, отражает джунгли. Но я видела, как оно колебалось, когда Пит задел его ножом и когда я запустила в него стрелу. Реальный мир находится прямо за ним.

В моих ушах больше не звенит. В конце концов, это все-таки были насекомые. Я знаю это теперь, потому что они быстро затихают, и я слышу только звуки джунглей. Бити бесполезен. Я не могу привести его в себя. Не могу спасти. Я не знаю, что он пытался сделать с ножом и проводом, а он не способен объяснить. Повязка на моей руке вся пропитана кровью, и нет никакого смысла обманывать себя. Голова кружится так сильно, что я вот-вот потеряю сознание. Я должна бежать от этого дерева и...

- Китнисс! - Я слышу его голос, хотя он и далеко. Но что он делает? Пит уже должен был выяснить, что все теперь охотятся на нас. - Китнисс!

Я не могу защитить его. Я не могу двигаться быстро или далеко, и мои способности стрелять сейчас в лучшем случае сомнительны. Я делаю единственную вещь, на которую способна, чтобы отвлечь нападающих от Пита и привлечь их к себе.

- Пит! Я здесь! Пит! - Да, я привлеку их к себе и к дереву молний, которое вскоре само по себе будет оружием. - Я здесь! Я здесь! - Он не сможет. Не с его ногой, да еще ночью. Он никогда не будет здесь вовремя. - Пит!

Это работает. Я могу слышать их прибытие. Двоих из них. Прорывающихся сквозь джунгли. Мои колени подгибаются, и я опускаюсь рядом с Бити. Лук и стрелы наготове. Если я смогу вывести их из Игры, Пит переживет остальных?

Энобария и Финник добираются до дерева молний. Они не могут видеть меня, сидящую выше их на склоне, моя кожа замаскирована лекарством. Я целюсь в шею Энобарии. Если повезет, когда я убью ее, Финник скроется за деревом, попадая в область ударов молний. Которые начнутся в любую секунду. Там и тут раздаются лишь слабые щелчки насекомого. Я смогу убить их сейчас. Убить их обоих.

Еще одна пушка.

- Китнисс! - Слышу я вой Пита. Но на сей раз я не отвечаю. Бити все еще слабо дышит рядом со мной. И он, и я скоро умрем. Финик и Энобария умрут. Пит жив. Стреляли две пушки. Брут, Джоанна, Чэф. Двое из них уже мертвы. Питу придется убить только одного трибута. И это все, что я могу сделать. Один враг.

Враг. Враг. Слово всплывает в недавних воспоминаниях. Взгляд в лицо Хеймитчу.

- Китнисс, когда будешь на арене... - Угрюмый взгляд и предчувствие.

- Что? - Слышу я свой собственный напряженный голос, потому что я ошетиливаюсь изза какого-то, как мне кажется, невысказанного обвинения.

- Просто помни, кто там враг, - говорит Хеймитч. - Это все.

Последние слова наставления Хеймитча для меня. Зачем нужно было напоминать об этом? Я всегда знала, кто враг. Кто морит нас голодом, мучает и убивает нас на арене. Тот, кто скоро убьет всех, кого я люблю. Мой лук опускается. Да, я знаю, кто враг. И это не Энобария.

Я наконец-то вижу нож Бити ясным взглядом. Мои трясущиеся руки берут провод, прикрепляют его к стреле, завязывая узлом, которому я научилась на тренировках.

Я поднимаюсь, разворачиваясь к силовому полю, теперь я полностью видима, но это меня больше не волнует. Меня волнует лишь то, куда я должна вонзить стрелу, куда Бити бы вставил свой нож, если бы был в состоянии. Я направляю лук на колеблющийся квадрат, недостаток... Как он назвал его в тот день? Трещина в броне. Я выпускаю стрелу и смотрю, как она попадает в цель и исчезает, затаскивая за собой нить провода.

Мои волосы встают дыбом, и молния ударяет в дерево.

Белая вспышка бежит по проводу и на мгновение купол взрывается ослепительным голубым светом. Меня отбрасывает на землю тело бесполезно, парализовано, глаза распахнуты, пока все вокруг сыпется на меня дождем. Я не могу добраться до Пита. Я не могу добраться даже до своей жемчужины. Я напрягаю глаза, чтобы запечатлеть одно последнее изображение красоты и забрать его с собой.

Прямо перед началом взрывов я нахожу звезду.

Глава 27

Кажется, все вокруг вспыхивает в одно мгновение. Земля взрывается дождем грязи и растений. Деревья полыхают огнем. Даже небо наполняется яркими цветами. Я не могу понять, почему взрывается небо, пока не осознаю, что распорядители Игр запускают там фейерверки, в то время как на земле все понастоящему рушится. Просто на тот случай, если смотреть на уничтожении арены и оставшихся трибутов, не достаточно весело. Или, возможно, чтобы осветить наши кровавые концы.

Позволят ли они кому-нибудь выжить? Будет у Семьдесят Пярых Голодных Игр победитель? Возможно, нет. В конце концов, это Двадцатипятилетие Подавления, но... что там президент Сноу прочитал с карточки?

«...как напоминание о том, что даже самые сильные среди них не могут преодолеть власть Капитолия».

Но не победят даже лучшие из лучших. Возможно, они никогда и не собирались получать победителя в этих Ирах. Или, возможно, мой последний акт восстания повлиял на их решение.

Мне жаль, Пит, думаю я. Мне жаль, что я не смогу спасти тебя. Спасти его? Более вероятно, что я лишила его последнего шанса выжить, разрушая силовое поле. Наверно, если бы мы все играли по правилам, то, вероятно, они позволили бы ему жить.

Планолет появляется надо мной без предупреждения. Если бы вокруг было тихо, и сойкапересмешница сидела бы рядом, я бы услышала птичье сообщение о пребывании судна. Но мои уши не могли разобрать что-то столько деликатное во всех этих взрывах.

«Клешня» спускается прямо ко мне. Металлические когти скользят подо мной. Я хочу кричать, бежать, вырваться из них, но застывшая, не в силах что-либо сделать, я искренне надеюсь, что умру прежде, чем достигну темной фигуры, ожидающей меня наверху. Они оставили мне жизнь не для того, чтобы короновать как победителя, а чтобы сделать мою смерть медленно и публично, насколько это вообще возможно.

Мои страхи подтверждаются, когда человек, встречающий меня на планолете, оказывается Плутархом Хевенсби, Главой распорядителей Игр. Какой бардак я устроила на их красивых Играх с хитрыми часами и победителями. Он пострадает из-за этого провала, вероятно, потеряет свою жизнь, но не раньше, чем увидит мое наказание. Его рука тянется ко мне, я думаю, для того, чтобы ударить, но он делает нечто еще более ужасное. Своими большим и указательным пальцами, он опускает мои веки, закрывая глаза и приговаривая меня к уязвимости темноты. Они могут сделать теперь со мной все, что угодно, а я даже не увижу, что именно.

Мое сердце стучит так сильно, а по руке начинает течь кровь изпод пропитавшейся повязки мха. Мои мысли затуманиваются. Возможно, я истеку кровью до смерти, прежде чем они смогут восстановить меня. Про себя я шепчу слова благодарности Джоанне Мейсон за то, что она нанесла мне такую первоклассную рану, пока теряю сознание.

Когда я выплываю обратно, я ощущаю, что лежу на мягком столе. Я чувствую трубки воткнутые в мою левую руку. Они стараются поддержать меня в живых, потому что, если я спокойно и незаметно отойду в мир иной, это будет моей победой. Я попрежнему не в состоянии пошевелиться, открыть глаза, поднять голову. Но в мою правую руку вернулась способность хоть как-то двигаться. Она бьется об мое тело, словно плавник, нет, нечто менее живое, как булава. У меня нет реальной координации движений, я даже не знаю, есть ли у меня еще пальцы. Но мне удастся раскачивать руку до тех пор, пока я не срываю трубки. Включается звуковой сигнал, но я больше не могу оставаться в сознании, чтобы узнать, кого это вызовет.

В следующий раз, когда я просыпаюсь, мои руки привязаны к столу, трубки снова воткнуты. Но все же я могу открыть глаза и приподнять голову. Я нахожусь в большой комнате с низкими потолками и серебристым освещением. Кровати стоят в два ряда. Я слышу дыхание. Полагаю, что это мои союзники-победители. Прямо напротив меня лежит Бити примерно с десятью аппаратами, подключенными к нему.

«Просто позвольте нам умереть!» - кричу я мысленно.

Я откидываю голову обратно на стол и снова проваливаюсь в темноту.

Когда я наконец понастоящему просыпаюсь, ограничений больше нет. Я поднимаю руку и обнаруживаю, что у меня снова есть пальцы, которые подчиняются моим командам. Я сажусь, держась за мягкий стол, пока комната не попадает в фокус. Левая рука перевязана, но трубки болтаются возле кровати.

Я одна, не считая Бити, который все еще лежит напротив меня, поддерживаемый своей армией машин. Где же тогда другие? Пит, Финник, Энбария... и... и еще один, верно? Или Джоанна, или Чэф, или Брут были еще живы, когда начались взрывы. Уверена, они хотят поставить нас всех в пример. Но где они держат их? Перевели их из больницы в тюрьму?

- Пит, - шепчу я. Я так хотела его защитить. Все еще хочу. Раз я не смогла спасти его жизнь, я должна найти его и убить прежде, чем Капитолий выберет для него самую мучительную смерть. Я спускаю ноги со стола и оглядываюсь в поисках оружия. Несколько запакованных шприцов лежат около кровати Бити. Прекрасно. Все, что мне нужно, воздух и укол в одну из его вен.

На мгновение я медлю, раздумывая об убийстве Бити. Но если я сделаю это, включится звуковой сигнал, и они поймут меня до того, как я смогу добраться до Пита. Я даю молчаливое обещание вернуться и помочь ему, если смогу.

На мне нет ничего, кроме тонкой длинной ночной рубашки, поэтому я засовываю шприц под повязку, скрывающую раны на моей руке. В двери нет охранников. Без сомнения, я на мили ниже Тренировочного центра или в какойто Капитолийской крепости, где нет никакой возможности побега. Это не имеет значения. Я не убегаю, я заканчиваю работу.

Я ползу по коридору к приоткрытой металлической двери. Кто-то стоит за ней. Я вынимаю шприц и держу его в руке. Прижимаясь к стене, я слушаю голоса внутри.

- Связь с Седьмым, Десятым и Двенадцатым прервана. Но в Одиннадцатом теперь взяли под контроль транспортировку, так что, есть надежда получить еду от них.

Плутарх Хевенсби, думаю я. Хотя на самом деле я говорила с ним лишь однажды. Хриплый голос задает вопрос.

- Нет, мне жаль. Нет никакого способа доставить тебя в Четвертый. Но я дал особый указ, насчет ее поиска, если это возможно. Это самое большее, что я могу сделать, Финник.

Финник. Мой разум изо всех сил пытается разобраться в смысле беседы и том факте, что она протекает между Плутархом Хевенсби и Финником. Он так близок и дорог Капитолию, что все его преступления будут прощены? Или он на самом деле понятия не имел о том, что замышлял Бити? Он хрипит чтото еще. Чтото с отчаяньем.

- Не будь идиотом. Это худшее, что ты можешь сделать. Тогда она точно умрет. Пока ты жив, они будут держать ее для приманки, - говорит Хеймитч.

Говорит Хеймитч! Я стучу в дверь и захожу в комнату. Хеймитч, Плутарх и очень потрепанный Финник без дела сидят за столом, накрытым едой, которую никто не трогает.

Дневной свет льется в изогнутые окна, и в отдалении я вижу верхушки деревьев. Мы летим.

- Решила угробить себя, солнышко? - говорит Хеймитч с очевидным раздражением в голосе. Но когда я начинаю заваливаться веред, он подходит, хватая меня за запястья, и возвращает в устойчивое положение. Он смотрит на мою руку. - Итак, ты и шприц против Капитолия? Видишь, именно поэтому никто не позволит тебе разрабатывать планы. - Я смотрю на него с непониманием. - Брось его. - Я чувствую, как давление увеличивается на моем правом запястье, пока моя ладонь не вынуждена раскрыться, и я выпускаю шприц. Он усаживает меня на стул рядом с Финником.

Плутарх ставит передо мной миску с бульоном. Булочку. Сует ложку в мою руку.

- Поешь, - произносит он несколько более добрым голосом, чем Хеймитч.

Хеймитч садится прямо передо мной.

- Китнисс, я собираюсь объяснить тебе, что случилось, и я хочу, чтобы ты не задавала никаких вопросов, пока я не закончу. Поняла?

Я тупо киваю. И вот, что он мне рассказывает.

План забрать нас с арены был с того самого момента, как объявили о Двадцатипятилетию Подавления. У трибутовпобедителей из Третьего, Четвертого, Шестого, Седьмого, Восьмого и Одиннадцатого знания об этом были разной степени. Плутарх Хевенсби в течение нескольких лет был частью тайного сообщества, стремящегося свергнуть Капитолий. Он удостоверился, что провод будет среди оружия. Бити отвечал за обеспечение дыры в силовом поле. Хлеб, который мы получали на арене, был закодированным сообщением о нашем спасении. Дистрикт, из которого был хлеб, указывал на день. Три. Число булочек - час. Двадцать четыре.

Планолет принадлежит Дистрикту 13. Бонни и Твил, женщины из Восьмого, которых я встретила в лесу, были правы в том, что он существует и способен обороняться. Сейчас мы окольными путями направляемся к Тринадцатому. Тем временем, большинство дистриктов Панема находятся в полномасштабных восстаниях.

Хеймитч остановился, чтобы понять, улавливаю ли я мысль. Или, возможно, на этот момент он закончил.

Нелегко принять такой разработанный план, частью которого я была, так же, как я была частью Голодных Игр. Используемая без согласия, без осведомленности. В Голодных Играх я хотя бы знала, с чем имею дело.

Мои предполагаемые друзья были гораздо более скрытными.

- Ты не говорил мне. - Мой голос такой же хриплый, как у Финника.

- Ни тебе, ни Питу не сказали. Мы не могли рисковать, - говорит Плутарх. - Я даже волновался, что ты упомянешь мою неосторожность с часами во время Игр. - Он достает свои карманные часы и двигает их большим пальцем, чтобы на них вспыхнула сойкапересмешница. - Конечно, когда я показал тебе это, я просто проинформировал тебя об арене. Как ментора. Я думал, это будет первым шагом к получению твоего доверия. Я даже вообразить не мог, что ты снова будешь трибутом.

- Я все еще не понимаю, почему меня и Пита не посветили в план? - произношу я.

- Потому что, как только силовое поле исчезло, вы были бы первыми, кого они попытались бы захватить. И чем меньше вы знали, тем лучше, - отвечает Хеймитч.

- Первые? Почему? - спрашиваю я, пытаюсь следовать ходу их мыслей.

- По той же самой причине, по которой остальные из нас согласились отдать свою жизнь ради вашего спасения, - говорит Финник.

- Нет, Джоанна пыталась убить меня, - отвечаю я.

- Джоанна ударила тебя, чтобы вытащить следящее устройство из твоей руки и увести от тебя Брута и Энобарью, - произносит Хеймитч.

- Что? - Моя голова раскалывается, и я хочу, чтобы они перестали ходить вокруг да около. - Я не понимаю, что вы...

- Мы должны были спасти тебя, потому что ты сойкапересмешница, Китнисс, - говорит Плутарх. - Пока ты жива, жива революция.

Птица, брошь, песня, ягоды, часы, крекер, одежда, вспыхивающая огнем. Я сойкапересмешница.

Та, которая выжила, несмотря на планы Капитолия. Я символ восстания.

Это то, что я подозревала, когда нашла сбежавших Бонни и Твил. Хотя на самом деле я никогда не понимала значительность этого. Но тогда я и не должна была понимать. Я думаю о Хеймитче, смеющемся над моими планами сбежать из Дистрикта 12, начать свое собственное восстание, даже над мыслью, что Дистрикт 13, возможно, существует. Отговорки и обманы. И если он мог делать все это, скрываясь за маской сарказма и пьянства, так убедительно, о чем еще он мне лгал? Я знаю, о чем.

- Пит, - шепчу я с обрывающимся сердцем.

- Остальные поддерживали Пита, потому что если бы он умер, мы знали, не было бы никакой возможности оставить тебя в союзе, - говорит Хеймитч. - А мы не могли рисковать, оставляя тебя незащищенной. - Он произносит это, как ни в чем не бывало, с тем же выражением, но он не может ничего поделать с серым оттенком, в который окрашивается его лицо.

- Где Пит? - шиплю я на него.

- Его забрал Капитолий, как и Джоанну с Энобарией, - говорит Хеймитч. И наконецто соизволяет опустить глаза.

Технически, я не вооружена. Но никому и никогда не следует недооценивать вред, который могут причинить ногти, особенно если цель этого не ожидает. Я бросаюсь через стол и царапаю лицо Хеймитча, вызывая потоки крови и повреждение глаза. А затем мы кричим ужасные вещи друг другу, понастоящему ужасные, Финник пытается оттащить меня, и я знаю, что все, что Хеймитч может сделать, не разорвать меня на части, я сойкапересмешница. Я сойкапересмешница, и сохранить меня живой стоило ему огромных усилий.

Еще одни руки помогают Финнику, и я возвращаюсь на свой стол. Мое тело удерживают, запястья связали, поэтому я снова и снова яростно стучу головой по столу. В мою руку входит игла, голова болит так сильно, я перестаю сопротивляться и просто издаю ужасные звуки, похожие на крики умирающего животного, пока мой голос не пропадает.

Лекарство вызывает успокоение, но не сон, поэтому я оказываюсь в ловушке неопределенного, причиняющего тупую боль страдания, которое, кажется, будет теперь со мной всегда. Они снова вставляют в меня трубки и говорят успокаивающими голосами, которые никогда не достигнут моего сознания. Все о чем, я думаю, это Пит,

лежащий где-то на таком же столе, пока они пытаются заставить его выдать информацию, которой у него даже нет...

- Китнисс, Китнисс, мне жаль. - Голос Финника идет от кровати, стоящей рядом с моей, и проскальзывает в мое сознание. Возможно, потому что у нас общий вид боли. - Я хотел вернуться за ним и Джоанной, но не смог сдвинуться.

Я не отвечаю. Благие намерения Одейра означают даже меньше, чем ничего.

- Для него это лучше, чем для Джоанны. Они выяснят, что он ничего не знает довольно быстро. И они не станут убивать его, если посчитают, что смогут использовать его против тебя.

- Как приманку? - говорю я в потолок. - Так же, как они будут использовать Энни, Финник?

Я слышу, как он плачет, но меня это не волнует. Они, вероятно, даже не попытаются выпытать у нее что-нибудь, она ушла. Ушла сразу и навсегда несколько лет назад на Голодных Играх. И у меня хорошие шансы отправиться по тому же пути. Возможно, я уже схожу с ума, и ни у кого не хватает мужества сказать мне об этом. Я чувствую себя достаточно сумасшедшей.

- Мне жаль, что она не была мертва, - говорит Финник. - Мне жаль, что они все не были, как и мы. Так было бы лучше.

Ну, на это нечего ответить. Мне трудно спорить, ведь я сама шла со шприцом на поиски Пита, чтобы убить его, когда нашла их. Я действительно хочу, чтобы он был мертв? То, что я хочу... Я хочу его обратно. Но теперь я никогда не смогу его вернуть. Если даже сила мятежников смогла бы как-то свернуть Капитолий, то, можно быть совершенно уверенным, президент Сноу успеет перерезать Питу горло. Я никогда не верну его. Таким образом, смерть лучше.

И Пит будет знать это, или он продолжит бороться? Он очень сильный и такой хороший лгун. Решит ли он, что у него есть шанс выжить? Будет он вообще волноваться об этом? В любом случае, он этого не планировал. Он уже поставил крест на своей жизни. Вероятно, если он знает, что я спасена, он даже счастлив. Чувствует, что выполнил свою миссию, помог мне остаться в живых.

Думаю, я ненавижу его даже больше, чем Хеймитча.

Я сдаюсь. Прекращаю говорить, отвечать на вопросы, отказываюсь от пищи и воды. Они могут накачивать в мою руку все, что угодно, но это неважно, когда человек потерял волю к жизни. У меня даже есть забавное мнение, что если я действительно умру, Питу позволят жить. Не как свободному человеку, а как безгласому или что-то вроде, ожидающему будущих трибутов из Дистрикта номер двенадцать. Тогда, возможно, он смог бы найти какой-нибудь способ сбежать. На самом деле моя смерть все еще могла спасти его.

Если даже не могла, не важно. Можно умереть назло. Наказать Хеймитча, который, такой же гнилой, как и все люди в этом мире, заставил меня и Пита быть частью своих игр. Я доверяла ему. Отдала ему в руки все, что было мне дорого. А он предал меня.

- Видишь, именно поэтому никто не позволит тебе разрабатывать планы, - сказал он.

Верно, никто в здравом уме не позволил бы мне разрабатывать планы. Потому что я, очевидно, не могу отличить друга от врага.

Много людей приходит говорить со мной, но я делаю так, чтобы все их слова звучали, как щелчки насекомых в джунглях. Бессмысленные и отдаленные. Опасные, но только если вблизи. Всякий раз, когда слова начинают становиться различимыми, я издаю стоны, пока они не введут мне еще обезболивающего, и вещи не вернуться на свои места.

До того момента, как я открываю глаза и нахожу того, кого я не могу заблокировать, смотрящим на меня. Того, кто не будет просить, объяснять или думать, что сможет изменить мое решение мольбами, потому что только он знает, как я устроена.

- Гейл, - шепчу я.

- Привет, Киссис. - Он наклоняется и убирает волосы с моих глаз. Одна сторона его лица была обожжена сравнительно недавно. Его рука на перевязи, и я могу видеть бинты под его шахтерской рубашкой. Что с ним произошло? Откуда он здесь? Что-то плохое случилось дома.

Это не столько забывание вопросов, связанных с Питом, сколько напоминание о других. Все, что требуется, один взгляд на Гейла, и они врываются в настоящее, требуя, чтобы их признали.

- Прим, - задыхаюсь я.

- Она жива. Как и твоя мама. Я вывел их вовремя, - отвечает он.

- Они не в Дистрикте 12? - спрашиваю я.

- После Игр они послали самолеты. Сбросить зажигательные бомбы. - Он колеблется. - Ну, ты же знаешь, что

стало с Котлом.

Я знаю, я видела, как он горел. Тот старый склад, заполненный угольной пылью. Целый дистрикт был покрыт ею. Новый ужас начинает подниматься во мне, когда я представляю зажигательные бомбы, падающие на Шлак.

- Они не в Дистрикте12? - повторяю я. Как будто если я буду говорить это, то все окажется неправдой.

- Китнисс, - говорит Гейл мягко.

Я знаю этот голос. Тот же, что он использует, чтобы приблизиться к раненым животным, прежде чем нанести смертельный удар. Я инстинктивно поднимаю свою руку, чтобы остановить его слова, но он ловит ее и крепко сжимает.

- Не надо, - шепчу я.

Но Гейл не из тех, кто держит от меня секреты.

- Китнисс, нет больше Дистрикта12.

КОНЕЦ ВТОРОЙ КНИГИ

[1]

Полмили - примерно 800 метров

[2] 10 футов - 3 м.

[3] 10 футов - примерно 3 м.

[4] Икэбана - традиционное японское искусство аранжировки; создание композиций из срезанных цветов, побегов в специальных сосудах и размещение их в интерьере.

[5] 35 футов - примерно 10,5 м

[6] 20 футов - примерно 6 м.

[7] Марвел (англ. «Marvel») - чудо, диво, замечательная вещь.

[8] 40 футов - примерно 12 м.

[9] 12 квадратных футов - примерно 1 квадратный метр .

[10] «The fire catches» - здесь ссылка на оригинальное название книги - «Catching Fire».

[11] 5 миль - примерно 8 км.

[12] 10 футов - примерно 3 м.

[13] 100 ярдов - примерно 91 м.

[14] 1 миля - примерно 1,6 км.

[15] 20 футов - примерно 6 м., 25 футов - примерно 7,5 м.

[16] 6 футов - примерно 1,83 м.

[17] «Гайка и Вольт» (англ. «Nuts and Volts») - американский ежемесячный журнал для «мастеров на все руки»: инженеров, конструкторов, техников, экспериментаторов и т. д.

[18] Саван - это одежда для усопшего или покрывало, которым накрывают тело в гробу.

[19] 6 дюймов - примерно 15 см.

[20] 40 ярдов - примерно 3,6 м.

[21] 20 футов - примерно 6 м.

[22] 1 миля - примерно 1,6 км.

[23] 1 ярд - примерно 1 м.

[24] 70 футов - примерно 32 кг.

[25] 6 дюймов - примерно 15 см.

[26] Вайри (англ. «Wire») - провод, проволока.

[27] Гаррота - испанский способ казни через удушение.

[28] 20 ярдов - примерно 2 метра.

with BookDesigner program
bookdesigner@the-ebook.org
24.08.2010